

Kerstin Gier

Saphirschau

Liebe geht durch
alle Zeiten

Arena

Annotation

Гидеон и Гвендолин влюблены по самые уши. Но на пути у них масса подводных камней. Хорошо, что у Гвендолин есть верная подруга Лесли и призрачный советчик Джеймс. Ксемериус, правда, вносит порой неразбериху, но и он — верный друг. А когда Гвендолин и Гидеон попадают в очередную ловушку графа Сен-Жермена, их любовь подвергается суровому испытанию.

- [Керстин Гир](#)
 - [Пролог](#)
 - [~~~](#)
 - [Глава первая](#)
 - [~~~](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [~~~](#)
 - [Глава третья](#)
 - [~~~](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [~~~](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [~~~](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [~~~](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [~~~](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [~~~](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [~~~](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [~~~](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)

- [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
-

Керстин Гир
Таймлесс
Сапфировая книга

Пролог

Лондон, 14 мая 1602 года

В переулках Саутуарка было темно, темно и одиноко. Запахи водорослей, клоаки и тухлой рыбы витали в воздухе. Он непроизвольно сжал ее руку сильнее и потянул дальше.

— Лучше бы мы пошли опять вдоль реки. В этой путанице переулков можно только заблудиться, — прошептал он.

— Угу. И на каждом углу притаился вор или убийца. — В ее голосе была насмешка. — Чудесно! Это в тысячу раз лучше, чем сидеть в затхлом помещении и делать домашние задания.

Она подобрала подол тяжелого платья и поспешила дальше.

Он не выдержал и улыбнулся. Талант Люси находить в любой ситуации и в любое время что-то положительное был неповторимым. Даже так называемый «золотой век» Англии, название которого в настоящий момент казалось неподходящим, поскольку всё выглядело очень мрачным, не мог ее испугать. Скорее наоборот.

— Жаль, что у нас всего три часа, — сказала она, когда он ее догнал. — «Гамлет» мне понравился бы больше, если бы мне не пришлось смотреть его в виде сериала.

Она ловко обогнула лужу, полную грязи, по крайней мере, она надеялась, что это грязь. Потом сделала парочку раскованных танцевальных па и сделала изящное вращение.

— Так всех нас в трусов превращает мысль...^[1]

— разве это не великолепно?

Он кивнул и должен был сделать усилие, чтобы снова не улыбнуться. В присутствии Люси он улыбался слишком часто. Если он не возьмет себя в руки, то будет выглядеть, как полный идиот.

Они шли к Лондонскому мосту — Саутуаркский мост, который лежал бы ближе, в это время еще не был построен. Но им нужно было спешить, если они хотели, чтобы их тайная отлучка в 17-й век не была замечена.

Господи, он бы отдал всё на свете, чтобы снять с себя этот жесткий белый воротник. Он чувствовал себя, как будто ему на шею надели эту

пластмассовую штуку, которую надевают собакам после операции.

Люси свернула за угол в сторону реки. Казалось, она мыслями еще с Шекспиром.

— Сколько тебе пришлось заплатить, чтобы тот мужчина пропустил нас в «Глобус»?

— Четыре тяжелые монеты. Понятия не имею, сколько они стоят. — Он засмеялся. — Предполагаю, что это был его годовой заработок или что-то в этом роде.

— В любом случае, это помогло. Места были замечательные.

Бегом они достигли Лондонского моста. Как и прежде, когда они направлялись в театр, Люси остановилась и собиралась прокомментировать дома, построенные на мосту. Но он потянул ее дальше.

— Ты же помнишь, что сказал мистер Джордж: если долго стоять под окном, можно получить содержимое ночного горшка на голову, — напомнил он. — Кроме того, ты слишком выделяешься!

— Совсем незаметно, что ты находишься на мосту — выглядит, как обыкновенная улица. О, смотри, затор! Подходит время, когда им нужно будет построить еще парочку мостов.

На мосту, в отличие от переулков, было довольно оживленно, но повозки, носилки и кареты, направляющиеся на другой берег Темзы, не двигались ни на ярд. Впереди слышались голоса, проклятия и ржание лошадей, но причину затора невозможно было определить. Из окна кареты рядом с ними высунулся мужчина в черной шляпе. Его накрахмаленный кружевной воротник поднимался почти до ушей.

— Разве нет другой дороги через эту вонючую реку? — крикнул он по-французски своему кучеру.

Кучер отрицательно покачал головой:

— И даже если бы была, мы не можем развернуться, мы застряли. Я схожу вперед, посмотрю что случилось. Наверняка это ненадолго, сир.

Бурча что-то под нос, мужчина втянул голову в карету, пока кучер слез с козлов и стал пробираться сквозь толпу.

— Ты слышал, Пол? Это *французы!* — шепнула Люси восторженно. — Туристы!

— Да. Просто великолепно. Но нам нужно спешить, у нас мало времени.

Он смутно помнил, что где-то читал о том, что этот мост когда-то позже был разрушен, а позже восстановлен в пятнадцати метрах от первоначального места. Не очень хорошее место для перемещения во времени.

Они стали протискиваться вслед за французским кучером, но вскоре люди и экипажи стояли так плотно, что дальнейшее продвижение было просто невозможно.

— Я слышала, что загорелась телега с бочками масла, — произнесла какая-то женщина, ни к кому не обращаясь. — Если они ее не потушат, может сгореть весь мост.

— Но не сегодня, насколько я знаю, — пробормотал Пол и взял Люси за руку. — Идем, нам нужно вернуться и подождать прыжка на другом берегу.

— А ты помнишь пароль? На тот случай, если мы не успеем.

— Что-то вроде «кута» и «лава».

— *Gutta cavat lapidem*,^[2] глупыш. — Она подняла голову и смотрела на него улыбаясь.

Ее голубые глаза сияли от удовольствия и он внезапно вспомнил, что ответил его брат Фальк, когда он спросил его о подходящем моменте. «Я не стал бы долго разговаривать. Я бы просто сделал это. Она может тебе вклепить оплеуху, и тогда всё будет ясно». Конечно, Фальк тут же захотел узнать, о ком идет речь, но Полу не хотелось начинать одну из дискуссий, которые начинались с «Ты знаешь, что связи между де Вилльерами и Монтроузами должны быть чисто деловыми!» и заканчивались с «Кроме того, все женщины Монтроуз стервы и позже становятся драконами а-ля леди Ариста!»

Как бы не так! Стервы... Возможно, это относилось к другим женщинам Монтроуз, но совершенно точно — не к Люси. Люси — которая его снова и снова удивляла, которой он доверил секреты, которые до сих пор никому не рассказывал, с которой он буквально... Он перевел дыхание.

— Почему ты остановился? — спросила Люси, но он уже наклонился к ней и прижался губами к ее губам. Первые три секунды он боялся, что она его оттолкнет, но потом она преодолела свое удивление и ответила на поцелуй. Сначала очень осторожно, а потом всё убедительнее.

Вообще-то, этот момент можно было назвать как угодно, но не подходящим, и они должны были сильно спешить, поскольку каждый момент мог совершиться прыжок, и... Пол забыл, что было третьим «вообще-то». Она была единственным, что сейчас имело значение.

Но тут его взгляд упал на фигуру в темном капюшоне и он испуганно отскочил. Люси какое-то мгновение смотрела на него непонимающим взглядом, потом покраснела и стала смотреть вниз, на ноги.

— Извини, — пробормотала она смущенно. — Ларри Коулмэн тоже говорил, что, когда я целуюсь, такое ощущение, что в рот сунули

пригоршню зеленого крыжовника.

— Крыжовника? — Он помотал головой. — И что это за Ларри Коулмэн, черт побери?

Сейчас она вообще была сбита с толку, и он не мог на нее за это сердиться. Он должен был постараться упорядочить хаос, царивший в его голове. Он утащил Люси в сторону, подальше от света факелов, взял ее за плечи и заглянул глубоко в глаза.

— Хорошо, Люси. Первое: ты целуешься так, как... клубника на вкус. Второе: если я найду этого Ларри Коулмэна, он от меня получит. Третье: запомни, на чем мы остановились. Но сейчас у нас возникла небольшая проблема.

Без слов он показал на высокого мужчину, медленно вышедшего из тени кареты и приближающегося к окну кареты француза.

Люсины глаза расширились от ужаса.

— Добрый вечер, барон, — сказал мужчина. Он говорил по-французски, и при звуках его голоса Люси впиалась пальцами в руку Пола. — Как приятно видеть вас здесь. Далекий путь из Фландрии.

Он опустил капюшон.

— Фальшивый маркиз! Что вы здесь делаете? Как это все понимать?

— Я бы тоже хотела это знать, — прошептала Люси.

— Разве так здороваются со своим потомком? — ответил высокий мужчина, явно в хорошем настроении. — Я все-таки внук внука вашего внука, и пусть меня называют мужчиной без имени, уверяю вас, имя у меня есть. Даже несколько, если уж быть точным. Могу я составить вам компанию в карете? Не очень удобно стоять на мосту, к тому же этот затор явно еще продлится.

Не дожидаясь ответа и не оглядываясь, он открыл дверцу кареты и забрался внутрь.

Люси оттащила Пола еще на два шага дальше от светового круга факелов.

— Это действительно он. Только намного моложе. Что нам теперь делать?

— Ничего, — прошептал Пол. — Мы же не можем подойти и поздороваться. Мы вообще не должны были быть здесь.

— Но почему *он* здесь?

— Глупое совпадение. Мы ни в коем случае не должны попасться ему на глаза. Пойдем, нам нужно на берег.

Но никто из них не сдвинулся с места. Оба смотрели на темное окошко кареты, замороженные еще сильнее, чем прежде в «Глобусе».

— В нашу последнюю встречу я дал недвусмысленно понять, что я о вас думаю, — послышался голос французского барона.

— О да! — Тихий смех гостя вызвал гусиную кожу на руках Пола, хотя он и не мог сказать почему.

— Мое решение непоколебимо! — голос барона немного дрогнул. — Я передам эту дьявольскую машину Альянсу, неважно, какими коварными способами вы попытаетесь мне помешать. Я знаю, что вы заключили союз с дьяволом.

— Что он имеет в виду? — прошептала Люси.

Пол только покачал головой.

Из кареты опять послышался тихий смешок.

— Мой твердолобый заблуждающийся предок! Насколько проще была бы ваша жизнь — а также моя! — если бы слушали меня, а не вашего епископа или достойных сожаления фанатиков Альянса. Если бы использовали свой разум, вместо чёток. Если бы вы осознали, что являетесь частью чего-то намного большего, а не того, о чем рассказывает ваш проповедник.

Ответ барона, казалось, состоял из «Отче наш», Люси и Пол слышали только его тихое бормотание.

— Аминь! — сказал гость со вздохом. — Это и есть ваш последний ответ в этом деле?

— Вы — дьявол во плоти! — сказал барон. — Немедленно покиньте мою карету и не показывайтесь мне больше на глаза.

— Как пожелаете. Но есть еще один пустяк. Я раньше не рассказывал, чтобы не волновать вас понапрасну, но на вашей могильной плите, которую я видел собственными глазами, стоит 14 мая 1602 года как дата вашей смерти.

— Но это же... — сказал барон.

— ... сегодня, правильно. И до полуночи осталось совсем немного.

Было слышно только тяжелое дыхание барона.

— Что он сейчас делает? — прошептала Люси.

— Он нарушает собственные законы. — Затылок Пола покрылся гусиной кожей. — Он говорит о...

Он прервался, поскольку в его животе возникло знакомое ощущение.

— Мой кучер сейчас вернется, — сказал барон, и в его голосе прозвучал откровенный страх.

— Я уверен в этом, — ответил гость скучно. — Поэтому я поспешу.

Люси положила руку на живот: «Пол!»

— Я знаю, у меня тоже. Черт возьми... Нам нужно бежать, если мы не

хотим упасть в реку.

Он схватил ее за руку и потянул вперед, стараясь не поворачиваться лицом к окошку кареты.

«Вероятно, вы умерли на родине от последствий очень неприятной инфлюэнцы, — слышали они голос гостя, когда пробирались мимо кареты. — Но мои посещения, последствием которых стало ваше сегодняшнее пребывание в Лондоне, при том в отменном здоровье, значительно нарушили равновесие. Я человек корректный и поэтому чувствую себя обязанным немного помочь смерти».

Хотя Пол был занят своими ощущениями в животе и расчетом количества метров, оставшихся до берега, значение этих слов просочилось в его сознание и он резко остановился.

Люси толкнула его в бок.

— Беги! — шикнула она, сама начиная бежать. — У нас всего несколько секунд.

С подгибающимися коленями он тоже начал двигаться в сторону берега, и пока он бежал и берег постепенно размывался перед глазами, из кареты послышался страшный, пусть и сдавленный, крик, вслед за которым последовал возглас «Дьявол!» и затем воцарилась смертельная тишина.

~ ~ ~

Хроники Хранителей

19 декабря 1992 года

Люси и Пол были сегодня отправлены в 1948 год для элапсирования. По возвращении в девятнадцать часов они оказались в розовых кустах перед окном Зала Дракона, в насквозь промокшей одежде 17-го века. Они выглядели напуганными, путано говорили, поэтому я вопреки их просьбам уведомил лорда Монтроуза и Фалька де Вилльера.

Однако нашлось очень простое объяснение. Лорд Монтроуз вспомнил о костюмированном празднике, состоявшемся в 1948 году в саду, во время которого некоторые гости, в том числе Люси и Пол, после употребления слишком большого количества алкоголя оказались в пруду с золотыми рыбками.

Лорд Монтроуз перенял ответственность за случившееся полностью и обещал восстановить оба погибших экземпляра роз: «Фердинанд Пикар» и «Миссис Джон Лэйнг».

Люси и Пол были строго предупреждены о недопустимости употребления алкоголя в будущем, вне зависимости от эпохи.

Отчет: Дж. Маунтджой, адепт 2-го уровня

Глава первая

— Эй-эй! Вы же в церкви! Здесь не целуются!

Я испуганно открыла глаза и отпрянула, ожидая увидеть старомодного священника в развевающейся сутане и с возмущенным выражением лица, спешащего к нам и готового обрушить на наши головы нравоучительную проповедь. Но тот, кто помешал нашему поцелую, был не священником. Он вообще не был человеком. Он был небольшой горгульей, сидевшей на церковной скамье рядом с исповедальней и смотревшей на меня так же озадаченно, как и я на него.

Хотя озадачить меня было сложно. Мое состояние нельзя было назвать только «озадаченностью». Если совсем честно, то мой разум отказывался работать.

Всё началось с этого поцелуя. Гидеон де Вилльер поцеловал меня — Гвендолин Шеферд.

Конечно, стоило себя спросить, откуда у него вдруг взялась эта идея — в исповедальне какой-то церкви где-то в Белгравии в 1912 году — сразу после того, как нам с большим трудом удался побег со многими препятствиями, из которых мое длинное, узкое платье со смешным матросским воротничком было не самым сложным.

Мне стоило бы проанализировать и сравнить этот поцелуй с другими, полученными ранее, и выяснить в чем была причина того, что Гидеон целовался намного лучше.

Мне надо было бы подумать и о том, что между нами была перегородка с небольшим окошком, через которое Гидеон протиснул голову и руки, что это были не идеальные условия для первого поцелуя, не говоря уже о том, что мне не нужно было еще больше хаоса в жизни, после того, как я всего три дня назад узнала, что я наследовала ген путешественника во времени.

На самом же деле я ни о чем не думала, ну разве только «Ооо!», и «Ммммм!», и «Еще!».

Поэтому я и не заметила сразу тянущее чувство в животе, и только сейчас, когда эта маленькая горгулья, скрестив руки на груди, зыркала на меня с церковной скамьи, когда мой взгляд упал на коричневую штору исповедальни, которая буквально только что была зеленой, я сообразила, что мы вернулись в настоящее время.

— Черт! — Гидеон вернулся на свою половину исповедальни и потер

затылок.

Черт? Я шлепнулась наземь с седьмого неба и забыла о горгулье.

— Ну не так уж и плохо было, — сказала я, постаравшись сохранить непринужденный тон. К сожалению, мое дыхание сбилось, что, несомненно, снижало общее впечатление. Я не могла заставить себя смотреть Гидеону в глаза, вместо это я уставилась на коричневую полиэстеровую штору исповедальни.

Господи! Я прыгнула во времени почти на сто лет, даже не заметив этого — так этот поцелуй меня полностью... целиком... застал врасплох. Я имею в виду: вот только что этот тип критикует меня по любому поводу, через мгновение мы оказываемся втянутыми в погоню, и я должна прятаться от мужчин с пистолетами, и внезапно — как будто из ничего — он заявляет, что я очень необычная, и целует меня. И как целует! Я тут же приревновала его ко всем девочкам, у которых он этому научился.

— Никого нет. — Гидеон выглянул из кабинки и вышел из исповедальни. — Хорошо. Мы поедем в Темпл на автобусе. Пошли, они наверняка уже ждут нас.

Я растерянно смотрела на него через штору. Что это должно означать? Мы просто так переходим к обычному распорядку? После поцелуя (лучше, конечно, до него, но сейчас было уже поздно об этом рассуждать) следует обсудить парочку важных моментов, если я не ошибаюсь. Был ли этот поцелуй некой формой объяснения в любви? А может, мы с Гидеоном даже стали теперь парой? Или мы просто поцеловались, потому что больше нечего было делать?

— Я не поеду в автобусе в этом платье, — заявила я категорично, стараясь при этом встать, сохраняя достоинство. Я бы скорее откусила бы себе язык, прежде чем задать один из вопросов, которые крутились у меня в голове. На мне было белое платье с небесно-голубыми сатиновыми ленточками вокруг талии и на воротнике, что, предположительно, было последним писком моды в 1912 году, но совершенно не подходило для общественного транспорта в двадцать первом веке. — Мы возьмем такси.

Гидеон развернулся ко мне лицом, но возражать не стал. В своем сюртуке и брюках со стрелками он тоже не слишком походил на пассажира автобуса. При этом он очень хорошо выглядел, тем более, что волосы у него уже не были зачесаны за уши, как два часа назад, а падали на лоб растрепанными прядями.

Я вышла из кабинки и поежилась. Внутри было очень холодно. А может, меня морозило оттого, что в последние три дня я почти не спала? Или от того, что как раз произошло?

Скорее всего, мое тело за последнее время выбросило адреналина больше, чем за все предыдущие шестнадцать лет. Так много всего случилось, и у меня было так мало времени обо всем этом подумать, что казалось, моя голова сейчас лопнет от избытка информации и чувств. Если бы я была героиней комикса, возле меня было бы облачко с огромным вопросительным знаком. И, возможно, парочка черепов.

Я подтолкнула сама себя. Если Гидеон хочет вернуться к нормальному распорядку дня — ради бога, я тоже это могу.

— Ну ладно, идем, — сказала я резко. — Я тут замерзаю.

Я хотела пройти мимо него, но он задержал меня за руку.

— Послушай, по поводу только что... — Он замолчал, очевидно, надеясь, что я продолжу.

Что я, конечно, не сделала. Я очень хотела знать, что он собирается мне сказать. Кроме того, мне трудно было дышать, находясь к нему так близко.

— Этот поцелуй... Я не...

Опять половина предложения. Но в мыслях я тут же его закончила.

Я не это имел в виду.

О, всё ясно, но тогда и не надо было делать, не так ли? Это все равно, что поджечь занавес, а потом удивляться, что сгорел весь дом. (Ладно-ладно, глупое сравнение.) Мне не хотелось облегчать ему задачу, и я смотрела холодно и выжидательно. То есть, я *пыталась*, смотреть на него холодно и выжидательно, а в действительности на моем лице наверняка было выражение *Я-маленький-Бэмби-не-стреляйте-пожалуйста*, и я ничего не могла с этим поделать. Не хватало еще, чтобы у меня начала дрожать нижняя губа.

Я не это имел в виду. Ну давай, говори!

Но Гидеон ничего не сказал. Он вытащил заколку из моих растрепанных волос (моя сложная прическа из уложенных баранок косами наверняка выглядела уже так, как будто там пыталась устроить гнездо птичья пара), взял прядь волос и накрутил себе на палец. Другой рукой он погладил меня по лицу, а потом наклонился и поцеловал меня еще раз, на этот раз крайне осторожно. Я закрыла глаза — и тут же произошло то же самое: мой разум перешел в режим паузы. (Ничего не осталось, кроме «Ооо!», «Ммммм!», и «Еще!»)

Но длилось это не более десяти секунд. Чей-то голос нервно произнес рядом с нами: «О, опять начинается?!»

Испугавшись, я легонько оттолкнула Гидеона и уставилась в прямо в морду горгульи, свисавшей вниз головой с хоров, под которыми мы стояли.

Точнее, это был призрак горгульи.

Гидеон отпустил меня и его лицо приняло нейтральное выражение. О боже! Что он теперь обо мне подумал? В его зеленых глазах ничего не отражалось, разве что легкое удивление.

— Мне... мне показалось, я что-то услышала, — пролепетала я.

— Окей, — растянуто ответил он, сохраняя дружелюбный тон.

— Ты меня услышала, — сказала горгулья. — Ты меня *услышала!*

Существо было размером с кошку, его мордочка тоже смахивала на кошачью, но между большими заостренными рысьими ушами голову его украшали два небольших округлых рога, кроме того, на спине у него росли крылышки, а сзади был длинный чешуйчатый, как у ящерицы, хвост, заканчивающийся треугольником. И существо било хвостом в сильном возбуждении.

Я ничего не ответила.

— Пожалуй, нам лучше двинуться в путь, — сказал Гидеон.

— Ты меня видишь и слышишь! — Горгулья была в восхищении. Она уже спрыгнула с хоров и теперь прыгала по скамье вверх-вниз. У существа был голос простуженного охрипшего ребенка. — Я заметил!

Сейчас было важно не совершить ошибки, иначе я от него никогда не отделаюсь. Я подчеркнуто равнодушно скользнула взглядом по скамьям, когда шла к выходу. Гидеон открыл дверь.

— Спасибо, очень мило! — сказала горгулья и выскочила на улицу.

Я тоже вышла и прищурившись посмотрела на солнце. Было облачно, и солнца не было видно, но по моим ощущениям был ранний вечер.

— Подожди! — крикнуло мне существо и дернуло за подол платья. — Нам срочно нужно поговорить! Эй, ты наступаешь мне на ноги... Не делай вид, что ты меня не видишь. Я знаю, что это не так.

Из его рта вылилось немного воды прямо на мои штилеты с пуговичками.

— Ой, извини. Со мной это случается только тогда, когда я волнуюсь.

Я посмотрела на фасад церкви. Скорее всего, это был викторианский стиль, с разноцветными витражами и двумя башнями. Кирпичная кладка перемежалась с кремово-белой штукатуркой, и вместе они образовывали симпатичный полосатый узор. Но как высоко я бы ни задирала голову, нигде не было видно ни одной фигуры или горгульи. Странно, что призрак слонялся именно здесь.

— Я зде-е-е-есь! — крикнул призрак горгульи и залез на стену прямо передо мной. Он двигался, как ящерица, все призраки так умеют. Пару секунд я смотрела на кирпич рядом с его головой, потом отвернулась.

Существо было не так уже уверено, что я его вижу.

— Ну *пожалуйста!* — сказала горгулья. — Было бы так здорово — поговорить с кем-нибудь другим, кроме призрака сэра Артура Конан-Дойля.

Да он совсем не глуп, этот призрак. Но я не поддалась на провокацию. Мне было его немного жаль, но я знала, какими прилипчивыми могут быть эти малютки, кроме того, он помешал нашему поцелую и из-за него Гидеон, наверное, считает меня капризной коровой.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожа-а-а-алуиста! — сказала существо.

Но я и дальше изо всех сил его игнорировала. У меня и без него хватало проблем.

Гидеон подошел к бровке и махнул рукой, останавливая такси. И разумеется, тут же подъехало пустое. Некоторым людям в таких делах всегда везет. Или у них просто такой авторитетный вид. Возьмем, например, мою бабушку, леди Аристу. Ей достаточно остановиться на краю тротуара и строго посмотреть, как водители такси тут же тормозят.

— Ты идешь, Гвендолин?

— Ты не можешь просто взять и уйти. — В хриплом детском голоске слышались разрывающие душу слезы. — Мы только-только нашли друг друга.

Если бы мы были одни, я, наверное, не выдержала бы и заговорила с ним. Несмотря на острые клыки и когтистые лапы он был очень милым и, наверное, имел не слишком много общения. (Призрак сэра Артура Конан-Дойля, во всяком случае, нашел бы лучший способ времяпрепровождения. И вообще, что он должен был делать в Лондоне?) Но если общаешься с призраками в чьем-то присутствии, тебя считают — если повезет — лжецом или даже — в большинстве случаев — сумасшедшим. Я не хотела рисковать, боясь, что Гидеон примет меня за сумасшедшую. К тому же последняя горгулья-демон, с которой я разговорила, настолько привязалась ко мне, что я едва могла одна пойти в туалет.

Поэтому я с каменным лицом села в такси и всю поездку смотрела прямо перед собой. Сидевший рядом Гидеон всю дорогу смотрел в окно. Водитель разглядывал в зеркальце заднего вида наши костюмы, задирая в недоумении брови, но ничего не говорил. За это он заслуживал уважения.

— Скоро полседьмого, — сказал Гидеон, очевидно, старавшийся начать нейтральный разговор. — Не удивительно, что я так проголодался.

Только когда он это произнес, я почувствовала, что тоже голодна. Из-за ужасного настроения за столом от завтрака в кругу семьи я и половины не съела, а школьная еда была, как всегда, несъедобная. С некоторой тоской я

подумала об аппетитно выглядевших бутербродах и булочках на столе у леди Тилни, которые нам так и не довелось попробовать.

Леди Тилни! Только теперь я сообразила, что не мешало бы мне и Гидеону договориться о том, что случилось с нами в 1912 году. История совершенно вышла из-под контроля, и я не имела ни малейшего понятия, как среагируют Хранители, не понимающие никаких шуток в отношении путешествий во времени. Гидеон и я совершили этот прыжок с заданием, влить леди Тилни в хронограф (между прочим, я так и не поняла, зачем это нужно, но всё выглядело страшно важным; если я не ошибаюсь, речь идет о спасении всего мира, как минимум). Но до того, как мы сумели выполнить задание, появились моя кузина Люси и Пол — в свое время злодеи всей этой истории. По крайней мере, так считают все родственники Гидеона и он сам. Якобы Люси и Пол украли второй хронограф и спрятались с ним во времени. Несколько лет никто ничего о них не слышал — пока они не появились у леди Тилни и поставили с ног на голову все наше чаепитие.

Но вот в какой момент появились пистолеты, я от испуга совершенно забыла, помню только, что в какой-то момент у головы Люси оказалось оружие в руках Гидеона, пистолет, который он вообще-то не имел права брать с собой. (Как я свой мобильник, только мобильником нельзя никого застрелить!) После этого мы сбежали в церковь. Но у меня постоянно было ощущение, что вся история с Люси и Полом была не так проста, как это хотели представить де Вилльеры.

— Что мы скажем по поводу леди Тилни? — спросила я.

— Хм. — Гидеон устало потер рукой лоб. — Не то чтобы нам нужно врать, но, наверное, было бы умнее в данном случае умолчать о некоторых вещах. Лучше всего будет, если буду говорить только я.

И снова этот знакомый командирский тон.

— Конечно, — сказала я. — Я буду кивать с закрытым ртом, как и положено девочке.

Непроизвольно я скрестила руки на груди. Почему Гидеон не мог вести себя нормально? Сначала он меня целует (и между прочим, не один раз!), а сразу после этого ведет себя как Великий мастер из ложи Хранителей?

Каждый из нас смотрел на улицу из своего окна.

Первым прервал молчание Гидеон, и мне это доставило некоторое удовлетворение.

— Что случилось? Кошка украла твой язык?

То, как он это произнес, придало словам оттенок смущенности.

— Э-э-э?

— Моя мама спрашивала меня, когда я был маленький. Когда я так же упорно смотрел в одну точку, как ты сейчас.

— У тебя есть *мама*? — Только после того, как я произнесла эти слова, я заметила, насколько глупым был вопрос. Господи!

Гидеон задрал бровь.

— А ты что думала? — спросил он, явно развеселившись. — Что я — андроид и меня собрали дядя Фальк и мистер Джордж?

— Звучит не так уж нелепо. А у тебя есть твои фотографии младенческого возраста? — Представив Гидеона младенцем, с круглым толстощеким личиком, я ухмыльнулась. — А где твои мама и папа? Они тоже живут в Лондоне?

Гидеон покачал головой.

— Мой отец умер, а моя мам живет в Антибе, на юге Франции. — На какой-то момент его губы сжались в тонкую полоску, и я уже думала, что он снова замолчит. Но тут он продолжил: — С моим младшим братом и новым мужем, мсье *Называй-меня-папой* Бертелин. Он владеет фирмой, изготавливающей детали из платины и меди для электронных устройств, и очевидно, дела у него идут очень хорошо: во всяком случае, свою шикарную яхту он назвал «Крёз».

Я была озадачена. Так много личной информации в один присест — это было вовсе не похоже на Гидеона.

— О, там, наверное, классно проводить каникулы?

— О да, конечно! — язвительно ответил он. — У них есть бассейн размером в три теннисных поля, а на чертовой яхте все краны золотые.

— Во всяком случае, мне кажется, это лучше, чем неотопливаемый домик в Пибле.^[3]

Наша семья принципиально проводила все отпуска в Шотландии.

— Если бы моя семья жила в южной Франции, я бы ездила туда каждые выходные. Даже если бы у них не было бассейна и яхты.

Гидеон глянул на меня с недоумением.

— Да? И как бы ты это делала, если каждые пару часов тебе приходится прыгать в прошлое? Не такое уж приятное событие, если ты в этот момент несешься по автострате со скоростью сто пятьдесят километров в час.

— О!

Вся история с прыжками во времени была для меня слишком новой, чтобы я могла думать обо всех последствиях. Существовало всего двенадцать носителей гена — разбросанных по разным векам, — и я все еще не могла по-настоящему осознать, что я была одним из них. Вообще-то

им должна была стать моя кузина Шарлотта, которая усердно готовилась к этой роли. Но моя мама по совершенно непонятным причинам схитрила по поводу даты моего рождения, и вот результат. Точно так же, как у Гидеона, у меня был выбор: контролируемо прыгать во времени при помощи хронографа или рисковать тем, что в любой момент в любом месте может произойти прыжок во времени, что, как я уже знала из собственного опыта, не очень приятно.

— Нужно просто взять с собой хронограф, чтобы иметь возможность в подходящие моменты элапсировать, — подумала я вслух.

Гидеон горько хмыкнул.

— Ну да, именно так можно спокойно путешествовать, заодно знакомишься со многими историческими местами на маршруте. Но даже если не учитывать, что никто мне не позволит путешествовать с хронографом в багаже, что *ты* будешь делать без него? — Он смотрел в окно мимо меня. — Из-за Люси и Пола у нас есть только один хронограф, или ты уже забыла? — Его тон снова стал резким, как всегда, когда речь заходила о Люси и Поле.

Я пожалала плечами и тоже уставилась в окно. Такси черепашьим шагом двигалось в сторону Пикадилли. Ну да, отлично. Час пик в центре города. Наверное, пешком мы добрались бы быстрее.

— Очевидно, ты до сих пор так и не поняла, что в будущем у тебя будет не слишком много возможностей, чтобы покинуть остров, Гвендолин. — В голосе Гидеона звучала горечь. — Или этот город. Вместо отпуска в Шотландии, твоя семья должна была бы показать тебе большой далекий мир. Сейчас для этого уже поздно. Настраивай себя, что всё, что тебе еще хотелось бы увидеть, тебе придется рассматривать в *Google Earth*.

Водитель такси вытащил из кармана потрепанную книжицу в мягком переплете, откинулся на спинку сиденья и невозмутимо начал читать.

— Но ты же был... в Бельгии... и в Париже, — сказала я. — Чтобы оттуда прыгнуть в прошлое и получить кровь от... как там его звали и как называлась эта штука...

— Ну да, конечно, — перебил он меня. — Вместе с дядюшкой, тремя Хранителями и *костюмершей*. Отличное путешествие! Не говоря уже о том, что Бельгия, конечно, особенно экзотичная страна. Каждый мечтает побывать когда-нибудь хотя бы три дня в *Бельгии*, не так ли?

Смущенная его неожиданной вспыльчивостью, я тихо спросила:

— А куда бы ты хотел поехать, если бы мог выбрать?

— Ты имеешь в виду, если бы на мне не было проклятия путешественника во времени? Господи, я бы не знал, с чего начать. Чили,

Бразилия, Перу, Коста Рика, Никарагуа, Канада, Аляска, Вьетнам, Непал, Австралия, Новая Зеландия... — Он слабо улыбнулся. — Вообще-то в любое место, кроме как на Луну. Но думать о том, что ты никогда в жизни не сможешь совершить, не доставляет никакого удовольствия. Мы должны приспособиться к тому, что наша жизнь в плане путешествий будет однотонной.

— Если не принимать в расчет путешествия во времени. — Я покраснела, потому что он сказал «наша жизнь» и это прозвучало как-то... интимно.

— Да, это хоть какая-то компенсация за постоянный контроль и жизнь взаперти, — сказал Гидеон. — Если бы не путешествия во времени, я бы давно уже умер от скуки. Парадокс, но это так!

— Мне бы для того, чтобы пощекотать нервы, хватило бы время от времени посмотреть какой-нибудь захватывающий фильм. Честное слово.

Я грустно проводила взглядом велосипедиста, ловко пробирающегося между стоящими автомобилями. Я хотела домой! Машины перед нами не продвигались вперед ни на миллиметр, что, во-видимому, вполне устраивало нашего водителя.

— Если твоя семья живет на юге Франции, то где же живешь ты? — спросила я Гидеона.

— Недавно я переехал в собственную квартиру в Челси. Но я там бываю только, чтобы принять душ и переночевать. Если вообще бываю... — Он вздохнул. Похоже, что в последние три дня он так же мало спал, как и я. Если даже не еще меньше. — Раньше я жил у своего дяди Фалька в Гринвиче, с момента, как мне исполнилось одиннадцать лет. Когда моя мать познакомилась с месье *Морда-просит-кирпича* и захотела покинуть Англию, Хранители, конечно, были против. К тому моменту до моей инициации оставалось всего пара лет, и мне нужно было еще многому научиться.

— И твоя мама оставила тебя одного?! — Я была уверена, что моя мама никогда бы так не поступила.

Гидеон пожал плечами.

— Я люблю своего дядю, он нормальный, если только не играет роль Великого Мастера ложи. Во всяком случае, он мне нравится в тысячу раз больше, чем мой так называемый отчим.

— Но... — Мне едва хватало мужества спросить, и поэтому я прошептала: — Ты разве не скупаешь по ней?

Снова пожатие плеч.

— Пока мне не исполнилось пятнадцать и можно было безопасно

путешествовать, каждые каникулы я проводил там. Кроме того, моя мать, как минимум, дважды в год приезжает в Лондон. По официальной версии — чтобы встретиться со мной, на самом деле — чтобы потратить деньги мсье Бертелина. У нее слабость к шмоткам, обуви и античным украшениям. И к макробиотическим дорогим ресторанам.

— Мда, похоже, она мама прям с картинки.

— А твой брат?

— Рафаэль? За это время он стал настоящим французом. Он называет *Морду-просит-кирпича* «папой» и когда-нибудь наследует платиновую империю. Правда, пока все идет к тому, что он и школу не закончит, настолько он ленив. Ему больше нравится проводить время с девочками, чем с книгами. — Гидеон положил руку на спинку сиденья позади меня и тут же среагировал на изменение частоты моего дыхания. — Почему ты смотришь так шокировано? Неужели ты меня жалеешь?

— Немного, — ответила я честно и подумала об одиннадцатилетнем мальчике, который должен был остаться совсем один в Англии. Под надзором таинственных мужчин, заставлявших его тренироваться в фехтовании и учиться играть на скрипке. И *поло!* — Но Фальк даже не настоящий твой дядя. Он просто отдаленный родственник.

Позади нас раздалась ожесточенная гудка. Водитель едва глянул в ту сторону и сдвинулся с места, косясь при этом в свою книгу. Мне оставалось только надеяться, что глава была не слишком увлекательной. Гидеон, казалось, вообще не обращал на него внимания.

— Фальк всегда относился ко мне, как к сыну, — сказал он. Он криво улыбнулся. — Правда-правда, не надо смотреть на меня, как будто я Давид Копперфильд.

Э? Почему это я должна была думать, что он — Давид Копперфильд?

Гидеон застонал:

— Я имею в виду героя романа Чарльза Диккенса, а не фокусника. Ты вообще когда-нибудь берешь книгу в руки?

Он был снова здесь, прежний, заносчивый Гидеон. А то у меня слишком уж закружилась голова от дружелюбных и доверчивых рассказов. Как ни странно, я даже почувствовала облегчение поняв, что вернулся прежний противный Гидеон. Я приняла надменное выражение и немного отодвинулась от него.

— Честно говоря, я предпочитаю современную литературу.

— Что ты говоришь? — В глазах Гидеона было веселье. — Например?

Он не мог знать, что моя кузина Шарлотта долгие годы регулярно задавала мне тот же вопрос, так же высокомерно. И хотя я немало читала и

всегда могла спокойно ответить на него, но поскольку Шарлотта постоянно презрительно отзывалась о моих книгах как о «недостаточно изысканных» или «глупостях для девочек», однажды мне это надоело, и я решила испортить ей удовольствие. Иногда нужно отвечать людям тем же способом. Хитрость заключается в том, чтобы говорить уверенно и не запинаясь, и нужно упомянуть хотя бы одного признанного автора бестселлеров, лучше всего того, чью книгу ты действительно читала. Кроме того, есть правило: чем экзотичней и иностранней звучит имя, тем лучше.

Я задрала подбородок и посмотрела Гидеону прямо в глаза.

— Ну, например, я с удовольствием читаю Георга Матуссека, мне нравится Уолли Ламб, Петр Зеленый, Лииза Тикаанен, мне вообще нравится финская литература, у них особое чувство юмора; еще Джек Август Мэрриветер, хотя последняя его книга меня несколько разочаровала; разумеется, Хэлен Марунди, Тахуро Яшамото, Лоуренс Дилэйни, и конечно, Гримфук, Черковский, Маланд, Питт...

Гидеон явно был озадачен.

Я закатила глаза:

— *Рудольф Питт, не Брэд.*

Уголки его рта слегка дрогнули.

— Хотя должна сказать, что «*Аметистовый снег*» мне совершенно не понравился, — быстро продолжила я. — Слишком много напыщенных метафор, тебе не кажется? Пока я читала, не могла отделаться от мысли, что это кто-то другой написал под его именем.

— «*Аметистовый снег*»? — повторил Гидеон, и сейчас он по-настоящему улыбался. — О да, мне он тоже показался ужасно напыщенным. Тогда как «*Янтарная лавина*» мне очень понравилась.

Мне ничего не оставалось, как улыбнуться в ответ.

— Да, он не зря получил за «*Янтарную лавину*» Государственную литературную премию в Австрии. А как тебе нравится Такоши Махуро?

— Ранние книги — довольно неплохо, но мне кажется утомительным, что он постоянно пишет о своей детской травме, — сказал Гидеон. — Из японских авторов мне больше всего нравятся Ямамото Кавасаки и Хараки Мураками.

Я хихикала уже без удержу.

— Мураками есть действительно!

— Я знаю, — сказал Гидеон. — Шарлотта как-то подарила мне его книгу. Когда мы с ней в следующий раз будем говорить о литературе, я ей посоветую «*Аметистовый снег*». Как там было имя автора?

— Рудольф Питт.

Шарлотта подарила ему книгу? Как... ммм... мило с ее стороны. Приходит же такое в голову. И что они еще делали, кроме как разговаривали о книгах? Мое хихикающее настроение как ветром сдуло. Как можно было вообще сидеть и просто трепаться с Гидеоном, как будто ничего между нами не было? Нам следовало бы сначала определиться с некоторыми основополагающими вещами. Я уставилась на него и набрала воздуха, еще не зная точно, что я собираюсь спросить.

Почему ты меня поцеловал?

— Мы почти приехали, — сказал Гидеон.

Сбитая с толку, я выглянула в окно. Действительно, пока мы обменивались колкостями, водитель, очевидно, отложил свою книгу в сторону и продолжил движение, собираясь как раз свернуть к Королевскому суду в Темпле, неподалеку от которого находился главный штаб тайного общества Хранителей. Еще через пару мгновений автомобиль остановился на одном из зарезервированных парковочных мест возле сверкающего «бентли».

— Вы уверены, что мы можем здесь останавливаться?

— Все в порядке, — уверил его Гидеон и вышел из машины. — Нет, Гвендолин, ты останешься в такси и подождешь, пока я принесу деньги, — сказал он, видя, что я пытаюсь тоже выйти. — И не забудь: о чем бы нас ни спрашивали, отвечать буду я. Я скоро вернусь.

— Счетчик тикает, — недовольно сказал водитель.

Мы оба смотрели вслед Гидеону, исчезнувшему между старинными домами Темпла, и я только сейчас сообразила, что я осталась в машине в виде залога оплаты проезда.

— Вы из театра? — спросил водитель.

— Что?

Что это за мерцающая тень над нами?

— Я просто подумал, что вы из театра. Из-за ваших странных костюмов.

— Нет. Мы из музея.

С крыши автомобиля доносились непонятные скребущие звуки. Как будто на крышу приземлилась какая-то птица. Большая птица.

— Что это?

— Что именно? — спросил водитель.

— Мне кажется, на крыше ворона или какая-то другая птица, — сказала я с надеждой в голосе.

Но, разумеется, это была не ворона, которая свесила голову с крыши и

заглядывала в окно. Это была та самая горгулья из Белгравии. Увидев мой обескураженный взгляд, кошачья мордочка возликовала, и на окно вылился поток воды.

~ ~ ~

Die Liebe hemmet nichts; sie kennt nicht Tür noch Riegel;
Und dringt durch alles sich;
Sie ist ohn Anbeginn, schlug ewig ihre Flügel
Und schlägt sie ewiglich.

Mattias Claudius (1740–1815)^{[\[4\]](#)}

Глава вторая

— Вот это я тебя удивил, ага? — крикнуло радостно существо. С момента, когда я вышла из такси, оно говорило без паузы. — Не так-то просто отделаться от такого, как я.

— Ладно-ладно. Послушай...

Я нервно оглянулась на такси. Водителю я сказала, что мне срочно нужно на свежий воздух, а то меня стошнит, и сейчас он подозрительно поглядывал в нашу сторону и удивлялся моему разговору со стеной. Гидеон пока не появился.

— А еще я летать могу. — Для доказательства горгулья расправила крылья. — Как летучая мышь. Быстрее любого такси.

— А теперь послушай меня: то обстоятельство, что я могу тебя видеть, еще не значит, что...

— Видеть *и* слышать! — перебила меня горгулья. — Ты хоть себе представляешь, как редко это встречается? Последняя, кто меня видела, была мадам Тюссо, которая, к сожалению, не слишком ценила мое общество. Большей частью она брызгала на меня святой водой и читала молитвы. Бедненькая, она была слишком чувствительна. — Он закатил глаза. — Ну, ты в курсе: слишком много отрезанных голов...

Мне под ноги снова вылился поток воды.

— Немедленно прекрати!

— Извини! Это от волнения. Небольшое воспоминание о том времени, когда я был водостоком.

Я не слишком рассчитывала на то, что мне удастся от него отделаться, но я должна была хотя бы попытаться. По-дружески. Поэтому я наклонилась, чтобы наши глаза находились на одном уровне.

— Ты наверняка чудесный парень, но ты не можешь со мной оставаться. В моей жизни достаточно сложностей и, откровенно говоря, у меня достаточно знакомых призраков. Поэтому, пожалуйста, исчезни.

— Я не призрак, — сказала существо обиженно. — Я — демон. Или, вернее, то, что осталось от демона.

— И в чем же разница? — спросила я, теряя надежду избавиться от него. — Мне нельзя видеть ни призраков, ни демонов, понимаешь? Ты должен вернуться в свою церковь.

— В чем разница?! Я бы попросил... Призраки — это всего лишь отпечатки умерших людей, которые почему-то не смогли покинуть этот

мир. А я был демоном еще во время жизни. Ты не можешь валить меня в одну кучу с призраками. И кстати, эта *церковь* вовсе не моя. Мне просто нравилось там околачиваться.

Водитель такси смотрел на меня разинув рот. Через открытое окно он наверняка слышал каждое слово, каждое *мое* слово.

Я потерла лоб.

— Мне все равно. Ты не можешь остаться у меня.

— Чего ты боишься? — существо подошло ко мне поближе и склонило голову набок. — Сегодня никого не сжигают как ведьму, только потому, что она видит немного больше, чем обычные люди.

— Но сегодня того, кто разговаривает с призраками и... э-э-э... демонами, отправляют в психушку, — сказала я. — Неужели ты не понимаешь, что... — Я прервала сама себя. Все было напрасно. Подружески я здесь ничего не добьюсь. Поэтому я наморщила лоб и сказала как можно более грубо: — Только потому, что мне не повезло и я могу тебя видеть, у тебя нет никакого права претендовать на мое общество.

Но на горгулью это не оказало никакого воздействия.

— Но зато ты имеешь право претендовать на мое общество, счастливица...

— Короче. Чтобы ты понял: ты мешаешь. Так что, пожалуйста, иди отсюда! — фыркнула я.

— Никуда я не пойду. Ты потом страшно пожалеешь. Кстати, вон идет твой партнер по поцелуям. — Он вытянул губы и стал громко чмокать, имитируя поцелуй.

— Ах, замолчи уже. — Я увидела, как Гидеон вышел из-за угла и стал быстро приближаться. — И исчезни уже наконец.

Последние слова я прошипела, не разжимая губ, как чревоушательница. Разумеется, на демона это не произвело ни малейшего впечатления.

— Не таким тоном, барышня! — сказал он довольно. — Помни всегда пословицу: «Как аукнется, так и откликнется».

Гидеон был не один, позади него я увидела округлую фигуру мистера Джорджа. Он должен был бежать, чтобы поспевать за Гидеоном. Зато уже издали он улыбался мне.

Я выпрямилась и разгладила платье.

— Гвендолин, слава богу! — сказал мистер Джордж, вытирая носовым платком пот со лба. — С тобой все в порядке, моя девочка?

— Толстячок сбился с дыхания, — сказал демон.

— Всё в порядке, мистер Джордж. У нас было только несколько... э-э-

э... небольших проблем...

Гидеон, который как раз отдавал водителю деньги, предупреждающе посмотрел на меня через крышу автомобиля.

— ... со временем, — пробормотала я и стала смотреть, как водитель, качая головой, выезжал с парковочного места и поехал восвояси.

— Да, Гидеон уже сказал, что возникли некоторые сложности. Трудно себе представить, что в нашей системе есть слабое звено. Мы должны основательно всё проанализировать. И возможно кое-что переосмыслить. Но самое главное, что с вами всё в порядке. — Мистер Джордж предложил мне свою руку, что выглядело несколько странно, так как он почти на полголовы был меньше меня ростом. — Идем, девочка, у нас еще есть дела.

— Вообще-то я хотела бы как можно скорее попасть домой, — сказала я.

Горгулья вскарабкалась по водосточной трубе и перебиралась вдоль здания, вися на сточном желобе, распевая во все горло *Friends will be friends*.

— Конечно, конечно, — сказал мистер Джордж. — Но ты пробыла сегодня в прошлом только три часа. Чтобы до завтрашнего полудня точно ничего не случилось, тебе нужно еще пару часиков элапсировать. Не волнуйся, ничего особенного. В уютном подземном помещении, где ты сможешь сделать домашние задания.

— Но моя мама наверняка ждет меня и волнуется!

Кроме того, сегодня была среда, а значит, у нас к обеду была курица-гриль и жареная картошка. Это не говоря уже о том, что дома меня ждали ванная и кровать!

В такой ситуации заставлять меня еще делать домашние задания — это было уже нахальство! Кто-нибудь должен был просто написать объяснительную записку. *Поскольку Гвендолин теперь ежедневно будет находиться в другом времени с важной миссией, она освобождается от обязанности делать домашние задания.*

Демон на крыше продолжал орать и мне нужно было изо всех сил сдерживаться, чтобы не исправлять его ошибки. Благодаря *Singstar*^[5] и вечеринкам с караоке, устраиваемым у Лесли дома, я помнила у *Queen* все тексты и точно знала, что в этой песне нет слова «огурец».

— Два часа вполне достаточно, — сказал Гидеон, который опять шел вперед такими большими шагами, что мы с мистером Джорджем едва попевали за ним. — Потом она сможет поехать домой и выспаться.

Я ненавижу, когда в моем присутствии обо мне говорят в третьем лице.

— Ага, и она с нетерпением этого ожидает, — сказала я. — Так как она

очень устала.

— Мы позвоним твоей маме и объясним, что ты самое позднее в десять часов будешь дома, — сказал мистер Джордж.

Десять часов? Прощай, курица-гриль. Могу поспорить на что угодно, что мой прожорливый братишка съест ее намного раньше.

— When you're through with life and all hope is lost, — пел демон, полуплеща-полуцепляясь за кирпичную стену, пока изящно не приземлился на асфальте возле моих ног.

— Мы скажем, что у тебя еще занятия, — сказал мистер Джордж, обращаясь больше к самому себе. — О своем посещении 1912 года ты ей лучше не рассказывай, ведь она думает, что мы послали тебя для элапсаци в 1956 год.

Мы как раз дошли до дверей Главного штаба Хранителей. Здесь контролировали путешествия во времени уже много веков. Де Вилльеры якобы ведут свой род от самого графа Сен-Жермена, великого путешественника во времени по мужской линии. Мы, Монтроузы, ведем женскую линию, что для де Вилльеров в первую очередь означает, что мы не в счет.

Именно граф Сен-Жермен изобрел контролируемые путешествия во времени при помощи хронографа, и он же потребовал, чтобы все двенадцать путешественников во времени были обязательно вписаны в хронограф.

В настоящий момент в хронографе не хватало только Люси, Пола, леди Тилни и еще одной барышни, придворной дамы, имя которой я никак не могла запомнить. У них всех надо было еще выманить пару капель крови.

Но главным вопросом было: что случится, когда в хронограф будут внесены все двенадцать путешественников и круг замкнется? Похоже, что это никто точно не знал. И вообще, Хранители вели себя, как лемминги, когда речь заходила о графе Сен-Жермене. Слепое поклонение не шло ни в какое сравнение с их поведением.

У меня же при мысли о графе в буквальном смысле слова перехватывало горло, поскольку моя единственная встреча с ним в прошлом была какой угодно, но не приятной.

Передо мной мистер Джордж сопя поднимался по лестнице. В его небольшой круглой фигуре было что-то утешительное. Во всяком случае, он был единственным в этом сообществе, кому я хоть как-то доверяла. Не считая, конечно, Гидеона, хотя нет, это нельзя было назвать доверием.

Здание ложи внешне ничем не отличалось от других домов в узких переулках вокруг церкви Темпла, в которых преимущественно размещались

адвокатские бюро и помещения доцентов института правоведения. Но я знала, что штаб был намного больше и менее скромным, чем можно было подумать, глядя на здание снаружи, и что, в первую очередь, его подземные площади простирались на громадные расстояния.

Возле дверей меня задержал Гидеон и шепнул тихо:

— Я сказал, что ты сильно напугана, так что, если ты хочешь сегодня вовремя попасть домой, смотри соответствующим взглядом.

— Я думала, я все время так смотрю, — пробормотала я.

— Они ждут вас в Зале Дракона, — сказал мистер Джордж, добравшись наверх и переводя дыхание. — Идите вперед, я только попрошу миссис Дженкинс приготовить вам что-нибудь поесть. Вы наверняка очень голодны. Есть какие-то особые пожелания?

Прежде чем я успела высказать какие-нибудь пожелания, Гидеон схватил меня за руку и потащил дальше.

— Как можно больше всего! — успела я еще крикнуть мистеру Джорджу через плечо, и Гидеон втолкнул меня через дверь в очередной коридор. В своем длинном платье я едва удерживалась на ногах.

Демон-горгулья грациозно прыгал возле нас.

— На мой взгляд, у твоего дружка плохие манеры, — сказал он. — Так тащат козу с базара.

— Не мчись так, — сказала я Гидеону.

— Чем раньше мы с этим покончим, тем раньше ты попадешь домой.

Была в его голосе забота или он просто хотел поскорее от меня избавиться?

— Конечно, но... Может, я тоже хотела бы присутствовать, ты об этом не думал? У меня куча вопросов и мне надоело, что никто на них не отвечает.

Гидеон немного замедлил шаг.

— Сегодня в любом случае никто не станет отвечать на твои вопросы. Сегодня они все хотят узнать, как это случилось, что Люси и Пол нас подкараулили. И, к сожалению, ты до сих пор — наша главная подозреваемая.

Словечко «наша» больно укололо меня в сердце и продолжало глодать.

— Я единственная, которая обо всем этом вообще понятия не имеет!

Гидеон вздохнул.

— Я уже один раз пытался тебе объяснить. Сейчас ты, может быть, и не знаешь ничего и... полностью невиновна, но никто не знает, что ты сделаешь в будущем. Не забывай, что ты и тогда можешь путешествовать в прошлое, а значит, можешь предупредить Люси и Пола о нашем визите. —

Он замолчал. — Э-э-э... могла бы предупредить.

Я закатила глаза.

— И ты тоже! И вообще — почему это должен быть кто-то из нас? А может, Маргрет Тилни сама себе оставила сообщения в прошлом. Или Хранители. Они могли дать путешественнику письмо, из этого времени в то...

— Э-э-э-э? — слышалось от демона, который летел над нами. — Кто-нибудь может мне объяснить, о чем это вы сейчас говорили? Я ничего не понимаю.

— Конечно, есть несколько возможных объяснений, — сказал Гидеон и пошел еще медленнее. — Но сегодня мне показались, что Люси и Пол *произвели впечатление* на тебя. — Он остановился, отпустил мою руку и серьезно посмотрел на меня. — Ты бы с ними поговорила, ты бы выслушала их лживые истории, может быть, ты даже добровольно дала бы свою кровь для украденного хронографа, если бы меня с тобой не было.

— Нет, не дала бы, — возразила я. — Но я бы действительно хотела выслушать их. Они не произвели на меня впечатления злодеев.

Гидеон кивнул.

— Видишь, это как раз то, что я имею в виду. Гвендолин, эти люди собираются разрушить Тайну, которую хранили сотни лет. Они хотят получить для себя то, что им не принадлежит. И для этого им нужна лишь наша кровь. Я не думаю, что есть что-то, на что они не были бы готовы, чтобы это заполучить.

Он убрал со лба непослушную прядь, и я непроизвольно задержала дыхание.

Боже, как он хорошо выглядел! Эти зеленые глаза, красиво изогнутая линия губ, бледная кожа — в нем все было совершенным. Кроме того, от него шел такой запах, что я какую-то секунду игралась с мыслью просто опустить голову ему на грудь. Но, конечно, я этого не сделала.

— Может быть, ты забыл, что мы тоже хотим их кровь. И это ты держал пистолет у виска Люси, а не наоборот, — сказала я. — У нее не было оружия.

Между бровями Гидеона залегла яростная складка.

— Гвендолин, не будь наивной. Нас как бы то ни было завлекли в ловушку. У Люси и Пола была вооруженная поддержка, как минимум четверо против одного.

— Двое! — выкрикнула я. — Я тоже там была.

— Пятеро, если считать леди Тилни. Без моего пистолета мы, возможно, были бы уже мертвы. Во всяком случае, они могли бы силой

взять у нас кровь, поскольку именно за этим они явились. И ты хочешь с ними *поговорить*?

Я прикусила губу.

— Эй! — сказал демон. — Может, кто-нибудь вспомнит обо мне? Я уже совершенно запутался!

— Я понимаю, что ты сбита с толку, — сказал Гидеон, смягчив тон, в котором все-таки чувствовалось превосходство, которое нельзя было ни с чем спутать. — Тебе пришлось слишком много пережить и узнать в последние пару дней. Ты была совершенно не подготовлена. Как бы ты могла понять всё, о чем сейчас идет речь? Тебе надо домой, в постель. Так что давай поскорее закончим с этим. — Он снова взял меня за руку и потянул вперед. — Я буду говорить, а ты подтвердишь мой рассказ, договорились?

— Да. Ты уже раз двадцать это сказал, — ответила я раздраженно и остановилась перед латунной табличкой «Для дам», врезанной в пол. — Вы можете начать без меня, мне уже с июня 1912 года нужно в туалет.

Гидеон отпустил меня.

— Ты сама найдешь дорогу наверх?

— Конечно, — ответила я, хотя не была уверена, можно ли положиться на мое умение ориентироваться. В этом доме слишком много коридоров, лестниц, углов и дверей.

— Очень хорошо. От Цигенпетера^[6] мы уже избавились, — сказал демон. — Сейчас ты мне сможешь спокойно объяснить, что здесь происходит.

Я подождала, пока Гидеон скрылся за ближайшим углом, открыла дверь в туалет и грубо сказала существу: «Ну давай же, двигайся быстрее!»

Демон-горгулья выглядел обиженным.

— В туалет? Ну знаешь ли, мне кажется, это как-то...

— Мне все равно, что тебе кажется. Есть мало мест, где можно спокойно общаться с демонами, и я не хочу рисковать тем, что нас кто-нибудь может услышать. Давай быстрее!

Демон зажал себе нос и неохотно последовал за мной в туалет. Здесь слабо пахло дезинфекционным средством и лимоном. Я заглянула в кабинку. Никого не было.

— Так. Теперь слушай меня. Я понимаю, что я так скоро от тебя не избавлюсь, но если ты хочешь у меня остаться, тебе придется придерживаться некоторых правил. Ясно?

— Не ковыряться в носу, не произносить неприличные слова, не пугать собак... — затараторил демон.

— Что? Нет. Я хочу, чтобы ты уважал мою личную жизнь. Я хочу ночью и в ванной быть одна, и если меня кто-то целует, — в этом месте я должна была сглотнуть, — я не хочу иметь зрителей. Ясно?

— Ц-ц-ц-ц! — произнес демон. — И это говорит та, которая затащила меня в туалет.

— Короче! Мы договорились? Ты будешь уважать мою личную жизнь?

— Ни в коем случае я не стану наблюдать за тобой под душем или — и-и-и-и, боже упаси! — когда ты целуешься, — энергично произнес демон. — Этого ты точно можешь не бояться. И, как правило, мне скучно наблюдать за спящими людьми. Храп, слюни — я уж молчу обо всем остальном...

— Кроме того, ты не должен встревать посреди разговора, если я в школе или с кем-то разговариваю. И ради бога, если ты не можешь не петь, то пой, когда меня нет поблизости!

— Я очень хорошо могу имитировать игру на трубе, — сказал демон. — Или на почтовом рожке. У тебя есть собака?

— Нет! — Я глубоко вздохнула. Для этого парня мне понадобятся нервы, как канаты.

— А ты не могла бы приобрести какую-нибудь? В крайнем случае годится и кошка, но они такие задаваки и не так хорошо дают себя дразнить. Некоторые птицы тоже могут меня видеть. У тебя есть птицы?

— Моя бабушка не выносит домашних животных, — сказала я и удержалась, чтобы не добавить, что невидимых домашних животных тоже. — Хорошо, начнем сначала. Меня зовут Гвендолин Шеферд. Очень приятно, познакомиться с тобой.

— Ксемериус, — сказал демон-горгулья и широко улыбнулся. — Очень приятно. — Он залез на раковину и посмотрел мне в глаза. — Правда! Очень, очень приятно! Ты мне купишь кошку?

— Нет! А теперь убирайся отсюда, мне действительно нужно в туалет.

— Буэ! — Ксемериус поспешно вылетел сквозь дверь, не открывая ее, и я услышала, как он в коридоре снова запел *Friends will be friends*.

Я задержалась в туалетной комнате намного дольше, чем это было нужно. Я старательно вымыла руки и несколько раз щедро плеснула холодной водой в лицо, надеясь навести порядок в голове. Но карусель из мыслей не остановилась. Глянув в зеркало, я увидела, что моя прическа приняла вид вороньего гнезда, и я попробовала пригладить волосы пальцами, стараясь приободрить сама себя. Как это сделала бы Лесли, если бы она была рядом: «Всего пару часов, Гвендолин, и все будет позади. Эй, и при том, что ты ужасна устала и проголодалась, ты совсем неплохо

выглядишь!»

Мое отражение с темными кругами вокруг глаз смотрело на меня укоризненно.

— Ладно, это я соврала, — призналась я. — Ты выглядишь страшно. Но, в конце концов, ты и хуже еще выглядела. Например, когда у тебя была ветрянка. Так что выше голову! У тебя все получится.

В коридоре Ксемериус летучей мышью висел вниз головой на лампе.

— А тут жутковато! — сообщил он. — Только что мимо прошел однорукий тамплиер. Ты его знаешь?

— Нет, — ответила я. — Слава богу, не знаю. Идем, нам туда.

— А ты мне объяснишь насчет путешествий во времени?

— Да я сама ничего не понимаю.

— А кошку мне купишь?

— Нет.

— Но я знаю, где можно взять бесплатно. Ой, смотри, внутри доспехов — человек.

Я украдкой глянула на доспехи. Мне действительно показалось, что за забралом блеснули чьи-то глаза. Это была та же фигура в доспехах, которую я вчера из озорства похлопала по плечу, считая, что это просто украшение.

Вчера, казалось, было много лет тому назад.

Перед входом в Зал Дракона я увидела миссис Дженкинс, секретаршу. Она несла полный поднос и была очень благодарна, когда я ей придержала дверь.

— Пока только чай и кексы, дорогая, — произнесла она с извиняющейся улыбкой. — Миссис Мэлори давно ушла домой, так что мне нужно еще сообразить, что я могу приготовить для голодных деток из того, что есть на кухне.

Я вежливо кивнула, но была уверена, что ворчание из моего живота *«Так закажи что-нибудь в китайском ресторане!»* можно было при небольшом усилии услышать.

В Зале нас уже ждали: дядя Гидеона — Фальк, который янтарными глазами и седой шевелюрой постоянно напоминал мне волка, доктор Уайт в своем вечно черном костюме и — к моему удивлению — мой учитель по английскому языку и истории, мистер Уитмен, по прозвищу «Бельчонок». Мне тут же стало вдвойне не по себе, и я стала теребить голубые ленточки на платье. Сегодня утром мистер Уитмен поймал меня и мою подругу Лесли, когда мы прогуливали урок, и прочитал нам нотацию. Кроме того, он забрал папку со всей собранной Лесли информацией. Мы предполагали,

что он принадлежит к Внутреннему кругу Хранителей, но теперь этот факт можно было считать официально подтвержденным.

— А вот и ты, Гвендолин, — сказал Фальк де Вилльер дружелюбно, но без улыбки. Ему не мешало бы побриться, но, может быть, он относился к числу тех мужчин, которые утром бреются, а вечером уже выглядят, как будто специально отрастили трехдневную бороду. Возможно, дело было в щетине вокруг рта, но Фальк выглядел заметно напряженнее и серьезнее, чем вчера или даже сегодня днем. Нервничающий волк-вожак.

Мистер Уитмен подмигнул мне, а доктор Уайт проворчал что-то неразборчивое, в чем можно было угадать слова «женщины» и «пунктуальность».

Возле доктора Уайта, как всегда находился призрак светловолосого мальчика — Роберт, который, похоже, был единственным, кто мне действительно обрадовался: он улыбнулся мне сияющей улыбкой. Роберт был сыном доктора Уайта, утонувшим в семилетнем возрасте в бассейне, и с тех пор он сопровождал его повсюду как призрак. Кроме меня его, разумеется, никто не мог видеть, а я из-за постоянного присутствия доктора Уайта до сих пор не сумела толком поговорить с Робертом, чтобы хотя бы узнать, почему он остался в этом мире до сих пор.

Гидеон стоял, скрестив руки на груди и опершись на одну из богато украшенных резными панелями стен. Он коротко скользнул взглядом по мне и уставился на кексы, лежавшие на подносе, который принесла миссис Дженкинс. Надеюсь, он был так же голоден, как и я.

Ксемериус ввалился в комнату передо мной и одобрительно огляделся.

— Черт возьми, — сказал он, — совсем неплохая хибарка.

Он обошел зал по кругу, разглядывая изящную резьбу по дереву, на которую я лично могла бы смотреть бесконечно. Особенно русалка над диваном мне нравилась. С любовью к деталям была вырезана каждая чешуйка, а ее хвост переливался всевозможными голубыми и бирюзовыми тонами. Но свое имя Зал Дракона получил от громадной драконьей фигуры, которая занимала место на потолке между люстрами и выглядела настолько правдиво, что казалось, будто в любой момент она расправит крылья и полетит.

Увидев Ксемериуса, маленький Роберт распахнул глаза от удивления и спрятался за ноги доктора Уайта.

Я бы охотно успокоила его, сказав «Он не кусается, он просто хочет играть» (в надежде, что это правда), но разговаривать с призраком о демоне в присутствии людей, которые не могли видеть ни того, ни другого, явно не стоило.

— Я посмотрю, есть ли на кухне еще что-нибудь съестное, — сказала миссис Дженкинс.

— Вам уже давно надо было идти домой, миссис Дженкинс, — сказал Фальк де Вилльер. — Вы слишком много работаете сверхурочно в последнее время.

— Да-да, идите домой, — резким тоном распорядился доктор Уайт. — Никто с голоду не умирает.

Умирает! Я! И я была уверена, что Гидеон подумал о том же. Мы встретились глазами, и он улыбнулся.

— Но кексы — это не то, что может считаться полезным ужином для детей, — возразила миссис Дженкинс, правда, произнесла это очень тихо.

Конечно, ни Гидеон, ни я — мы не были уже детьми, но приличный ужин мы заслужили. Жаль, что миссис Дженкинс была единственным человеком, считавшим так же, она тут, к сожалению, ничего не решала. В дверях она столкнулась с мистером Джорджем, который все еще тяжело дышал и к тому же тащил два тяжелых фолианта в кожаном переплете.

— А, миссис Дженкинс, — сказал он. — Спасибо за чай. Вам уже давно пора быть дома, закройте только, пожалуйста, бюро на ключ.

Миссис Дженкинс скривила недовольно лицо, но вежливо ответила:

— До завтра.

Тяжело сопя, мистер Джордж закрыл за ней дверь и положил толстые книги на стол.

— Ну вот. Можно начинать. Хотя мы, четверо Хранителей Внутреннего круга, и не можем принимать окончательные решения, но завтра будут практически все. Синклеир и Хоукинс, как обычно, не могут присутствовать, они оба передали свои голоса мне. Сегодня мы должны лишь определить направление в общих чертах.

— Давайте присядем. — Фальк показал на стулья, стоявшие вокруг стола как раз под фигурой дракона, и все уселись.

Гидеон повесил свой сюртук на плечики стула, стоявшего наискосок напротив моего, и закатал рукава.

— Я еще раз повторю: Гвендолин нечего здесь делать. Она устала и испугана. Ей нужно элапсировать, а потом кто-то должен отвезти ее домой.

А до этого пусть кто-нибудь закажет пиццу, с дополнительной порцией сыра.

— Не волнуйся, Гвендолин только коротко расскажет о своих впечатлениях, — сказал мистер Джордж. — А потом я сам отведу ее в подвал к хронографу.

— Вообще-то она не выглядит такой уж испуганной, — проворчал

черный мистер Уайт. Роберт, призрак мальчика, стоял позади его стула и с любопытством смотрел в сторону дивана, где развалился Ксемериус.

— Что это за *штука*? — спросил он меня.

Конечно, я ничего не ответила.

— Я не штука. Я — близкий друг Гвендолин, — ответил вместо меня Ксемериус и показал ему язык. — Может даже ее лучший друг. Она мне купит собаку.

Я строго посмотрела на диван.

— Произошло невозможное, — сказал Фальк. — Когда Гидеон и Гвендолин появились у леди Тилни, их уже ждали. Все присутствующие могут подтвердить, что мы совершенно произвольно выбрали дату и время их посещения. И все-таки Люси и Пол были уже там. Это не может быть простым совпадением.

— Значит, кто-то рассказал им об этом визите, — сказал мистер Джордж, листая один из фолиантов. — Весь вопрос в том, кто.

— Скорее, когда, — сказал доктор Уайт, глядя при этом на меня.

— И с какой целью, — сказала я.

Гидеон тут же наморщил лоб.

— Цель очевидна. Им нужна наша кровь, чтобы внести в украденный хронограф. Поэтому они позаботились о подкреплении.

— Но в Дневниках нет ни слова о вашем визите, — сказал мистер Джордж. — При этом вы контактировали минимум с тремя Хранителями, не говоря уже об охране, стоявшей на лестнице. Вы не помните имена?

— Нас принял сам первый секретарь. — Гидеон убрал со лба прядь. — Бургес или как-то так... Он сказал, что для элапсирования ранним вечером придут братья Джонатан и Тимоти де Вилльер и что леди Тилни уже элапсировала рано утром. Какой-то мужчина по имени Уинсли довез нас в пролетке до Белгравии. Он должен был ждать нас у двери, но, когда мы вышли из дома, пролетка исчезла. Нам пришлось удирать пешком и прятаться, дожидаясь обратного прыжка во времени.

Я почувствовала, что покраснела, вспомнив, как мы прятались. Я поспешно взяла кекс, наклонившись так, чтобы волосы упали на лицо.

— Доклад в этот день составил Хранитель Внутреннего круга, некий Франк Майн. Там всего пара строк, немного о погоде, еще о демонстрации суфражисток в центре города и о том, что леди Тилни вовремя появилась для элапсирования. Никаких особых происшествий. Близнецы де Вилльерс не упомянуты, но в те годы они тоже были членами Внутреннего круга. — Мистер Джордж вздохнул и захлопнул фолиант. — Очень странно. Похоже на заговор в собственных рядах.

— И главный вопрос остается: как могли Люси и Пол знать, что вы вдвоем в этот день, в это время появитесь у леди Тилни? — сказал мистер Уитмен.

— Фух! — произнес Ксемериус с дивана. — Слишком много имен — у меня уже кружится голова!

— Ответ абсолютно очевиден, — сказал доктор Уайт, не отводя от меня взгляда.

Все задумчиво и мрачно смотрели перед собой, включая меня. Я ничего не сделала, но, очевидно, все остальные считали, что я когда-нибудь в будущем испытаю потребность рассказать Люси и Полу, когда мы придем к леди Тилни, — по какой бы то ни было причине. Все эти рассуждения сбивали меня с толку; чем больше я размышляла, тем нелогичнее мне всё это казалось. И внезапно я почувствовала себя ужасно одинокой.

— Что это за *ненормальные* собрались здесь? — сказал Ксемериус и спрыгнул с дивана, чтобы тут же повиснуть на люстре вниз головой. — Путешествия во времени? Я много повидал, но даже для меня это неслыханно.

— Я не понимаю одного, — сказала я. — Почему вы решили, что в отчете должно что-нибудь быть написано о нашем визите, мистер Джордж? Я имею в виду, если бы там что-то о нас было, вы бы раньше это увидели и тогда знали бы, что мы в этот день там были и что там случилось. Или это как в фильме с Эштоном Кутчером? Каждый раз, когда кто-то из нас путешествует в прошлое, изменяется наше будущее?

— Это очень интересный и очень философский вопрос, Гвендолин, — сказал мистер Уитмен, как если бы мы находились на уроке. — Я хотя и не знаю фильм, который ты упомянула, но действительно, в соответствии с законами простой логики малейшие изменения в прошлом могут значительно изменить будущее. У Рэя Брэдбери есть рассказ, где...

— Может, мы перенесем философские дискуссии на другое время? — перебил его Фальк. — Я бы хотел сейчас узнать подробности ловушки, устроенной в доме леди Тилни, а также, как вам удалось сбежать.

Я посмотрела на Гидеона. Пусть расскажет свою версию без пистолета. Я взяла еще один кекс.

— Нам повезло, — сказал Гидеон, сохраняя полное спокойствие. — Я сразу заметил, что что-то не так. Леди Тилни совсем не удивилась, увидев нас. Стол был накрыт, а когда откуда ни возьмись появились Пол и Люси, а в дверях возник дворецкий, мы с Гвендолин удрали через соседнюю комнату и лестницу для слуг. Пролетка исчезла, так что мы просто побежали.

Похоже было, что ему было нетрудно лгать. Никакого румянца, ни дрожащих ресниц, ни напряженного взгляда вверх, ни малейшей неуверенности в голосе. И все равно мне казалось, что его истории чего-то не хватает, чтобы быть правдоподобной.

— Странно, — сказал доктор Уайт. — Если западня была запланирована, то они должны были бы быть вооружены и позаботиться о том, чтобы вы не могли сбежать.

— У меня кружится голова, — сказал Ксемериус, лежа на диване. — Я ненавижу эти сложные глаголы в прошедшем и будущем времени, да еще перемешанные с сослагательным наклонением.

Я нетерпеливо смотрела на Гидеона. Сейчас ему придется что-нибудь придумать, если он не хочет менять свою *без-пистолета*-версию.

— Я думаю, мы их просто застали врасплох, — сказал Гидеон.

— Хм, — произнес Фальк.

Судя по лицам остальных, они тоже не были до конца убеждены. Неудивительно! Гидеон всё испортил! Если уж лгать, то нужно приплести детали, которые никого не интересуют.

— Мы и правда все сделали очень быстро! — сказала я торопливо. — Лестница для прислуги была очевидно только-только натерта мастикой, я почти поскользнулась, собственно, я больше съезжала по лестнице, чем спускалась. Если бы я не удержалась за перила, лежала бы сейчас со сломанной шеей в 1912 году. А что, кстати, произойдет, если кто-то умрет в прошлом? Вернется тело назад? Во всяком случае, нам повезло, что дверь внизу была открыта — какая-то служанка как раз возвращалась с покупками. Толстая блондинка. Я думала, Гидеон собьет ее с ног, а в корзинке были яйца — вот уж получилось бы полное свинство. Но мы выбежали мимо нее и помчались изо всех сил по улице. Я даже натерла себе ногу.

Гидеон откинулся на стуле и скрестил на груди руки. Я не могла истолковать его взгляд, но он точно не выглядел одобрительным или благодарным.

— В следующий раз я надену кроссовки, — сказала я.

Вокруг было полное молчание. Я взяла еще один кекс. Кроме меня, похоже, никто не испытывал голода.

— У меня есть теория, — сказал мистер Уитмен, покручивая перстень-печатку на правой руке. — И чем дольше я об этом думаю, тем больше уверен, что это правильно. Если...

— Я чувствую себя полным дураком, повторяя снова и снова одно и то же. Она не должна присутствовать при этом разговоре, — сказал Гидеон.

Я почувствовала, как покалывание в сердце превратилось во что-то более серьезное. Я уже не была обижена, я была разозлена.

— Он прав, — согласился доктор Уайт. — Разрешить ей присутствовать при наших размышлениях — безрассудство.

— Но нам нужны и воспоминания Гвендолин тоже, — сказал мистер Джордж. — Любая деталь об одежде, словах или внешнем виде может оказаться решающей подсказкой о том, в каком времени находятся Люси и Пол.

— Она не забудет об этом и завтра, и послезавтра, — сказал Фальк де Вилльер. — Я думаю, что действительно лучше всего будет, если ты отведешь ее сейчас на элапсирование, Томас.

Мистер Джордж скрестил руки на своем большом животе и молчал.

— Я отведу Гвендоли в... к хронографу и понаблюдаю за прыжком, — сказал мистер Уитмен и отодвинул стул.

— Хорошо, — кивнул Фальк. — Два часа будет более чем достаточно. По возвращении ее должен ожидать кто-нибудь из адептов, ты нам нужен здесь.

Я вопросительно посмотрела на мистера Джорджа. Он, сдавшись, только пожал плечами.

— Идем, Гвендолин. — Мистер Уитмен был уже на ногах. — Чем раньше ты с этим покончишь, тем раньше ты окажешься в постели, тогда завтра в школе у тебя не будет проблем. Между прочим, я с нетерпением жду твое сочинение о Шекспире.

Ну и ну! Вот у него нервы железные! В такой момент говорить о Шекспире!

Я коротко подумала, не должна ли я протестовать, но решила промолчать. Я, собственно, вообще не хотела продолжения этой глупой болтовни. Я хотела только домой и забыть поскорее обо всем, включая Гидеона. Пусть пережевывают свои тайны в этом дурацком зале, пока не свалятся от усталости. Особенно я желала это Гидеону. А потом пусть ему приснится кошмар, который он не сразу забудет.

Ксемериус прав, они тут все *фрики*.

Глупо было только, что я все равно смотрела на Гидеона, думая при этом о чем-то совершенно сумасбродном типа «Если он сейчас мне улыбнется, я ему всё прощу».

Что он, конечно, не сделал. Вместо этого он мазнул по мне безразличным взглядом, и было совершенно непонятно, что происходит у него в голове. В какой-то момент мысль о том, что мы целовались, исчезла, и по какой-то причине я вспомнила стишки, которые Синтия Дейл, наш

школьный гуру в любви, постоянно декламировала: «В глаза зеленые смотри — у лягушки нет любви».

— Спокойной ночи, — произнесла я с достоинством.

— Спокойной ночи, — ответили все. То есть, все, кроме Гидеона. Он сказал:

— Не забудьте завязать ей глаза, мистер Уитмен.

Мистер Джордж возмущенно фыркнул. Пока мистер Уитмен открывал дверь и выпроваживал меня в коридор, я успела еще услышать слова мистера Джорджа:

— А вы не думаете, что именно такое неприязненное отношение может стать причиной тому, что еще может случиться?

Ответил ли ему кто-нибудь, я не знаю. Тяжелая дверь закрылась и отсекала все шумы.

Ксемериус чесал голову острым кончиком хвоста.

— Это самый неприятный клуб, который я когда-либо видел.

— Не принимай близко к сердцу, Гвендолин, — сказал мистер Уитмен. Он вынул черный шарф из кармана и держал его перед моим лицом. — Просто ты новенькая в этой игре. Великое неизвестное в уравнении.

Что я должна была ответить? Для меня всё было вновь! Три дня назад я понятия не имела о Хранителях. Три дня назад моя жизнь была абсолютно нормальной. Ну, во всяком случае, более-менее...

— Мистер Уитмен, перед тем как вы мне завяжете глаза, не могли бы мы зайти в ателье к мадам Россини и забрать мои вещи? Тут лежат уже два набора моей школьной формы, а завтра мне же нужно что-то надеть. Кроме того, там остался мой портфель.

— Разумеется. — Идя по коридору, мистер Уитмен размахивал шарфом, явно находясь в хорошем настроении. — Ты можешь уже переодеться, все равно во время прыжка ты ни с кем встречаться не будешь. В какой год ты хотела бы прыгнуть?

— Какое это имеет значение, если я все равно буду заперта в подвале? — спросила я.

— Ну, вообще-то, это должен быть год, в котором ты беспрепятственно можешь оказаться в этом... э-э-э... подвальном помещении. Начиная с 1945 года не должно возникнуть никаких помех, а раньше эти помещения использовались как бомбоубежища. Что ты скажешь насчет 1974 года? В этом году я родился, хороший год. — Он улыбался. — Или мы можем выбрать 30 июля 1966 года. Англия тогда выиграла у Германии в финале мирового чемпионата по футболу. Но ты вряд ли интересуешься футболом, я прав?

— Конечно, не интересуюсь, особенно сидя двадцать метров под землей в подвале без окон, — сказала я устало.

— Это только для твоей же пользы, — вздохнул мистер Уитмен.

— Минуточку! — вскричал Ксемериус, летевший над нами. — Я опять ничего не понял. Это что, ты сейчас залезешь в машину времени и отправишься в прошлое?

— Ну да, — ответила я.

— Ну давай тогда выберем 1948 год, — обрадовался мистер Уитмен. — Летние Олимпийские игры в Лондоне.

Он шел впереди и поэтому не мог видеть, что я закатила глаза.

— Путешествия во времени! Ничего себе я выбрал подругу! — произнес Ксемериус и впервые я услышала что-то похожее на уважение в его голосе.

Помещение, в котором хранился хронограф, находилось глубоко под землей, и хотя меня приводили и уводили с закрытыми глазами, мне казалось, что я уже знаю дорогу туда. Хотя бы потому, что и в 1912, и в 1782 году я, к счастью, выходила из подвала без повязки на глазах. Когда мистер Уитмен вел меня от ателье мадам Россини по коридорам и лестницам, я уже узнавала дорогу, только на последнем куске мне показалось, что мистер Уитмен специально делает дополнительный круг, чтобы запутать меня.

— Он умеет нагнать драматизма, — сказал Ксемериус. — Почему это машину времени спрятали в самом мрачном подземелье?

Я услышала, как мистер Уитмен с кем-то перебросился парой слов, тяжелая дверь открылась и снова закрылась, и мистер Уитмен снял с моих глаз шарф.

Я поморгала, привыкая к свету. Возле мистера Уитмена стоял молодой рыжеволосый человек в черном костюме, он явно нервничал и потел от волнения. Я огляделась в поисках Ксемериуса, который шутки ради просунул голову сквозь закрытую дверь, тогда как все остальное осталось в комнате.

— Это самые толстые стены, которые я когда-либо видел, — сказал он, вернувшись в помещение. — Они такие толстые, что в них можно замуровать слона, и не вдоль, а поперек, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Гвендолин, это мистер Марли, адепт первого уровня. — Он будет здесь ждать, пока ты не вернешься, и отведет тебя наверх. Мистер Марли, это Гвендолин Шеферд, рубин.

— Для меня это большая честь, мисс. — Рыжеволосый учтиво поклонился.

Я неловко улыбнулась в ответ:

— Э-э-э... мне тоже очень приятно.

Мистер Уитмен возился с ультрасовременным сейфом с мигающим дисплеем, который я в прошлые два раза не заметила. Он был спрятан за настенным ковром с изящной вышивкой на мотивы средневековых сказок. Рыцари на лошадях и с перьями на шлемах и девушки в заостренных шляпах с вуалью любовались полуобнаженным юношей, победившим дракона. Пока мистер Уитмен вводил код, рыжеволосый мистер Марли подчеркнуто смотрел в пол, хотя вообще ничего нельзя было увидеть, так как мистер Уитмен закрыл дисплей спиной.

Дверца сейфа мягко открылась, мистер Уитмен вынул хронограф, завернутый в красный бархат, и положил на стол.

Мистер Марли задержал дыхание в восхищении.

— Мистер Марли впервые присутствует сегодня при применении хронографа, — сказал мистер Уитмен и подмигнул мне. Он указал подбородком на фонарик, лежащий на столе. — Возьми с собой, на тот случай, если возникнут проблемы с электричеством. Чтобы не сидеть целое время в темноте.

— Спасибо. — Я задумалась, не попросить ли еще и баллончик с репеллентом: такой старый подвал наверняка кишит пауками... и крысами? Было нечестно, отправлять меня туда одну. — А можно мне еще дубинку?

— Дубинку? Гвендолин, ты там ни с кем не встретишься.

— Но там могут быть крысы...

— Крысы тебя боятся больше, чем ты их, поверь мне. — Мистер Уитмен развернул хронограф. — Впечатляюще, не правда ли, мистер Марли?

— Да, сэр. Очень впечатляюще, сэр. — Мистер Марли смотрел на аппарат с благоговением.

— Подлиза! — сказал Ксемериус. — Рыжие всегда подлизы, ты согласна?

— Я думала, он больше, — сказала я. — И я не могла себе представить, что машина времени так похожа на каминные часы.

Ксемериус свистнул сквозь зубы.

— Неплохие камешки... если они настоящие, я бы тоже хранил эту штуку в сейфе.

Действительно, хронограф был украшен огромными драгоценными камнями, которые сверкали, как королевские драгоценности, между

расписными поверхностями странного аппарата.

— Гвендолин выбрала 1948 год, — сказал мистер Уитмен, открывая клапаны и приводя в движение крохотные шестеренки. — Что в это время происходило в Лондоне, мистер Уитмен?

— Летние Олимпийские игры, сэр, — ответил мистер Марли.

— Зубрилка, — сказал Ксемериус. — Рыжеволосые всегда зубрили.

— Очень хорошо. — Мистер Уитмен выпрямился. — Гвендолин отправляется в 12 августа, полдень, и проведет там ровно сто двадцать минут. Ты готова, Гвендолин?

Я сглотнула.

— Я бы хотела узнать... Вы точно знаете, что я там никого не встречу?

— Не считая крыс и пауков.

— Мистер Джордж давал мне свой перстень, чтобы меня там не приняли за...

— В прошлый раз ты прыгнула в архив, которым в прежние времена часто пользовались. Эта комната пустует. Если ты будешь спокойно себя вести и не выходить из комнаты — она в любом случае будет заперта — ты совершенно точно никого не встретишь. В послевоенные годы в этой комнате практически не бывали, так как в Лондоне наверху нужно было многое отстроить. — Мистер Уитмен вздохнул. — Увлекательные времена.

— Но если кто-то случайно зайдет в эту комнату как раз в это время и увидит там меня? Скажите мне хотя бы пароль на тот день.

Мистер Уитмен слегка раздраженно поднял бровь.

— Никто не зайдет, Гвендолин. Еще раз: ты окажешься в запертой комнате, просидишь там сто двадцать минут и вернешься назад, при этом никто в 1948 году ничего не заметит. Если бы кто-то заметил, об этом было бы упомянуто в Хрониках. Кроме того, у нас сейчас просто нет времени, чтобы искать, какой был пароль в этот день.

— Главное — это участие, — сказал робко мистер Марли.

— Что?

— Пароль во время Олимпиады был «Главное — это участие». — Мистер Марли смущенно смотрел в пол. — Я запомнил, потому что обычно пароли бывают на латыни.

Ксемериус закатил глаза, и мистер Уитмен выглядел так, как будто сейчас сделает то же самое.

— Да? Ну, видишь, Гвендолин? Вряд ли он тебе понадобится, но если тебе так будет спокойнее... Подойди, пожалуйста.

Я подошла к хронографу и протянула мистеру Уитмену руку. Ксемериус опустился рядом со мной на пол.

— И что теперь? — нетерпеливо спросил он.

Теперь была малоприятная часть. Мистер Уитмен открыл клапан в хронографе и засунул мой указательный палец в отверстие.

— Я думаю, что мне стоит крепко за тебя держаться, — сказал Ксемериус и ухватился за мою шею сзади, как обезьянка. Вообще-то я не должна была ничего почувствовать, но на самом деле у меня было ощущение, как будто кто-то обернул меня влажным шарфом.

Глаза мистера Марли были широко раскрыты от напряженного внимания.

— Спасибо за пароль, — сказала я ему и скривилась, почувствовав, как острая игла глубоко впилась в палец.

Помещение озарилось красным светом. Я стиснула фонарик, краски и люди закрутились в вихре, тело почувствовало толчок.

~ ~ ~

*Из инквизиционных протоколов доминиканского патера Жан-Петро
Бариба*

Библиотека университета в Падуе

(расшифровал, перевел и обработал доктор М. Джордано)

23 июня 1542 года. Флоренция.

Глава Конгрегации поручил мне весьма странное задание, которое требует высшей степени деликатности и секретности. Элизабетта, младшая дочь М., которая вот уже десять лет живет в монастыре, отгороженная от всего мира, якобы понесла от дьявола и носит в себе суккуба.

Действительно, при личной встрече я убедился, что девушка беременна и находится в смятенном душевном состоянии. Аббатиса монастыря, пользующаяся моим полным доверием, разумная женщина, не исключает естественное объяснение феномена; подозрения же в ведьмовстве высказал отец девушки. Он уверяет, что видел собственными глазами, как дьявол в виде юноши обнимал девушку в саду, после чего растворился в облаке дыма и оставил после себя слабый запах серы. Монахини подтверждают, что многократно видели дьявола в обществе Элизабетты и что он делал ей множество подарков в виде драгоценных камней.

Как бы ни невероятно звучала история: учитывая особые отношения М. и Р. М., а также множество друзей в Ватикане, для меня абсолютно невозможно официально усомниться в разуме М. и обвинить его дочь лишь в развратных деяниях. Поэтому с завтрашнего дня я начну дознание, опрашивая всех причастных.

Глава третья

— Ксемериус?

Влажное ощущение вокруг шеи исчезло. Я быстро включила фонарик. Но в помещении уже горел свет. Оно освещалось маломощной лампочкой, свисавшей с потолка.

— Алло? — произнес кто-то.

Я подскочила на месте. Комната была заставлена ящиками и мебелью, а возле двери стоял, прижавшись к стене, бледный молодой человек.

— Г-г-г-главное — это участие, — выдавила я из себя.

— Гвендолин Шеферд? — заикнувшись, спросил он.

Я кивнула.

— А откуда вы знаете?

Молодой человек вытащил из кармана брюк мятый листок и протянул его мне. Казалось, он был так же напуган, как и я. Его брюки держались на подтяжках, а на носу были маленькие круглые очки, светлые волосы были с помощью большого количества бриллиантина зачесаны назад и разделены на пробор. Он мог бы сыграть в одном из старых гангстерских фильмов роль не по возрасту умного, но бесхитростного ассистента непрерывно курящего сигары комиссара, который влюбился в гангстерскую милашку с пышным боа на шее и который обязательно в конце погибает от пули.

Я немного успокоилась и огляделась. Больше никого в комнате не было, в том числе и Ксемериуса. Очевидно, он не мог путешествовать во времени, хоть и отлично передвигался сквозь стены.

Я колебалась, но взяла протянутый мне листок. Это был пожелтевший лист, который неаккуратно вырвали из спирального блокнота. На нем были неровные строки, написанные удивительно знакомым почерком:

Для лорда Монтроуза — важно!!!

12 августа 1948 года, в полдень. Алхимическая лаборатория.

Приходи один.

Гвендолин Шеферд

У меня опять сильно забило сердце. Лорд Лукас Монтроуз был моим дедушкой! Он умер, когда мне было десять лет. Озадаченно я

рассматривала завиток у «Г». Не было никаких сомнений: эти каракули были написаны почерком, выглядевшим точь-в-точь, как мой. Но как это может быть?

Я взглянула на молодого человека.

— Откуда это у вас? И кто вы такой?

— Это ты писала?

— Может быть, — ответила я, и мои мысли лихорадочно побежали по кругу. Если я это написала, то почему ничего об этом не помню? — Откуда у вас это?

— Я получил этот листок пять лет тому назад. Кто-то положил его вместе с письмом в карман моего пальто. Это было в тот день, когда происходила церемония посвящения во второй уровень. В письме стояло: *Кто хранит тайну, должен знать Тайну Тайн. Докажи, что ты умеешь не только молчать, но и думать.* Без подписи. Почерк был другой — не тот, что на записке, он был... элегантным, немного старомодным.

Я кусала нижнюю губу.

— Не понимаю.

— Я тоже. Все эти годы я считал, что это какое-то испытание, — сказал молодой человек. — Еще одна проба, так сказать. Я никому ничего не сказал, но всегда ждал, что кто-то заговорит со мной по этому поводу или что я получу дальнейшие указания. Но ничего никогда не произошло. А сегодня я пробрался сюда и стал ждать. Вообще-то, я уже не рассчитывал, что что-нибудь произойдет. Но тут появилась ты, материализовалась из ничего. Ровно в двенадцать часов. Почему ты мне написала эту записку? Почему мы должны встречаться в этом дальнем подвале? Из какого ты года?

— 2011, — сказала я. — Мне очень жаль, но на остальные вопросы у меня нет ответов. — Я откашлялась. — А вы кто?

— О, прошу прощения. Меня зовут Лукас Монтроуз. Без «лорд». Я — адепт второго уровня.

Внезапно у меня пересохло во рту.

— Лукас Монтроуз. Бурдон-плейс, 81.

Молодой человек кивнул.

— Да, там живут мои родители.

— Но тогда... — Я уставилась на него и поглубже набрала воздуха: — Тогда вы — мой дедушка.

— О нет, *опять?!*

Молодой человек вздохнул глубоко. Потом встряхнулся, отошел от стены, стер пыль с одного из стульев, которые стояли горкой в углу

помещения, и поставил его передо мной.

— Не лучше ли нам присесть? У меня ощущение, что меня не держат ноги.

— У меня тоже, — призналась я и села.

Лукас взял себе другой стул и сел напротив меня.

— Так ты — моя внучка? — Он слабо улыбнулся. — Мне трудно это представить. Я даже еще не женат. Точнее говоря, даже не помолвлен.

— А сколько тебе лет? О, извини, я могу посчитать: ты родился в 1924, значит, в 1948 тебе двадцать четыре года.

— Да, — сказал он. — Через три месяца мне исполнится двадцать четыре. А сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

— Как Люси.

Люси. Я вспомнила, что она мне крикнула вслед, когда мы убегали от леди Тилни.

Я все еще не могла поверить, что передо мной мой родной дедушка. Я искала сходство с тем мужчиной, на коленях которого я слушала интереснейшие истории. Который взял меня под свою защиту, когда Шарлотта утверждала, что своими историями о призраках я только хочу привлечь к себе внимание. Но гладкое лицо передо мной не имело ничего общего с лицом в морщинах и складках старого дедушки, которого я знала. Зато я находила сходство с моей мамой: голубые глаза, изогнутая линия подбородка, улыбка. На какой-то момент я бессильно закрыла глаза — это было слишком... слишком много для меня.

— Значит, вот как, — сказал Лукас тихонько. — И что, я... э-э-э... хороший дедушка?

У меня защемило в носу, и мне с трудом удавалось сдерживать слезы. Так что я просто кивнула.

— Другие путешественники во времени прибывают всегда официально и удобно в Зал Дракона к хронографу или в архив, — сказал Лукас. — Почему ты выбрала эту мрачную лабораторию?

— Это не я выбрала. — Я вытерла нос. — Я даже не знала, что это лаборатория. В моем времени это обычный подвал, в котором находится сейф, где хранится хронограф.

— Вот как? Вообще-то, в наше время тут тоже уже нет лаборатории, — сказал Лукас. — Но когда-то это помещение использовалось для алхимических опытов. Это одно из самых старых помещений в здании. За сотни лет до того, как граф Сен-Жермен основал Ложу, здесь в поисках философского камня проводили эксперименты

известные лондонские алхимики и маги. Если присмотреться, можно увидеть на стенах жуткие картинки и таинственные формулы, и говорят, что стены здесь потому такие толстые, что в них вмуровывали кости и черепа... — Он замолчал и в свою очередь покусал нижнюю губу. — Значит, ты моя внучка. Можно узнать, от которого из... э-э-э... моих детей?

— Мою маму зовут Грейс, — сказала я. — Она очень похожа на тебя.

Лукас кивнул.

— Люси рассказывала мне о Грейс. Она говорила, что Грейс — самая приятная из моих детей, что остальные — просто обыватели. — Он скривил рот. — Я не могу себе представить, что у меня будут дети — обыватели... или вообще будут дети...

— Может быть, дело не в тебе, а в твоей жене, — пробормотала я.

Лукас вздохнул.

— С тех пор как Люси здесь появилась, это было два месяца назад, все меня дразнит. Потому что у нее такие же рыжие волосы, как и у девушки, которую я... которой я интересуюсь. Но Люси не рассказывает мне, на ком я женюсь, она думает, что я могу тогда решить иначе. И тогда вы все не будете рождены.

— Но важнее, чем цвет волос, ген путешественника во времени, который твоя будущая жена передаст детям, — сказала я. — По этому признаку ты можешь ее точно отличить.

— Это-то и смешно, — Лукас придвинулся чуть ближе. — Мне нравятся две девушки из линии Нефрита... э-э-э... номер четыре и номер восемь из списка наблюдаемых.

— Ага, — сказала я.

— Понимаешь, просто в данный момент у меня не получается принять решение. Может быть, небольшой намек с твоей стороны помог бы мне преодолеть нерешительность.

Я пожала плечами.

— Мне не жалко. Мою бабушку, то есть твою жену, зовут ле...

— Нет! — крикнул Лукас. Он протестующе поднял обе руки. — Я передумал, не говори ничего. — Он растерянно почесал голову. — Это форма школы Сент-Леннокс, да? Я узнаю гербы на пуговицах.

— Точно, — сказала я и сама посмотрела на темно-синий пиджак. Очевидно, мадам Россини постирала и погладила мои вещи, во всяком случае, они выглядели как новые и слабо пахли лавандой. Кроме того, она, похоже, что-то сделала с пиджаком, потому что он сидел на мне намного лучше, чем раньше.

— Моя сестра Мэделин тоже ходит в Сент-Леннокс. Из-за войны она

заканчивает школу только в этом году.

— Бабушка Мэдди? Я не знала.

— Все девочки Монтроуз учатся в Сент-Леннокс. Люси тоже. У нее такая же форма, как у тебя. Форма Мэдди темно-зеленая с белым. И клетчатая юбка... — Лукас откашлялся. — Э-э-э, если тебе интересно... но нам лучше сейчас собраться и подумать, зачем мы сегодня встретились. Если предположить, что это ты написала записку...

— ... напишу!

— ... и передашь мне во время какого-то прыжка во времени... как ты думаешь, почему ты это сделала?

— Ты имеешь в виду, почему я это сделаю? — Я вздохнула. — Какой-то смысл в этом есть. Скорее всего, ты можешь мне многое объяснить. Но я не знаю... — Я беспомощно посмотрела на своего молодого деда. — Ты хорошо знаешь Люси и Пола?

— Пол де Вилльер элапсирует тут с января. За это время он стал старше на два года — немного страшновато. А Люси побывала здесь впервые в июне. Я обычно присматриваю за обоими во время их посещений. Как правило, все проходит очень... весело. Я могу помочь им с домашними заданиями. И нужно сказать, что Пол — первый Вилльер, который мне внушает симпатию. — Он снова откашлялся. — Если ты прибыла из 2011 года, ты должна их обоих знать. Странно представить, что им уже почти сорок... Передавай им привет от меня.

— Я не смогу этого сделать. — Ой, как все сложно. И я, наверное, должна очень осторожно выбирать, что можно рассказывать, пока я сама не пойму, что тут происходит. В ушах у меня еще звучали слова мамы: *«Не доверяй никому. Даже своим собственным ощущениям»*. Но мне нужно было кому-нибудь довериться, и кто бы подошел лучше на эту роль, чем мой собственный дедушка? Я решила поставить все на одну карту: — Я не могу передать привет Люси и Полу. Они украли хронограф и скрылись с ним в прошлом.

— Что?! — Глаза Лукаса за стеклами очков были широко раскрыты. — Почему они это сделали? Я не могу поверить. Они бы никогда... А когда это случилось?

— В 1994 году, — сказала я. — В год моего рождения.

— В 1994 году Полу было двадцать, а Люси — восемнадцать лет, — сказал Лукас, обращаясь больше к себе, чем ко мне. — То есть, через два года. Потому что сейчас им шестнадцать и восемнадцать. — Он улыбнулся, как бы извиняясь. — То есть, конечно, не сейчас, а только сейчас, когда они элапсируют в этом году.

— Я почти не спала прошлую ночь, поэтому мне кажется, что у меня в голове вместо мозгов сахарная вата, — сказал я. — И я вообще не очень хорошо считаю.

— Люси и Пол... в том, что ты мне рассказала, нет никакого смысла. Они бы никогда не сделали ничего такого *сумасбродного*.

— Но они сделали. Я думала, что ты мне сумеешь объяснить причину. В мое время все пытаются мне внушить, что они... злодеи. Или сумасшедшие. Или и то, и другое. В любом случае — опасны. Когда я встретила Люси, она сказала, что я должна у тебя спросить о зеленом всаднике. Так что я спрашиваю: что значит *зеленый всадник*?

Лукас огоршенно смотрел на меня.

— Ты встречалась с Люси? Но ты же только что сказала, что она и Пол исчезли в год твоего рождения. — Но тут он еще что-то сообразил: — Если они взяли с собой хронограф, то как ты можешь путешествовать во времени?

— Я их встретила в 1912 году. У леди Тилни. И существует второй хронограф, которым Хранители пользуются для наших путешествий.

— Леди Тилни? Но она умерла четыре года назад. И второй хронограф не работает.

Я вздохнула.

— Сейчас работает. Слушай, деда, — при этом слове Лукас вздрогнул, — для меня все звучит еще более запутанней, чем для тебя, потому что буквально пару дней тому назад я вообще понятия не имела обо всем этом. Я ничего не могу тебе объяснить. Меня сюда послали элапсировать, господибожей, я даже не знаю, как это дурацкое слово пишется, я его вчера услышала в первый раз. Это всего мое третье путешествие с хронографом. А до этого я три раза прыгала неконтролированно. А это сомнительное удовольствие. Вообще-то все думали, что моя кузина Шарлотта носит ген, потому что она родилась в нужный день, а моя мама соврала насчет моего дня рождения. Поэтому Шарлотта училась танцам, знает всё о чуме и короле Георге, умеет фехтовать, скакать на лошади в дамском седле и играть на пианино — и черт знает чему она еще научилась на этих таинственных занятиях. — Чем больше я говорила, тем быстрее слова вылетали из моего рта. — Во всяком случае, я ничего знаю, кроме того небольшого, что мне рассказали, и это было — ей-богу — не слишком много и не слишком понятно, и что хуже всего: у меня до сих пор не было времени подумать о происходящем, чтобы немного разобраться. Лесли — это моя подруга — собрала информацию в Гугле, но мистер Уитмен забрал у нас папку, да я все равно только

половину оттуда поняла. Все ожидают от меня чего-то особенного и крайне разочарованы.

— Рубин, одаренный Ворона магией,
Замкнет в соль-мажоре Круг двенадцати, —

пробормотал Лукас.

— Вот видишь, магия ворона и всё такое. Я понятия не имею. Граф Сен-Жермен душил меня, хотя стоял в нескольких метрах от меня, и я слышала его голос у себя в голове, а потом были мужчины в Гайд-парке — с пистолетами и шпагами, и я должна была одного из них заколоть, потому что иначе он убил бы Гидеона, который такой... он такой... — Я набрала полную грудь воздуха, чтобы тут же продолжить: — Вообще-то Гидеон очень неприятный, он ведет себя так, как будто я ему в тягость, и он поцеловал сегодня утром Шарлотту, но только в щечку, но, может, это что-то и значит, во всяком случае, я не должна была его целовать, не спросив об этом, я вообще его знаю всего день или два, но он вдруг стал таким... милым и потом... все произошло так быстро... и все думают, что это я рассказала Полу и Люси, когда мы придем к леди Тилни, нам же нужна ее кровь, и кровь Люси и Пола тоже, но им нужна моя и Гидеона, потому что в их хронографе их нет. И никто мне не говорит, что произойдет, когда кровь всех будет внесена в хронограф, и иногда я думаю: они сами точно не знают. А я должна тебя спросить о зеленом всаднике, сказала Люси.

Лукас прижмурил глаза за стеклами очков и, очевидно, отчаянно старался что-то понять в потоке моих слов.

— Я понятия не имею, что должен означать *зеленый всадник*, — сказал он. — Мне очень жаль, но я сегодня впервые о нем слышу. Может, это название фильма? Почему бы тебе не спросить... ты же можешь меня спросить в 2011 году?

Я испуганно посмотрела на него.

— О, понимаю, — сказал Лукас быстро. — Ты не можешь меня спросить, потому что я давно умер, или сижу — старый, глухой и немой — в доме престарелых, ничего не соображая... нет-нет, пожалуйста, я не хочу ничего знать!

В этот раз мне не удалось сдержать слезы. Минимум полминуты я всхлипывала, потому что — как бы странно это не прозвучало — именно сейчас мне ужасно стало не хватать моего дедушки.

— Я тебя очень любила, — сказала я в конце концов.

Лукас протянул мне носовой платок и посмотрел сочувственно.

— Ты уверена? Я вообще-то не люблю детей. Треплют нервы только... Но, может быть, ты была особенной. Даже наверняка.

— Да, я была особенной. Но ты ко всем детям хорошо относился. — Я громко высморкалась. — Даже к Шарлотте.

Какое-то время мы молчали, потом Лукас вынул из кармана часы и спросил:

— Сколько у нас есть еще времени?

— Они меня послали ровно на два часа.

— Не очень много. Мы уже потратили кучу времени попусту. — Он встал. — Я принесу бумагу и карандаши, и мы попробуем систематизировать немного весь этот хаос. Ты оставайся здесь и никуда не ходи.

Я только кивнула. Когда Лукас исчез, я спрятала лицо в ладонях и застыла. Лукас был прав, именно сейчас было важно не потерять голову. Кто может знать, когда я снова увижу дедушку? О чем, что произойдет в будущем, я должна ему рассказать, а о чем — нет? И наоборот, какую информацию я могу получить от него, которая мне сможет пригодиться? По сути, он был моим единственным союзником. Но не в том времени. И какую из многих мрачных загадок он мог бы помочь решить?

Лукаса долго не было, и каждая минута, которую он отсутствовал, добавляла мне неуверенности. Может быть, он все-таки солгал, и сейчас откуда ни возьмись появятся Люси и Пол с огромным ножом, чтобы взять у меня кровь. Занервничав, я встала и попыталась найти что-нибудь, что можно было бы использовать как оружие. В углу лежала доска, из которой торчал ржавый гвоздь, но когда я взяла ее, она рассыпалась у меня в руках. Как раз в этот момент дверь открылась и в комнату вошел мой молодой дедушка с блокнотом подмышкой и бананом в руке.

Я облегченно выдохнула.

— Вот, утоли немного голод. — Лукас бросил мне банан, подтянул к нам третий стул и поставил его между нами. На стул он положил блокнот. — Извини, что так долго. Этот придурок Кеннет де Вилльер постоянно крутился под ногами. Терпеть не могу де Вилльеров, они всюду суют свой любопытный нос, хотят всё контролировать и решать, и всегда всё знают лучше всех!

— Вот именно, — пробормотала я.

Лукас встряхнулся.

— Ну-с, начнем, внучка. Ты — рубин, двенадцатая в Кругу. Бриллиант из семьи де Вилльеров старше тебя на два года. Значит, в твоём времени

ему около девятнадцати. И, как ты сказала, его зовут?

— Гидеон, — произнесла я, и только от звука его имени внутри меня разлилось тепло. — Гидеон де Вилльер.

Карандаш в пальцах Лукаса так и порхал над бумагой.

— И он противный, как все де Вилльеры, но ты его все-таки поцеловала, если я все правильно понял. Не слишком ли ты юна для этого?

— Вряд ли, — сказала я. — Скорее наоборот, я сильно запоздала. Кроме меня, *все* девочки в классе принимают таблетки. — Ну, все, кроме Айшани, Пегги и Кесси Кларк, но родители Айшани — консервативный индеец, которые убили бы ее, если бы она только посмотрела на какого-нибудь мальчика, Пегги нравились девочки, а что касается Кесси — когда-нибудь ее прыщи исчезнут, она будет дружелюбнее относиться к окружающим и перестанет твердить: «Чего вылупился?», когда кто-либо посмотрит в ее направлении. — О, и Шарлотта тоже не интересуется сексом. Поэтому Гордон Гельдерман называем ее *Снежной королевой*. Но я уже не так уверена, что это кличка ей подходит...

Я стиснула зубы, вспомнив, как Шарлотта смотрела на Гидеона, и как он смотрел на нее. Если подумать, как быстро Гидеон решил меня поцеловать, а именно — на второй день нашего знакомства, страшно было представить, что происходило между ним и Шарлоттой за все их годы совместной учебы.

— Какие таблетки? — спросил Лукас.

— Что? — Господи, в 1948 году они же предохраняются еще презервативами из коровьих кишок или чем-то в этом роде, если вообще предохраняются. Я не хотела знать подробности. — Я не хочу с тобой говорить о сексе, дедушка, честное слово, не хочу.

Лукас покачал головой.

— А я даже это слово не хочу от тебя слышать. И я имею в виду не слово «дедушка».

— Хорошо. — Пока Лукас делал заметки, я сняла кожуру с банана. — А как вы это называете?

— Что?

— Секс.

— Мы не говорим об этом, — сказал Лукас, склонившись над блокнотом. — Во всяком случае, с шестнадцатилетними девушками. Поехали дальше: Люси и Пол украли хронограф еще до того, как в него внесли кровь двух последних путешественников. Тогда стали использовать второй хронограф, в котором, естественно, не хватает крови всех остальных путешественников.

— Нет, уже не так. Гидеон был почти у всех путешественников и взял у них кровь. Не хватает только крови леди Тилни и Опала — Элизы-как-то-там.

— Илэйн Бэргли, — сказал Лукас. — Придворная дама Елизаветы I, умерла в восемнадцать лет от родильной горячки.

— Точно. Ну и крови Люси и Пола, конечно. Поэтому мы пытаемся получить их кровь, а они — нашу. Во всяком случае, я так поняла.

— То есть, сейчас есть два хронографа, при помощи которых можно замкнуть Круг? Это действительно невероятно!

— А что произойдет, когда Круг замкнется?

— Тогда будет раскрыта Тайна, — сказал Лукас торжественно.

— Ой, господи! И ты тоже! — Я раздраженно замотала головой. — Можно хотя бы *один раз* быть немного конкретнее?

— В предсказаниях идет речь о восшествии Орла, о победе человечества над болезнями и смертью, о начале новой эпохи.

— Ага. — Я знала столько же, сколько и до этого разъяснения. — Значит, это что-то хорошее, да?

— Что-то очень хорошее! Что-то, что послужит дальнейшему развитию человечества. Именно для этого граф Сен-Жермен основал ложу Хранителей, поэтому в наших рядах собраны самые умные и могущественные мужчины планеты. Мы хотим сохранить Тайну, чтобы она в нужный момент раскрылась и спасла целый мир.

Окей. Это было уже чем-то понятным. Во всяком случае, самым понятным из всего, что я слышала о Тайне.

— А почему Люси и Пол не хотят, чтобы Круг замкнулся?

Лукас вздохнул.

— Понятия не имею. Когда, ты сказала, вы встретились?

— В 1912 году, — сказала я. — В июне. Двадцать второго или двадцать четвертого, я точно не помню. — Чем больше я старалась вспомнить, тем неувереннее становилась. — А может, двенадцатого? Было четное число, это точно. Восемнадцатое? В любом случае, это было во второй половине дня. Леди Тилни накрыла стол к пятичасовому чаю. — И тут я сообразила, что только что сказала, и я закрыла рот ладонью. — Ой!

— Что?

— Я только что тебе рассказала, а ты расскажешь Люси и Полу, и поэтому они будут нас там ждать. Значит, это *ты* предатель, а не я. Хотя результат получается тем же.

— Что? О, нет! — Лукас энергично потрянул головой. — Я ни в коем случае не сделаю этого. Я вообще им о тебе не расскажу, этого еще не

хватало! Если я им завтра скажу, что они когда-нибудь украдут хронограф и убегут в прошлое, они этого не переживут. Нужно очень хорошо подумать, прежде чем рассказывать о будущем, не забудь!

— Ну, может быть, ты им расскажешь не завтра, у тебя еще куча времени впереди. — Я задумчиво жевала банан. — С другой стороны... в какое время они прыгнули с хронографом? Почему не в это? Здесь у них был хотя бы один друг, я тебя имею в виду. Может, ты меня обманываешь, и они ждут за дверью, чтобы взять у меня кровь?

— Я не имею ни малейшего понятия, куда они могли прыгнуть. — Лукас вздохнул. — Я даже не могу представить, что они способны на такое сумасбродство. А главное — почему! — И уныло добавил: — Я вообще ничего не понимаю.

— Очевидно, в этот момент времени мы оба находимся в неведении, — сказала я так же уныло.

Лукас записал в блокнот *зеленый всадник, второй хронограф и леди Тилни* и поставил большой вопросительный знак.

— Мы обязательно должны встретиться еще раз — позже! За это время я постараюсь узнать как можно больше...

Для меня это прозвучало убедительно.

— Сначала меня хотели отправить в 1956 год. Может, мы уже завтра утром сумеем снова встретиться.

— Ха-ха! — рассмеялся Лукас. — Для тебя 1956 год может наступить завтра, а для меня... погоди, дай подумать. Если тебя отправят элапсировать в более позднее время, то тоже в это помещение?

Я кивнула.

— Думаю, да. Но ты же не можешь с утра до вечера сидеть здесь и ждать меня. Кроме того, в любой момент может объявиться Гидеон, ему же тоже нужно элапсировать.

— Я знаю, что мы сделаем, — сказал Лукас с растущим воодушевлением. — Когда ты окажешься в этом помещении в следующий раз, то просто пройдешь ко мне. У меня кабинет на втором этаже. Тебе нужно будет пройти всего два поста, но это не проблема: ты просто скажешь, что заблудилась. Будешь моей кухней. Хэйзел. Из деревни. Я сегодня же начну рассказывать всем о тебе.

— Но мистер Уитмен сказал, что дверь здесь всегда закрыта, и я точно не знаю, где находится это помещение.

— Тебе, конечно, нужен ключ. И дневной пароль. — Лукас оглянулся. — Я сделаю дубликат ключа и спрячу где-нибудь тут. То же самое сделаем с паролем. Я буду писать его на бумажке и прятать здесь же.

Лучше всего где-нибудь в стене. Похоже, что там кирпичи сидят неплотно. Может, мы найдем там какую-нибудь полость? — Он встал, пробрался через весь хлам к стене и присел на корточки. — Смотри, здесь! Я приду с инструментом и сделаю отличный тайник. Когда ты в следующий раз прыгнешь сюда, вытяни этот камень и найдешь там ключ и пароль.

— Тут до фига камней, — сказала я.

— Просто запомни этот, пятый ряд снизу, приблизительно посередине стены. Черт! Сломал ноготь. Ладно. Во всяком случае у нас есть план, и он мне нравится.

— Но теперь тебе придется каждый день приходить сюда, чтобы сменить пароль, — сказала я. — Как ты собираешься это делать? Разве ты не учишься в Оксфорде?

— Пароль меняется не каждый день, — ответил Лукас. — Бывает, что его не меняют неделями. Кроме того, это единственная возможность устроить нашу встречу. Запомни этот камень. Я положу туда еще и план здания, чтобы ты не заблудилась по дороге вверх. Тут проходят тайные ходы половины Лондона. — Он посмотрел на часы. — А теперь давай сядем и запишем самое важное. Систематизируем. Ты увидишь, после этого мы оба станем умнее.

— Или останемся двумя недотепами в затхлом подвале.

Лукас склонил голову и ухмыльнулся.

— Может, ты мне между прочим скажешь, начинается ли имя твоей бабушки на «А»? Или, может, на «С»?

Я не могла не рассмеяться.

— А как бы тебе больше хотелось?

Круг Двенадцати

Имя	Драгоценный камень	Алхимическое соответствие	Животное	Дерево
Ланселот де Вилльер 1560-1607	Янтарь	Calcinatio	Лягушка	Бук
Илэйн Бэргли 1562-1580	Опал	Putrefactio et morrificio	Сова	Грецкий орех
Уильям де Вилльер 1636-1689	Агат	Sublimation	Медведь	Сосна
Сесилия Вудвилл 1628-1684	Аквамарин	Solutio	Лошадь	Клен
Роберт Леопольд граф Сен-Жермен 1703-1784	Изумруд	Distiliatio	Орел	Дуб
Жанна де Понкарре мадам д'Юрфе 1705-1775	Цитрин	Coagulatio	Змея	Гинкго
Джонатан и Тимоти де Вилльер 1875-1944 и 1875-1930	Карнеол	Extractio	Сокол	Яблоня
Маргарет Тилни 1877-1844	Нефрит	Digestio	Лиса	Липа
Пол де Вилльер 1974	Черный турмалин	Ceratio	Волк	Рябина
Люси Монтроуз 1976	Сапфир	Fermentatio	Рысь	Ива
Гидеон де Вилльер 1992	Бриллиант	Multiplicatio	Лев	Тис
Гвендолин Шеферд 1994	Рубин	Projectio	Ворон	Береза

Хроники Хранителей,

Том 4, Круг Двенадцати

Глава четвертая

— Гвенни! Гвенни, просыпайся!

Я с трудом выбиралась из глубин сна. В нем я была древней горбатой старухой, сидела напротив изумительно выглядевшего Гидеона и доказывала, что я — Гвендолин Шеферд и прибыла из 2080 года. Когда я все же открыла глаза, увидела курносое лицо моей сестры Каролины.

— Ну наконец-то! — сказала она. — Я думала, ты никогда не проснешься. Я уже спала, когда ты вчера вернулась домой, а я так старалась не заснуть. Ты опять принесла обалденное платье?

— Нет, в этот раз не принесла. — Я села в постели. — В этот раз я смогла переодеться.

— А теперь всегда так будет? Ты всегда будешь приходить домой, когда я буду уже спать? Мама так странно себя ведет, с тех пор, как с тобой это все произошло. И мы с Ником скучаем по тебе — без тебя ужины неинтересны.

— Они и раньше были неинтересны, — заверила я ее и снова упала на подушку.

Вчера вечером меня привезли домой на лимузине, шофер был мне незнаком, но рыжеволосый мистер Марли проводил меня до самой двери.

Гидеона я так и не видела, но ни капельки об этом не жалела. Достаточно, что он мне всю ночь снился.

У двери меня встречал дворецкий, мистер Бернхард, как всегда вежлив, а в остальном — совершенно безучастный. Мама сбежала по лестнице мне навстречу и обняла меня так, как будто я только что вернулась из экспедиции к Южному полюсу. Я тоже обрадовалась, увидев ее, хоть моя обида еще не до конца прошла. Было очень неприятно знать, что тебя обманывала собственная мать. И она даже не захотела назвать причины! Кроме загадочных предложений — *не доверяй никому... Тайна... бла-бла-бла* — я так и не узнала ничего, чем можно было бы объяснить ее поведение. Поэтому и потому, что валилась с ног от усталости, я молча съела кусок холодной курицы и отправилась спать, так и не рассказав маме о событиях этого дня. И зачем ей вообще нужно было об этом знать? Она и так сильно волновалась. Мне кажется, она выглядела не меньше меня уставшей.

Каролина снова потянула меня за руку.

— Эй, не засыпай опять!

— Хорошо-хорошо.

Я одним махом встала на ноги, обнаружив при этом, что несмотря на длинный телефонный разговор с Лесли вчера вечером, я неплохо выспалась. Интересно, где Ксемериус? Он исчез, когда я вечером отправилась в ванную, и с тех пор не появлялся.

Под душем я окончательно проснулась. Вымыла голову маминым дорогим шампунем, что, вообще-то, не разрешалось, сполоснула ее же кондиционером, рискуя тем, что нежный запах роз и грейпфрута тут же меня выдаст. Пока я растирала полотенцем голову, в голове постоянно крутился вопрос, любит ли Гидеон розы и грейпфруты, но я строго себя одернула.

Стоило поспать пару часов, как я снова стала думать об этом несносном типе! В конце концов, что такого уж особенного произошло? Окей, мы немножко поцеловались в кабинке исповедальни, но сразу после этого он снова повел себя отвратительно, а мое падение с седьмого неба не относилось к тем вещам, о которых мне приятно было думать — выспавшись или нет. И то же самое я сказала вчера Лесли, которая не могла перестать говорить на эту тему.

Я высушила волосы феном, оделась и сбежала вприпрыжку по лестнице, направляясь в столовую. Каролина, Ник, я и мама жили на третьем этаже. В отличие от всего остального дома, который испокон веков (как минимум!) принадлежал нашей семье, у нас было более-менее уютно.

Остальной дом был забит антиквариатом и портретами предков, из которых лишь некоторые были отрядным зрелищем. А еще у нас был бальный зал, в котором я учила Ника кататься на велосипеде, конечно тайком, потому что, как всем известно, движение на улицах в сегодняшних городах ужасно опасно.

Как обычно, я пожалела, что мы с мамой не завтракаем у себя наверху, но моя бабушка леди Ариста настаивала, чтобы мы собирались в сумрачной столовой, стены которой были обшиты досками цвета молочного шоколада, по крайней мере, это было единственное приятное сравнение, которое мне приходило в голову. Другое... э-э-э... было менее аппетитным.

Но сегодня хотя бы настроение за столом было заметно лучше, чем вчера, я сразу заметила, как только вошла в комнату.

Леди Ариста, которая всегда выглядела как учительница балета, строго следящая за всеми, сказала ласково: «Доброе утро, дитя мое!», а Шарлотта и ее мама улыбнулись, как будто они знали что-то, о чем я не догадывалась.

Поскольку тетя Гленда никогда мне не улыбалась (и вообще никому, если не считать кислое приподнимание уголка губ), а Шарлотта вчера вывалила мне на голову кучу гадостей, я тут же заподозрила неладное.

— Что-то случилось? — спросила я.

Мой двенадцатилетний брат подмигнул мне, когда я уселась на свое место возле Каролины, а мама тут же передала полную тарелку с бутербродами и яичницей. Я почти потеряла сознание от голода, почувствовав запах еды.

— Ах ты господи, — сказала тетя Гленда. — Грейс, ты, наверное, хочешь, чтобы твоя дочь сразу получила месячную норму жиров и холестерина?

— Точно, — равнодушно ответила мама.

— Она позже тебя возненавидит за то, что ты не следила за ее фигурой, — сказала тетя Гленда и снова усмехнулась.

— У Гвендолин безупречная фигура, — сказала мама.

— Пока, — добавила тетя Гленда. Она все еще улыбалась.

— Вы не добавляли ей ничего в чай? — шепнула я Каролине.

— Кто-то только что позвонил, и с тех пор тетя Гленда и Шарлотта оживились, — прошептала Каролина в ответ. — Как будто их подменили!

В этот момент снаружи на подоконник приземлился Ксемериус. Сложив крылья, он просунул голову сквозь стекло.

— Доброе утро, — обрадовалась я.

— Доброе утро, — ответил Ксемериус и спрыгнул с подоконника на пустой стул.

Пока все остальные с удивлением смотрели в мою сторону, Ксемериус чесал живот.

— Ого, какая у тебя большая семья! Я до конца еще не разобрался, кто есть кто, но заметил, что здесь очень много женщин. Я бы даже сказал, слишком много. И половина выглядит большей частью времени так, как будто нуждается в щекотке. — Он встряхнул крыльями. — А где папы всех этих детей? И где домашние животные? Такой огромный дом и ни одной даже крохотной канарейки! Я разочарован.

Я ухмыльнулась.

— А где бабушка Мэдди? — спросила я, начав наконец-то кушать.

— Я предполагаю, что у моей дорогой невестки потребность во сне сильнее, чем любопытство, — ответила с достоинством леди Ариста. Она сидела с выпрямленной спиной и ела половинку тоста, держа его кончиками пальцев. (Я, кстати, никогда не видела бабушку иначе, чем сидящей абсолютно прямо). — Из-за того, что она вчера встала очень рано,

у нее весь день было плохое настроение. Не думаю, что она появится раньше десяти часов.

— И слава богу, — сказала тетя Гленда режущим ухо голосом. — Ее бред о сапфировых яйцах и башенных часах действует на нервы. И как ты себя чувствуешь, Гвендолин? Могу представить, что для тебя все это совсем непросто.

Я хмыкнула.

— Это должно быть ужасно, внезапно выяснить, что рожден для чего-то высшего, и при этом не соответствовать ожиданиям.

Тетя Гленда наколола на вилку кусок помидора.

— Мистер Джордж рассказывал, что Гвендолин до сих пор очень хорошо справлялась, — сказала леди Ариста, и еще до того, как я обрадовалась ее поддержке, добавила: — Во всяком случае, учитывая обстоятельства. Гвендолин, сегодня после занятий за тобой заедут и отвезут в Темпл. И в этот раз тебя будет сопровождать Шарлотта. — Она сделала глоток чая.

Я не могла раскрыть рта, иначе оттуда вывалился бы кусок яичницы, поэтому я только испуганно таращилась. Вместо меня Ник и Каролина спросили в один голос:

— Чего это?

— Потому что, — сказала тетя Гленда, странно трясая головой, — Шарлотта знает всё, что должна знать Гвендолин, чтобы соответствовать своему предназначению. И поэтому в связи с — как мы все можем представить — хаотичными событиями последних дней в Темпле хотят, чтобы Шарлотта помогла своей кухне в подготовке к следующим прыжкам.

Она выглядела так, будто ее дочь только что выиграла Олимпиаду. Как минимум.

К следующим прыжкам? Что-что?

— Кто эта тощая рыжая злая метелка? — осведомился Ксемериус. — В твоих интересах, чтобы она оказалась очень дальней родственницей.

— Не то чтобы мы удивились этой просьбе, но мы задумались, стоит ли пойти в этом случае навстречу. В конце концов, теперь Шарлотта не имеет никаких обязательств. Но... — В этом месте тощая рыжая злая мет... э-э-э... тетя Гленда театрально вздохнула. — Шарлотта отдает себе отчет в важности этой миссии и самоотверженно готова внести свою лепту для успеха.

Мама тоже вздохнула и сочувствующе глянула на меня. Шарлотта убрала за ухо локон блестящих рыжих волос и, хлопая ресницами,

посмотрела в мою сторону.

— Э? — Это был Ник. — Чему Шарлотта может научить Гвендолин?

— О! — произнесла тетя Гленда и ее щеки порозовели от энтузиазма. — Есть очень много вещей, но было бы абсурдно думать, что Гвендолин за столь короткое время сумеет наверстать все, чему Шарлотта научилась за многие годы, не говоря уже о — ну, скажем — несправедливом распределении естественных талантов в этом случае. Можно попробовать научить лишь самому необходимому. Прежде всего Гвендолин не хватает — и не хватает трагически, я бы сказала! — общей эрудиции, а также манер, соответствующих определенной эпохе. Мне так сказали.

Нахальство! Кто ей мог это сказать?

— О да! Особенно нужны хорошие манеры, когда сидишь в запертом подвальном помещении, — сказала я. — А то какая-нибудь мокрица сможет увидеть, как ты ковыряешься в носу.

Каролина захихикала.

— О нет, Гвенни, мне жаль, но я вынуждена сказать, что в ближайшем будущем тебя ожидают *некоторые* сложности. — Шарлотта бросила мне взгляд, который, наверное, должен был быть сочувствующим, но на самом деле был язвительным и злорадным.

— Твоя кухня права. — Я всегда боялась пронизывающего взгляда леди Аристы, но сейчас я даже вздрогнула. — По самому высшему распоряжению ты проведешь много времени в восемнадцатом веке, — сказала она.

— И к тому же среди людей, — добавила Шарлотта. — Людей, которые сильно удивятся, если узнают, что ты не в курсе, как зовут короля, правящего страной. Или что ты не в курсе, что такое «ридикюль».

Риди... что?

— А что такое ридикюль? — спросила Каролина.

Шарлотта слегка улыбнулась.

— Пусть твоя сестра тебе объяснит.

Я рассерженно смотрела на нее. Почему ей всегда так приятно выставить меня дурочкой, которая ничего не знает?

Тетя Гленда тихонько хихикала.

— Это такая дурацкая сумка, мешок, в котором хранится всякая дребедень, — сказал Ксемериус. — И носовые платки. И флакончики с нюхательной солью.

Ага!

— Ридикюль — это устаревшее слово для дамской сумочки,

Каролина, — сказала я, не отводя взгляд от Шарлотты.

От неожиданности ее ресницы вздрогнули, но она удержала улыбку.

— По самому высшему распоряжению? Что это значит? — Мама повернулась к леди Аристе. — Я думала, мы договорились, что Гвендолин не станут вмешивать в эту историю, насколько это возможно. Что она будет только элапсировать в безопасных временах. Как они могут сейчас решить подвергнуть ее такой опасности?

— Это не твое дело, Грейс, — холодно произнесла бабушка. — Ты достаточно уже глупостей натворила.

Мама закусил губу. Ее гневный взгляд метнулся от леди Аристы ко мне и назад, и она решительно отодвинула стул.

— Мне нужно на работу, — сказала она, поцеловала Ника в макушку и посмотрела на меня и Каролину. — Хорошего дня в школе! Каролина, не забудь о шарфе для домоводства. Вечером увидимся.

— Бедная мамочка, — пробормотала Каролина, когда мама покинула столовую. — Вчера вечером она плакала. Мне кажется, она сильно расстроена оттого, что у тебя обнаружился ген путешественника во времени.

— Да, — сказала я. — Я уже тоже заметила.

— Не только она, — шепнул Ник и бросил многозначительный взгляд на Шарлотту и тетю Гленду, которая все еще улыбалась.

Никогда еще я не получала столько внимания при входе в классную комнату, как сегодня. Причиной этому было то, что половина моих одноклассников видела, как вчера меня увозили в черном лимузине.

— Ставки еще принимаются, — кричал Гордон Гельдерман. — Супервыигрыш для первого номера: ленивый гомик, появившийся вчера, — телевизионный продюсер, проводивший кастинг Шарлотты и Гвендолин для участия в телешоу; второй вариант: это ваш кузен-гомик, который работает в прокатном пункте лимузинов; вариант номер три...

— Закрой рот, Гордон, — прошипела Шарлотта, откинула назад голову и села на свое место.

— Мне кажется, что ты должна нам объяснить, почему это ты обжималась с этим типом, а уехал он в лимузине с Гвендолин, — сказала подлизывающимся тоном Синтия Дейл. — Лесли пыталась нас убедить, что это учитель Гвендолин для дополнительных занятий.

— О да! Учитель для дополнительных занятий всегда приезжает на лимузине и держится за ручки со Снежной королевой, — сказал Гордон и глянул зло в сторону Лесли. — Тут мы видим однозначные попытки

завуалировать происходящее.

Лесли пожала плечами и ухмыльнулась.

— Ничего лучшего на скорую руку мне в голову не пришло. — Она уселась на свое место.

Я оглянулась в поисках Ксемериуса. Последний раз я его видела на крыше школы, откуда он мне радостно помахал. И хотя я ему строго-настрого запретила мешать мне во время уроков, уверенности, что он так и поступит, во мне не было.

— Зеленый всадник, похоже, окажется тупиком, — приглушенным голосом сказала Лесли. В отличие от меня она этой ночью почти не спала, просидев кучу времени в интернете. — Есть известная нефритовая фигурка из времен династии Мин, но она стоит в Пекине в каком-то музее. Есть еще памятник на какой-то рыночной площади в немецком городе Клоппенбург и две книги с таким названием — роман, написанный в 1926 году и детская книжка, но она вышла уже после смерти твоего деда. И больше я ничего не нашла.

— Я думала, может, это какая-то картина? — сказала я. В фильмах тайны были всегда спрятаны за картинами или даже в картинах.

— Не-а, — сказала Лесли. — Если бы речь шла о синем всаднике, было бы намного проще... Я прогнала несколько раз слова *зеленый всадник* через генератор анаграмм. Но ничего толком не получилось, ну разве что *сад зелен выйник* что-то означает. Я парочку распечатала, может, ты сумеешь что-то придумать?

Она передала мне листок бумаги.

— *Задник сел в еный*, — прочитала я. — *Вена дни сел зыйк*. Хм-м, дай-ка подумать...

Лесли хихикала.

— Мне больше всего нравится *Зад сник веленый*. О-о-о, вон идет мистер Бельчонок.

Она имела в виду мистера Уитмена, заходившего в класс, как обычно, энергичным шагом. Свою кличку от получил от нас за огромные карие глаза. Правда, тогда мы не знали, кем он на самом деле был.

— Я все еще жду, что мы за вчерашнее будем наказаны, — сказала я.

Но Лесли помотала головой.

— Не получится, — коротко сказала она. — Или должен директор Гиллс узнать, что учитель английского в его школе — член ужасно тайной организации? Потому что я обязательно ему расскажу, если он нас выдаст. О, черт, он идет сюда. И смотрит опять так... спесиво.

Действительно, мистер Уитмен был уже возле нас. Он положил перед

Лесли толстую папку, которую отобрал вчера в женском туалете.

— Я подумал, что ты хотела бы получить назад эту... интереснейшую коллекцию, — насмешливо сказал он.

— Да, спасибо, — ответила Лесли и немного покраснела.

Коллекцией была огромная папка с результатами поисков на тему путешествий во времени, в которой было всё, что мы (в первую очередь, конечно, Лесли) до сих пор узнали о Хранителях и графе Сен-Жермене. На странице 34, сразу после подборки о телекинезе, была пометка, касающаяся самого мистера Уитмена. *Бельчонок тоже член ложи? Кольцо. Значение?* Нам оставалось только надеяться, что мистер Уитмен не понял, к кому она относится.

— Лесли, мне не хочется это говорить, но я думаю, что лучше было бы направить свою энергию на некоторые школьные предметы. — На губах мистера Уитмена гуляла улыбка, но в голосе звучала только насмешка. Он понизил голос. — Не всё, что кому-то кажется интересным, бывает полезным.

Это была угроза? Лесли молча взяла папку и спрятала в школьную сумку.

Остальные с любопытством наблюдали за нами. Наверняка они спрашивали себя, о чем это мистер Уитмен говорит. Шарлотта сидела так близко, что могла все слышать, и в ее взгляде было неприкрытое злорадство. А когда мистер Уитмен сказал: «А ты, Гвендолин, должна уже понимать, что конфиденциальность — это качество, которое от тебя не только ожидают, но и требуют», она одобрительно кивнула.

— Очень жаль, что ты ведешь себя так *недостойно*.

Несправедливо! Я решила последовать примеру Лесли, и некоторое время мы с мистером Уитменом молча смотрели друг другу в глаза не отрываясь. Затем его улыбка стала шире, и неожиданно он потрепал меня по щеке.

— Не вешай голову! Я уверен, что ты еще многому научишься, — сказал он, проходя дальше. — Ну что, Гордон? Ты опять скачал сочинение полностью из интернета?

— Вы же сами говорите, что мы можем использовать любые источники, которые сумеем найти, — защищаясь, сказал Гордон, умудрившись в таком коротком предложении изломать голос в двух октавах.

— А что Уитмен хотел от вас? — Синтия Дейл развернулась к нам. — Что это за папка? И почему это он тебя *погладил*, Гвендолин?

— Не стоит ревновать, Син, — сказала Лесли. — Он любит нас ни на

йоту больше, чем тебя.

— О, — сказала Синтия. — Я ни капли не ревную. Что это за глупости? Почему все думают, что я в него влюблена?

— Может быть, потому что ты председатель в клубе фанатов Уильяма Уитмена? — высказала я предположение.

— Или потому, что ты двадцать раз написала на листке *Синтия Уитмен*, чтобы узнать, как ты сама сказала, какое ощущение при этом возникнет? — сказала Лесли.

— Или потому...

— Хватит, — прошипела Синтия. — Это было един-единственный раз. И давным-давно прошло.

— Это было позавчера, — сказала Лесли.

— За это время я поумнела и повзрослела. — Синтия вздохнула и оглянулась на класс. — В этом виноваты эти *детушки*. Если бы у нас в классе были хотя бы относительно нормальные парни, никому не пришлось бы влюбляться в учителя. Кстати... Что это за парень, который заезжал за тобой вчера в лимузине, Гвенни? У тебя с ним что-то есть?

Шарлотта фыркнула, явно веселясь, что тут же привлекло внимание Синтии.

— Ну хватит уже загадочности, Шарлотта. У кого-то из вас что-то с ним происходит?

За это время мистер Уитмен дошел до своего пульта и призвал нас, заняться Шекспиром и его сонетами. В виде исключения, на этот раз я ему была благодарна. Лучше Шекспир, чем Гидеон! Разговоры в классе прекратились, вместо них слышны были вздохи и шорох бумаги. Но я еще успела услышать, как Шарлотта сказала: «Только не у Гвенни».

Лесли сочувственно глянула на меня.

— Она даже не догадывается, — прошептала она. — Ее можно только пожалеть.

— Ага, — шепнула я в ответ, но на самом деле я жалела только себя. Вторая половина дня в обществе Шарлотты будет тем еще удовольствием.

На этот раз лимузин стоял не прямо перед воротами, а на улице чуть поодаль. Рыжеволосый мистер Марли нервно вышагивал рядом и занервничал еще больше, когда увидел нас.

— А, это вы, — бросила Шарлотта подчеркнуто недовольно, и мистер Марли покраснел.

Шарлотта посмотрела внутрь лимузина, но там никого не было. Кроме водителя и... Ксемериуса. Шарлотта выглядела разочарованной, что мне

добавило настроения.

— Ты небось скучала по мне? — Ксемериус довольно развалился на сидении, когда машина тронулась с места. Мистер Марли сел впереди, а Шарлотта, сидя рядом со мной, не отрываясь смотрела в окно.

— Это хорошо, — сказал Ксемериус, не дожидаясь ответа. — Но ты должна понимать, что у меня есть и другие обязательства, кроме как приглядывать за тобой.

Я закатила глаза, и Ксемериус залился смехом.

Я действительно по нему скучала. Занятия тянулись, как жвачка, и когда миссис Каунтер завела бесконечный рассказ о полезных ископаемых на Балтике, я затосковала по Ксемериусу и его фразочкам. Кроме того, я бы хотела познакомить его с Лесли, насколько это вообще было возможно. Лесли пришла в восторг от моих описаний Ксемериуса, несмотря на то, что мои рисовальные попытки вряд ли льстили бедному демону. («А что это за прищепки?» — захотела узнать Лесли, показывая на нарисованные мной рожки).

— Наконец-то, невидимый друг, который может принести пользу, — восхищенно сказала она. — Представь себе: в отличие от Джеймса, который бестолково стоит в своей нише и только и умеет, что ворчать по поводу твоих плохих манер, этот горгулья-демон может шпионить для тебя и выяснить, что делается за закрытыми дверями.

Об этом я еще не думала. Но действительно — сегодня утром эта история с рюде... риде... с устаревшим словом для дамской сумочки... Ксемериус мне очень помог.

— Ксемериус может стать твоим козырем в рукаве, — сказала Лесли. — Не то что этот вечно обиженный бездельник Джеймс.

К сожалению, насчет Джеймса она была права. Джеймс был... а правда, чем он был? Если бы он гремел цепями или раскачивал люстры, можно было бы его официально объявить школьным призраком. Джеймсу Аугусту Перегрину Пимплботтому было приблизительно двадцать лет, он носил напудренный парик и сюртук в цветочках, и он умер 229 лет тому назад. Здание школы было когда-то его родительским домом, и, как многие призраки, он не хотел верить в то, что умер. Он принимал столетия своей призрачной жизни за странный сон, от которого он надеялся очнуться. Лесли думала, что он проспал решающий этап со светом в конце туннеля.

— Джеймс тоже приносит пользу, — возразила я. В конце концов, я только вчера решила, что Джеймс, как человек из восемнадцатого столетия, может мне помочь, например, научиться фехтованию. Я уже радовалась, представляя грандиозное представление, когда я, наученная Джеймсом,

управляюсь со шпагой не хуже Гидеона. К сожалению, это оказалось громадной ошибкой.

На нашем первом (и, как можно себе представить, последнем) занятии на первой переменке в пустом классе Лесли каталась по полу от смеха. Конечно, она не могла видеть Джеймса и его движения, которые я считала высокопрофессиональными, как не могла слышать и комментарии: «Только отбивать, мисс Гвендолин, только отбивать! Терц! Прима! Терц! Квинта!» Она видела только меня, отчаянно размахивающую указкой миссис Каунтер, отбивая невидимую шпагу и проходя через нее, как через воздух. Бесполезно. И смешно.

Когда Лесли вдоволь насмеялась, она решила, что Джеймс должен научить меня чему-то другому, и, как ни странно, Джеймс был с ней на этот раз согласен. Фехтование на шпагах и вообще бои всех видов были делом мужчин, сказал он, а самое опасное, что девушке можно брать в руки, это иголки для вышивания.

— Мир стал бы намного лучше, если бы мужчины тоже придерживались этого правила, — сказала Лесли. — Но до тех пор, пока они этого не делают, женщины должны быть в готовности. — И Джеймс почти упал в обморок, когда увидел, как Лесли из школьной сумки достала двадцатисантиметровый нож. — Он поможет тебе защититься, если какой-нибудь негодяй из прошлого будет к тебе приставать.

— Он выглядит как...

— ... японский кухонный нож. Режет овощи и сырую рыбу, как масло.

У меня по спине пробежала волна дрожи.

— Это только для чрезвычайной ситуации, — добавила Лесли. — Просто, чтобы ты себя уверенней чувствовала. Это лучшее оружие, которое я на скорую руку сумела раздобыть.

В настоящее время нож лежал в переделанном под ножны футляре для очков, взятом у мамы Лесли, у меня в сумке, вместе с рулончиком клейкой ленты, которая, если верить Лесли, мне еще очень пригодится.

Водитель резко повернул, и Ксемериус, не удержавшись, скользнул по гладкой коже сиденья и врезался в Шарлотту. Он быстро оправился.

— Твердая, как колонна в церкви, — прокомментировал он и потряс крыльями, рассматривая ее сбоку. — Она что, целый день теперь будет висеть у нас на хвосте?

— К сожалению, да, — сказала я.

— К сожалению — что? — спросила Шарлотта.

— К сожалению, я опять сегодня не пообедала, — сказал я.

— Сама виновата, — ответила Шарлотта. — Но, честно говоря, тебе не

помешает похудеть на пару кило. Тебе же придется втискиваться в те платья, которые мадам Россини сшила для меня.

На короткое мгновение она сжала губы, и я почувствовала что-то похожее на сочувствие. Наверное, она действительно очень радовалась тому, что будет носить платья, сшитые мадам Россини, а тут явилась я и все испортила. Конечно, не специально, но все-таки.

— Платье, в котором я была с визитом у графа Сен-Жермена, висит у меня в шкафу дома, — сказала я. — Если хочешь, я тебе его отдам. Ты бы могла его надеть на следующую костюмированную вечеринку у Синтии. Могу спорить, все упадут, увидев тебя в нем.

— Это не твое платье, — грубо отрезала Шарлотта. — Оно — собственность Хранителей, ты не можешь принимать такие решения. Этому платью нечего делать в твоём шкафу.

Она снова смотрела в окно.

— Бэ-бэ-бэ! — передразнил Ксемериус.

Шарлотта не обладала способностью помогать людям любить себя, она это никогда не умела. И все-таки на меня давила эта ледяная атмосфера. Я начала новую попытку:

— Шарлотта?..

— Мы почти приехали, — перебила она меня. — Я вся в нетерпении. Интересно, встретим ли мы кого-нибудь из Внутреннего круга? — Ее мрачное лицо неожиданно просветлело. — Я имею в виду, еще кого-нибудь, кроме тех, кого мы уже знаем. Это ужасно волнительно. В ближайшие дни весь Темпл будет полон живыми легендами. Знаменитые политики, Нобелевские лауреаты, заслуженные ученые — все они посетят эти священные залы, но мир об этом не узнает. Коппе Йотланд будет здесь... о, и Джонатан Ривз-Хэвиленд... я бы хотела пожать ему руку.

Шарлотта звучала восторженно, по крайней мере, для ее возможностей.

Я же, наоборот, понятия не имела, о ком она говорит. Я вопросительно глянула на Ксемериуса, но он только пожал плечами.

— Об этих клоунах я никогда ничего не слышал, сорри, — сказал он.

— Нельзя знать всё, — ответила я с понимающей улыбкой.

Шарлотта вздохнула.

— Нельзя. Но совершенно не мешает время от времени брать в руки серьезную газету или посмотреть новости, чтобы быть в курсе актуальной политики в мире. Но для этого нужно включить хотя бы на время мозги... или вообще иметь их.

Как я уже говорила, Шарлотта не обладала способностью помогать

людям любить себя.

Лимузин остановился и мистер Марли открыл дверцу. Со стороны Шарлотты, между прочим.

— Мистер Джордано ожидает вас в Старой трапезной, — сказал мистер Марли, и мне показалось, что ему стоило большого усилия, не добавить «сэр». — Я должен вас туда проводить.

— Я знаю дорогу, — отрезала Шарлотта и повернулась ко мне. — Пошли!

— Что-то в тебе есть такое, отчего все люди тобой командуют, — сказал Ксемериус. — Мне пойти с вами?

— Да, пожалуйста, — попросила я. Мы уже шли по узким закоулкам Темпла. — Я чувствую себя намного лучше, когда ты со мной.

— А купишь мне собачку?

— Нет!

— Но ты же меня любишь, правда? Мне кажется, я чаще должен исчезать.

— Или чаще приносить пользу, — сказала я и подумала о том, что говорила Лесли. *Ксемериус может стать твоим козырем в рукаве.* Она была права. У кого еще был друг, который может проходить сквозь стены?

— Не отставай, — сказала Шарлотта. Она и мистер Марли шли чуть впереди рядом друг с другом, и я вдруг заметила, как они похожи между собой.

— Слушаюсь, фройляйн Роттенмайер, ^[7] — сказала я.

~~~~

Meet the time as it seeks us.

William Shakespeare «The Tragedy of Cymbeline»[\[8\]](#)

Глава пятая

Чтобы много не говорить: занятия с Шарлоттой и мистером Джордано были еще ужаснее, чем я могла себе представить. Прежде всего потому, что меня старались научить всему сразу: пока я (наряженная в юбку в вишнево-красную полоску, которая очень оригинально выглядела в сочетании со школьной блузкой цвета картофельного пюре) сражалась с менуэтными па, нужно было одновременно вникать в различия между политическими взглядами вигов^[9] и тори, учиться правильно держать веер и разобраться, чем «Ваше Высочество» отличается от «Вашей светлости» и «Вашего сиятельства». Через час после семнадцати различных вариантов открытия веера у меня разболелась голова, я уже не знала, где право и лево. Моя попытка разрядить обстановку шуткой — «Может, сделаем паузу, а то я полностью сиятельствую», — не была воспринята.

— Не смешно, — прогундосил Джордано. — Глупая девчонка.

Старая трапезная размещалась на первом этаже в большой комнате с высокими окнами, выходящими во внутренний двор. Кроме рояля и пары стоящих у стены стульев, в ней ничего не было. Поэтому Ксемериус снова повис на люстре вниз головой и аккуратно сложил крылья на спине.

Мистер Джордано представился со словами: «Джордано, *просто* Джордано. Доктор исторических наук, известный модельер, мастер рэйки,^[10] творческий дизайнер ювелирных изделий, знаменитый хореограф, адепт третьего уровня, специалист по 18-му и 19-му векам».

— Блин, — сказал Ксемериус. — Похоже, кого-то в детстве уронили вниз головой.

Я могла только молча с ним согласиться. Мистер Джордано, *пардон, просто* Джордано, фатально напоминал одного из чокнутых продавцов с ТВ-канала по продажам, которые все разговаривали так, как будто у них прищепка на носу, а под столом в ногу вцепился пинчер. Я все время ждала, что он растянет (увеличенные у пластического хирурга?) губы в улыбку и скажет: «А сейчас, дорогие телезрители, переходим к нашей модели „Бригитта“, это комнатный фонтан абсолютно экстра-класса, оазис счастья, и всего за двадцать семь фунтов, абсолютно выгодная сделка, вы не должны ни в коем случае упустить случай, я сам купил две штуки для дома...» Но вместо этого, он — без улыбки — сказал: «Дорогая Шарлотта, привет-привет-приветик!» и поцеловал воздух справа и слева от ее ушей.

— Я слышал, что произошло, и считаю это не-ве-ро-ят-ным! Столько

лет тренировок и такой талант пропадают зря! Это горе, скандал до неба и так несправедливо... А это она и есть? Твоя *дублерша*.

Выпятив вздутые губы, он мерил меня взглядом с ног до головы. Я же замороженно пялилась на него. У него была очень своеобразная прическа: торчащие в разные стороны волосы, наверняка зацементированные килограммами геля и лака для волос. Тонкие бородки извивались по нижней части лица, как реки на карте. Брови были выщипаны и подведены черным карандашом, и, если я не ошибаюсь, он пудрил нос.

— И *это* должно до послезавтра научиться быть естественной на суаре^[11] в 1782 году? — сказал он.

Было совершенно очевидно, что «это» означало меня. «Суаре» означало что-то другое. Интересно, что именно.

— Эй, мне кажется, *Вздутые-губки* тебя оскорбил, — сказал Ксемериус. — Если тебе нужно ругательство, чтобы бросить ему в рожу, я с удовольствием стану твоим суфлером.

«Вздутые-Губки» было уже неплохо.

— Суаре — это сборище поздно вечером, — продолжил Ксемериус. — Говорю на тот случай, если ты этого не знаешь. После ужина все не расходятся, а собираются в кучу, играют на пианино и стараются не уснуть.

— О, спасибо! — сказала я.

— Я до сих пор не могу поверить, что они готовы так рисковать! — сказала Шарлотта, вешая пальто на стул. — Разрешить Гвендолин общаться с людьми — это нарушение всех правил соблюдения Тайны. Достаточно только посмотреть на нее, как тут же видно, что с ней не все в порядке.

— Да-да, я подумал точно так же! — вскрикнул *Вздутые-губки*. — Но граф знаменит эксцентричными выходками. Там лежит ее легенда. Почитай-ка — просто волосы дыбом!

Моя — что? Я всегда считала легенды относящимися к сказкам. Или к картам.

Шарлотта листала страницы в папке, лежавшей на рояле.

— Она должна играть роль воспитанницы виконта Баттена? А Гидеон — его сын? Не слишком ли это рискованно? Ведь может найтись кто-то, кто знаком с виконтом и его семейством. Почему нельзя было просто взять какого-нибудь французского виконта в изгнании?

Джордано вздохнул.

— Невозможно, из-за недостаточного уровня владения языком. Наверное, граф хочет нас просто испытать. Мы должны ему доказать, что сумеем каким-то чудом сделать из этой девчонки настоящую даму 18-го столетия. Мы просто *должны!* — Он в отчаянии ломал руки.

— Ну, если у них получилось с Кирой Найтли,^[12] то и со мной получится, — сказала я уверенно. Кира Найтли была самой модной девушкой во всем мире, но замечательно смотрелась в костюмных фильмах, даже с самыми придурочными париками.

— Кира Найтли? — Черные брови почти доползли до кромки начесанных волос. — В каком-нибудь фильме это еще сойдет, но Кира Найтли не продержалась бы и десяти минут в 18-м столетии, ее тут же бы разоблачили. Одно то, что она в улыбке показывает зубы, запрокидывает голову при смехе и широко открывает рот! Ни одна дама не позволяла себе это в 18-м веке!

— Но вы же не можете это знать со всей уверенностью, — сказала я.

— Что?! Что ты сказала?

— Я сказала, что со всей уверенностью...

Вздутые-губки сверкнул глазами.

— Нам пора установить первое правило. Оно звучит так: всё, что Мастер сказал, не подвергается сомнению.

— А кто у нас Мастер? А, понимаю, это вы, — сказала я и немного покраснела, в то время как Ксемериус гоготал во все горло. — Окей. Не показывать зубы в улыбке. Я запомнила.

Это я легко смогу. Вряд ли у меня на этой суаре... этом суаре... будет повод улыбаться.

Мастер-Вздутые-губки немного успокоился, и брови вернулись на свое место. И поскольку он не мог слышать Ксемериуса, который орал с потолка «Дурачина!», он продолжил печальную инвентаризацию. Он спрашивал, что я знаю о политике, литературе, нравах и обычаях в 1782 году, и мой ответ («Я знаю, чего раньше не было — например, автоматического слива в туалетах и выборного права для женщин».) заставил его спрятать лицо в ладонях на несколько секунд.

— Я сейчас уписаюсь от смеха, — сказал Ксемериус и к моему великому сожалению он меня постепенно заражал смехом. Мне стоило огромного труда сдерживать хихиканье, прорывавшееся от самой диафрагмы наверх.

Шарлотта мягко сказала:

— Я думала, они тебе объяснили, что она действительно *абсолютно* не подготовлена, Джордано.

— Но я... хотя бы основы... — Джордано поднял лицо из ладоней.

Я не решалась посмотреть на него, потому что, если косметика потекла, я не сдержалась бы.

— А что по части твоих музыкальных качеств? Фортепьяно? Пение?

Арфа? Умеешь ли ты танцевать бальные танцы? Простой *menuett à deux* ты наверняка знаешь, а другие?

Арфа? *Menuett à deux*? А как же! Всё, самообладание покинуло меня. Я начала безудержно хихикать.

— Хорошо, что хотя бы кто-то из нас веселится, — сказал *Вздутые-губки* вне себя, и это, видимо, стало тем моментом, когда он решил мучить меня до тех пор, пока мне расхочется смеяться.

Это длилось не слишком долго. Уже через пятнадцать минут я чувствовала себя как последняя идиотка и неудачница. При том, что Ксемериус изо всех сил старался меня поддержать: «Давай, Гвендолин, покажи этим двум садистам, на что ты способна!»

Я бы с удовольствием это сделала. Но, к сожалению, я ни на что не была способна.

— *Tour de main*,^[13] левая рука, глупая девчонка, но поворот направо, Корнуэллы капитулировали, лорд Норт вышел в отставку в марте 1782 года, что привело к тому, что... Поворот направо — нет, направо! Боже мой! Шарлотта, будь любезна, покажи ей еще раз!

И Шарлотта показала. Тут нужно было признать — она прекрасно танцевала, у нее все движения выглядели легко и просто.

И, по сути, это было легко и просто. Пойти туда, пойти сюда, повернуться, постоянно улыбаться, не показывая зубов. Музыка звучала из спрятанных в панелях динамиков, и нужно сказать, что это была не та музыка, от которой сразу хочется пуститься танцевать.

Может быть, я бы лучше запомнила шаги, если бы *Вздутые-губки* не тараторил все время:

— Так вот, с 1779 года — война с Испанией... теперь мулен, прошу, четвертого мужчину мы должны просто представить, и реверанс, так точно, чуть больше грациозности! И опять сначала, не забываем улыбаться, голову прямо, подбородок вверх, Великобритания как раз лишилась Северной Америки, о боже мой, нет, направо, рука на уровне груди и прогнуться, это тяжелый удар, и французов не любят, упоминать о них считается непатриотичным... Не смотреть на ноги, в этой одежде там все равно ничего нельзя увидеть.

Шарлотта ограничивалась внезапными странными вопросами («Кто был в 1782 году королем Бурунди?») и непрестанно качала головой, что делало меня еще более неуверенной в себе.

Через час Ксемериус заскучал. Он слетел с люстры, махнул мне рукой и исчез сквозь стену. Я бы с удовольствием поручила ему посмотреть, где сейчас Гидеон, но это оказалось ненужным, так как через четверть часа

пыткой менуэтом он вместе с мистером Джорджем пришли в трапезную. Они как раз застали тот момент, когда я, Шарлотта и *Вздутые-губки* с четвертым невидимым участником танцевали фигуру, которую *Вздутые-губки* назвал «le chain» и в которой я должна была подать руку невидимому партнеру. К сожалению, я подала ему не ту руку.

— Правая рука, правое плечо, левая рука, левое плечо, — кричал *Вздутые-губки* рассержено. — Неужели это так сложно? Посмотри, как Шарлотта изумительно танцует!

Изумительная Шарлотта продолжала танцевать, даже после того как заметила, кто пришел, тогда как я почувствовала неловкость и остановилась, желая провалиться сквозь землю.

— О, — сказала Шарлотта, сделав вид, что только сейчас заметила Гидеона и мистера Джорджа. Она присела в изящном реверансе, что, как я теперь знала, было особым приседанием в начале и конце менуэта, ну и в середине тоже. Она должна была выглядеть по-дурачки, особенно в школьной форме, но вместо этого она выглядела... довольно симпатично.

Мне стало плохо вдвойне: из-за красно-белой полосатой юбки к школьной блузе (я выглядела, как болванки, которые расставляют на дорогах во время ремонта дороги) и из-за того, что *Вздутые-губки* не терял времени и тут же стал жаловаться на меня.

— ... не знает, где право, где лево... образец неуклюжести... плохо соображает... напрасная попытка... глупая девчонка... нельзя из утенка сделать лебедя... она не сумеет быть незаметной во время суаре... сами посмотрите на нее!

Мистер Джордж и Гидеон повернулись ко мне, и я густо покраснела. И одновременно во мне закипала ярость. Это было уже слишком! Я резко отстегнула юбку вместе с проволочным каркасом, который мне надел *Вздутые-губки*, и зло сказала:

— Не знаю, зачем я в 18-м веке должна говорить о политике. Я и сегодня этого не делаю — я в ней ничего не понимаю. Ну и что? Если кто-то меня спросит о маркизе-как-то-там, я просто скажу, что меня политика ни капельки не интересует. А если кто-то обязательно захочет станцевать со мной менуэт — что на мой взгляд исключено, потому что я никого в 18-м веке не знаю — я отвечу, спасибо, очень приятно, но я растянула связки на ноге. Я даже сумею это сказать, не показывая зубов!

— Ну, теперь вы видите, что я имею в виду? — спросил *Вздутые-губки* и снова заломил руки. — Ни намек на желание что-то сделать, зато ужасающее невежество и полное отсутствие талантов во всех областях. К тому же она вдруг начинает хохотать, как пятилетний ребенок, услышав

имя лорда Сэндвича.

О да, лорд Сэндвич. Невозможно поверить, что его действительно так звали. Бедный парень.

— Она наверняка... — начал мистер Джордж, но *Вздутые-губки* перебил его.

— В отличие от Шарлотты, у этой девчонки вообще нет... *espièglerie!* [14]

Ах, что бы это ни было! Если это было у Шарлотты, я этого не хотела иметь.

Шарлотта выключила музыку и села за рояль, улыбаясь заговорщицки Гидеону. Он ей тоже улыбался.

А на меня лишь коротко посмотрел, причем таки-и-и-им взглядом. Не в положительном смысле. Наверное, ему было неловко находиться в одном помещении с такой неудачницей, тем более, что он явно осознавал, как шикарно сам выглядит, в потрепанных джинсах и облегающей черной футболке. По необъяснимой причине я разозлилась еще больше. Ещё чуть-чуть и я заскрипела бы зубами.

Мистер Джордж переводил тревожный взгляд с меня на *Вздутые-губки* и обратно и сказал, озабоченно наморщив лоб:

— У вас обязательно получится, Джордано. У вас есть Шарлотта, которая прекрасно во всем разбирается. Да и впереди у нас есть еще пару дней.

— Даже если бы пару недель! Никакого времени не хватит, чтобы подготовить ее к большому балу, — сказала *Вздутые-губки*. — Суаре — еще может быть, в небольшом обществе и если сильно повезет, но бал, возможно даже с присутствием герцогской семьи — абсолютно исключено! Можно только предположить, что граф решил пошутить.

Взгляд мистера Джорджа посуровел.

— Совершенно определенно нет, — сказал он. — И совершенно определенно в вашу компетенцию не входит сомневаться в решениях графа. У Гвендолин всё получится, не правда ли, Гвендолин?

Я ничего не ответила. Моя самооценка сильно пострадала в последние два часа. Если бы речь шла о том, чтоб не бросаться в глаза, с этим бы я еще как-нибудь справилась. Я бы забилась в какой-нибудь угол и скромно бы обмахивалась веером. Или лучше не обмахивалась бы, а то черт его знает, что это могло бы означать. Просто стояла бы и улыбалась, не показывая зубов. Конечно, при этом мне никто не должен был бы мешать, или спрашивать о маркизе Стаффорд, или приглашать танцевать.

Шарлотта начала что-то тихонько наигрывать на рояле. Это была

нежная мелодия в музыкальном стиле, под который мы только что танцевали. Гидеон подошел и стал рядом, она подняла к нему лицо и сказала что-то, что я не услышала из-за громких вздохов *Вздутых-губок*.

— Мы попытались научить ее основным шагам менуэта принятым способом, но боюсь, нам придется применить другие методы!

Я не могла не восхищаться способностями Шарлотты, которая одновременно разговаривала, смотрела Гидеону в глаза, демонстрировала ямочки на щеках и при этом играла на рояле.

Вздутые-губки продолжал жаловаться.

— ... может помогут картинки или меловые знаки на полу, нам для этого следует...

— Завтра вы сможете продолжить занятия, — перебил его мистер Джордж. — А сейчас Гвендолин нужно элапсировать. Идем, Гвендолин?

Я облегченно кивнула и схватила сумку и пальто. Наконец-то избавление! Злость тут же сменилась ожиданием. Если все пойдет хорошо, я сегодня буду элапсировать *после* встречи с дедушкой и найду в тайнике ключ и пароль.

— Давай я понесу. — Мистер Джордж забрал у меня сумку и ободряюще улыбнулся. — Всего четыре часа, и ты сможешь пойти домой. Ты сегодня выглядишь менее уставшей, чем вчера. Давай выберем какой-нибудь симпатичный, спокойный год — может, 1953? Гидеон говорит, что в Алнуне — помещении, где хранится хронограф, в это время очень уютно. Там даже есть диван.

— 1953 — прекрасный выбор, — сказала я и постаралась не выдать восторг. Через пять лет после последней встречи с Лукасом! Можно было предположить, что за это время он кое-что сумел узнать.

— Ах да, Шарлотта! Миссис Дженкинс вызвала машину для тебя, на сегодня ты можешь быть свободна.

Шарлотта прекратила играть.

— Хорошо, мистер Джордж, — сказала она вежливо, потом склонила голову к плечу и улыбнулась Гидеону: — Ты на сегодня тоже свободен?

Что? Она что, собирается спросить, не хочет ли он пойти с ней в кино? Я задержала дыхание.

Но Гидеон помотал головой.

— Нет. Я буду сопровождать Гвендолин.

И Шарлотта, и я были озадачены в одинаковой степени.

— Нет, не будешь, — сказал мистер Джордж. — Ты уже выполнил свою норму на сегодня.

— И ты выглядишь очень устало, — сказала Шарлотта. — Что вовсе

неудивительно. Ты бы лучше поспал.

На этот раз, в виде исключения, я была с ней согласна. Если Гидеон будет меня сопровождать, я не смогу ни взять ключ из тайника, ни встретиться с дедушкой.

— Без меня Гвендолин проведет в подвале четыре часа без всякой пользы, — сказал Гидеон. — А если я пойду с ней, мы бы могли что-то выучить за это время. — С едва заметной улыбкой он добавил: — Например, как отличить право от лево. Менуэт наверняка можно освоить.

Что?! Какой ужас — только не урок танцев опять!

— Напрасные старания, — сказал *Вздутые-губки*.

— Мне нужно делать домашние задания, — сказала я подчеркнуто недружелюбно. — Завтра я должна сдать сочинение по Шекспиру.

— Я смогу тебе в этом помочь, — сказал Гидеон, глядя на меня.

Я не смогла расшифровать его взгляд, для того, кто его не знал, он мог считаться невинным, но я-то была в курсе дела.

Шарлотта хоть и продолжала улыбаться, но ямочки на щеках исчезли.

Мистер Джордж пожал плечами:

— Я не возражаю. Гвендолин будет не одна и не станет бояться.

— Вообще-то я люблю быть одна, — сказала я, потеряв уже надежду. — Особенно, если я целый день провела в обществе, как сегодня.

В обществе идиотов.

— Да? — насмешливо спросила Шарлотта. — Но ты же никогда не бываешь по-настоящему одна, вокруг тебя постоянно крутятся твои невидимые друзья, не так ли?

— Вот именно, — буркнула я. — Гидеон, ты будешь только мешать.

Иди лучше в кино с Шарлоттой. Или создайте Книжный клуб — мне всё равно.

Думала я. Но имела ли я это в виду? С одной стороны, я сгорала от нетерпения поговорить с дедушкой и спросить, что он узнал о зеленом всаднике. С другой стороны, во мне поднимались смутные воспоминания об Оооо! и Мммм! и Ещё! из вчерашнего дня.

Черт! Я должна взять себя в руки и срочно вспомнить обо всем отвратительном, что я нашла в Гидеоне.

Но он не дал мне времени. Он уже открыл дверь, пропуская меня и мистера Джорджа:

— Идем, Гвендолин! Вперед, в 1953 год!

Я была практически уверена, что Шарлотта прожгла бы мне взглядом дыры в спине, если бы она это умела.

По дороге вниз, в алхимическую лабораторию, мистер Джордж завязал

мне глаза — извинившись при этом — и взял со вздохом меня под руку. Гидеону пришлось нести мою сумку.

— Я знаю, как непросто с мистером Джордано, — сказал мистер Джордж, когда винтовая лестница осталась позади. — Но, может, ты тем не менее постарайся найти с ним общий язык?

Я громко фыркнула.

— Он мог бы тоже постараться найти со мной общий язык. Мастер рэйки, творческий дизайнер ювелирных изделий, модельер... что он делает среди Хранителей? Я думала, что Хранителями бывают только первоклассные ученые и политики.

— Мистер Джордано действительно выглядит необычно в кругу Хранителей, — признался мистер Джордж. — Но у него блестящая голова. Наряду с экзотичными... э-э-э... профессиями, которые, между прочим, сделали его миллионером, он — признанный историк и...

— ... и в тот момент, когда он пять лет назад, пользуясь неизвестными источниками, опубликовал статью о лондонской тайной организации, связанной с масонами и легендарным графом Сен-Жерменом, Хранители решили, что должны познакомиться с ним поближе, — сказал Гидеон, идя впереди. Его голос отражался от каменных стен.

Мистер Джордж прокашлялся.

— Э-э-э... и это тоже. Осторожно, ступенька!

— Понимаю, — ответила я. — Получается, что Джордано приняли в круг Хранителей, чтобы он не разболтал о них. А что это за неизвестные источники?

— Каждый член организации дает ей что-то, что делает ее сильнее, — сказал мистер Джордж, игнорируя мой вопрос. — А способности мистера Джордано очень разнообразны.

— Несомненно, — сказала я. — Кто еще из мужчин в состоянии самостоятельно приклеить стразики себе на ногти?

Я услышала, как мистер Джордж закашлялся, как будто он чем-то подавился. Какое-то время мы молча шли рядом.

Шагов Гидеона не было слышно, я предположила, что он пошел вперед (из-за повязки на глазах я двигалась в темпе улитки). Наконец я собралась с духом и спросила:

— А что именно я должна делать во время суаре и бала, мистер Джордж?

— О, никто тебе до сих пор не рассказал? Гидеон был вчера вечером — или, скорее, это была уже ночь — у графа, чтобы рассказать о последних... э-э-э... событиях, приключившихся с вами. Он вернулся назад

с письмом, в котором граф выразил недвусмысленное желание, чтобы ты и Гидеон сопровождали его на суаре у леди Бромптон, а также через несколько дней — на балу. Кроме того, на повестке дня еще один визит в Темпл во второй половине дня. Целью всего этого является дать графу возможность познакомиться с тобой поближе.

Я вспомнила о своей первой встрече с графом и содрогнулась.

— Я понимаю, что он хочет лучше меня узнать. Но почему он хочет, чтобы я находилась среди чужих людей? Это что — какая-то проба?

— Это лишний раз доказывает, как бессмысленно, держать тебя в неведении. Честно говоря, я очень обрадовался этому письму. Оно демонстрирует, что граф доверяет тебе намного больше, чем кое-кто из Хранителей, которые считают тебя статисткой в этой игре.

— И предательницей, — добавила я, думая о докторе Уайте.

— Или предательницей, — поправил меня мистер Джордж, не задумываясь. — Мнения разделились. Ну, мы уже пришли, девочка моя. Ты можешь снять повязку.

Гидеон уже ждал нас. Я последний раз попыталась избавиться от него, заявив, что мне нужно выучить наизусть сонет Шекспира, что я могла делать только вслух, но он только пожал плечами и сказал, что у него с собой айпод и он меня не услышит.

Мистер Джордж достал хронограф из сейфа и строго сказал, чтобы мы ничего не оставили в прошлом.

— Ни кусочка бумаги, слышишь, Гвендолин? Всё, что у тебя есть в сумке, ты заберешь обратно. И саму сумку, конечно, тоже. Понятно?

Я кивнула, забрала сумку у Гидеона и прижала к себе. Потом протянула палец мистеру Джорджу. В этот раз мизинец — указательный уже слишком сильно пострадал от иголок.

— А если кто-то зайдет в подвал, когда мы там будем?

— Этого не случится, — успокоил меня Гидеон. — Там как раз будет глубокая ночь.

— И что? Кто-нибудь может устроить инспиративную встречу в подвале.

— Конспиративную, — сказал Гидеон. — Ну и что?

— Как это «ну и что»?

— Не беспокойся, — сказал мистер Джордж и просунул мой палец сквозь открытый клапан во внутренности хронографа.

Я закусила губу, почувствовав в животе уже знакомое ощущение «на американских горках» и укол иглы. Комната погрузилась в рубиновый свет, и я оказалась в полной темноте.

— Алло? — спросила я тихо, но никто не ответил.

Через секунду рядом со мной оказался Гидеон и сразу же включил фонарик.

— Видишь, и вовсе тут не уютно, — сказал он, идя к двери и щелкая выключателем.

На потолке все еще висела голая лампочка, зато остальная часть комнаты с момента моего последнего визита явно изменилась к лучшему. Я сразу посмотрела на стену, где Лукас собирался сделать тайник. Там все еще стояли стулья, но намного аккуратнее, чем в прошлый раз. Мусора не было, по сравнению с прошлым разом подвал выглядел убраным и, в первую очередь, более пустым. Кроме стульев возле стены, тут стояли только стол и диван с потертой замшевой обивкой зеленого цвета.

— Да, действительно, намного уютнее, чем в прошлый раз. Я все время боялась, что из угла выскочит крыса и укусит меня.

Гидеон нажал на ручку двери и потряс ее. Очевидно, заперто.

— Один раз дверь была открыта, — сказал он с ухмылкой. — Получился очень приятный вечер. Отсюда идет тайный ход к Дворцу правосудия. Он идет еще дальше — глубоко в катакомбы с мощами... А неподалеку отсюда — в 1953 году — расположен винный погреб.

— Если бы у нас был ключ. — Я снова скосила глаза к стене. Где-то там за одним кирпичом лежал ключ. Я вздохнула. Чертовски жаль, что сейчас он мне ни к чему. И все-таки было приятно знать что-то, о чем Гидеон — на этот раз — не имел понятия. — Ты пил вино?

— Что ты имеешь в виду? — Гидеон взял один из стульев и поставил возле стола. — Прошу, для тебя. Удачи при выполнении домашних заданий.

— Спасибо. — Я уселась, достала все необходимое из сумки и сделала вид, что полностью погружена в книгу.

Гидеон растянулся на диване, достал из кармана айпод и засунул в уши наушники. Через две минуты я рискнула посмотреть в его сторону и увидела, что он закрыл глаза. Он что, заснул? Вообще-то неудивительно, если вспомнить, что эту ночь он провел путешествуя.

На какое-то время я погрузилась в созерцание ровного длинного носа, бледной кожи, мягких губ и густых изогнутых ресниц. В таком расслабленном состоянии он выглядел намного младше, и внезапно я сумела хорошо представить себе, каким он был в детстве. В любом случае — очень хорошеньким. Его грудь ровно вздымалась, и я коротко подумала, что могла бы рискнуть — нет, это было слишком рискованно. Нельзя вообще смотреть в сторону стены, если я хочу сохранить тайну между мной и Лукасом.

Поскольку мне больше нечего было делать, а наблюдать за спящим Гидеоном четыре часа было глупо (хотя в этом было что-то заманчивое), я занялась домашним заданием; сначала полезными ископаемыми Кавказа, потом неправильными французскими глаголами. В сочинении о творчестве и жизни Шекспира не хватало только заключения, и я смело закончила его предложением «Последние пять лет своей жизни Шекспир провел в Стратфорде-на-Эйвоне, где и умер в 1616 году». Всё, готово. Мне осталось только выучить наизусть сонет. Так как они все были одинаковой длины, я взяла один наугад.

— Mine eye and heart are at a mortal war,
How to divide the conquest of thy sight — [\[15\]](#)

бормотала я.

— Ты меня имеешь в виду? — спросил Гидеон, поднялся и вынул наушники из ушей.

К сожалению, я не смогла не покраснеть.

— Это Шекспир, — сказала я.

Гидеон улыбнулся:

— Mine eye my heart thy picture's sight would bar,
My heart mine eye the freedom of that right. — [\[16\]](#)

или как-то так...

— Не «как-то так», а точно так, — сказала я и захлопнула книгу.

— Но ты еще не выучила его, — сказал Гидеон.

— Я все равно забуду до завтра. Лучше всего будет, если я выучу его завтра утром перед школой, тогда у меня будет хороший шанс не забыть его до урока английского языка у мистера Уитмена.

— Тем лучше! Тогда мы можем поупражняться в менуэте. — Гидеон встал на ноги. — Места тут достаточно.

— О нет! Пожалуйста, не надо!

Но Гидеон уже поклонился мне.

— Могу я просить вас о танце, мисс Шеферд?

— Нет ничего, что бы я охотнее сделала, мой господин, — уверила я его и обмахнулась томиком Шекспира, как веером. — Но к моему величайшему сожалению, у меня растянуты связки на ноге. Спросите у

моей кухни. Вон она, в зеленом платье. — Я показала на диван. — Она с удовольствием вам продемонстрирует, как замечательно она танцует.

— Но я хочу танцевать с вами — как танцует ваша кухня я давным-давно знаю.

— Я имею в виду кухню Софá, а не кухню Шарлотту, — сказала я. — Я заверяю вас... э-э-э... с Софá вы получите больше удовольствия, чем с Шарлоттой. Возможно, Софá не такая элегантная, зато она мягче, в ней больше шарма и у нее намного лучше характер.

Гидеон рассмеялся.

— Как я уже сказал, меня интересует только вы. Прошу вас, окажите мне честь.

— Но такой джентльмен, как вы, должен учитывать мою больную ногу!

— Сожалею, нет. — Гидеон вынул из кармана айпод. — Немного терпения, оркестр сейчас начнет.

Он воткнул мне в уши наушники и потянул, чтобы поставить на ноги.

— О, отлично, *Linkin Park*, — сказала я, в то время как мой пульс подскочил до небес от близости Гидеона.

— Что? Пардон. Одну минутку. — Его пальцы скользили по дисплею. — Вот. Моцарт. Это больше подходит. — Он протянул мне айпод. — Положи его в карман, у тебя должны быть свободные руки.

— Но ты же не слышишь музыки, — сказала я, в то время как скрипки пели в моих ушах.

— Я достаточно слышу, не надо кричать. Окей, представим, что мы танцуем вариант для восьми танцоров. Слева от меня стоит господин, справа — двое, все в одном ряду. С твоей стороны то же самое, но стоят дамы. Реверанс, прошу!

Я присела и нерешительно вложила ладонь в его руку.

— Я тут же перестану, если ты назовешь меня *глупой девчонкой*!

— Никогда в жизни, — сказал Гидеон и повел меня прямо, мимо дивана. — В танце самое главное — изысканное общение. Могу я поинтересоваться, на чем зиждется ваша нелюбовь к танцам? Большинство молодых дам любят танцевать.

— Тссс, мне нужно концентрироваться. — До сих пор все шло хорошо. Я сама удивилась. *Tour de main* получался как по маслу: налево поворот, направо поворот. — Мы могли бы повторить еще раз?

— Подбородок вверх. Да, правильно. И смотри на меня. Ты не должна отводить от меня взгляд, неважно, насколько хорош мой сосед.

Я ухмыльнулась. Что это было? Напрашивание на комплимент? Ну

нет, такое удовольствие я ему не доставлю. Хотя, нужно признаться, Гидеон отлично танцевал. С ним было всё иначе, чем с *Вздутыми-губками* — всё получалось само собой. Постепенно мне даже стал нравиться менуэт.

Гидеон заметил.

— Подумать только, у тебя получается. Правая рука, правое плечо, левая рука, левое плечо — очень хорошо!

Он был прав. У меня получалось! Вообще-то танцевать менуэт оказалось совсем просто. Торжествуяще я сделала круг с одним из невидимых партнеров и снова вложила пальцы в ладонь Гидеона.

— Ха! А говорили, что у меня грация, как у ветряной мельницы! — сказала я.

— Абсолютно наглое сравнение, — подтвердил Гидеон. — Ты перетанцуешь любую ветряную мельницу!

Я хихикнула. А потом вздрогнула:

— Опс! А сейчас опять *Linkin Park*.

— Неважно.

Пока у меня в ушах грохотали *21 guns*, Гидеон невозмутимо прошел со мной последнюю фигуру и в конце поклонился. Я почти жалела, что танец кончился.

Я присела в глубоком реверансе и вынула наушники из ушей.

— Держи. Очень мило было с твоей стороны научить меня танцевать.

— Чисто из корыстных побуждений, — сказал Гидеон. — В конце концов, позор упал бы на мою голову, ты уже забыла?

— Нет.

Мое хорошее настроение тут же исчезло. Я отвела взгляд и снова уперлась им в стену, не успев себя остановить.

— Эй, это еще не всё! — сказал Гидеон. — Довольно неплохо, но не превосходно. А что это ты смотришь так мрачно?

— Как ты думаешь, почему граф Сен-Жермен хочет, чтобы я обязательно появилась на суаре и на балу? Он бы мог увидеть меня здесь, в Темпле, где не было бы риска, что я перед всеми опозорюсь. Никто не станет удивляться и не разглядит во мне потомка.

Гидеон молча смотрел на меня какое-то время, прежде чем ответить.

— Граф не любит рассказывать о своих задумках, но за каждой его идеей стоит гениальный план. У него есть конкретные подозрения насчет тех мужчин, что напали на нас в Гайд-Парке, и я думаю, что он хочет выманить главаря, представив нас обществу.

— О, — произнесла я. — Ты имеешь в виду, что снова мужчины со шпагами нас...

— До тех пор, пока мы будем на виду, нет, — ответил Гидеон. Он уселся на спинку дивана и скрестил на груди руки. — И все-таки я считаю это мероприятие опасным. Особенно для тебя.

Я оперлась на стол.

— Разве ты не подозревал Люси и Пола из-за событий в Гайд-Парке?

— Да и нет, — ответил Гидеон. — Такой господин, как граф Сен-Жермен, заработал немало врагов за всю жизнь. В хрониках есть несколько отчетов о покушениях на него. Я предполагаю, что Люси и Пол объединились с одним или несколькими врагами, чтобы достичь собственных целей.

— Граф тоже так думает?

Гидеон пожал плечами.

— Я надеюсь.

Я немного подумала.

— Я не возражаю, если ты снова нарушишь правила и возьмешь с собой Джеймс-Бонд-пистолет, — выпалила я. — Против него эти типы со шпагами ничего не смогут. Кстати, откуда он у тебя? Я бы тоже чувствовала себя лучше, если бы у меня был пистолет.

— Оружие, которым ты не умеешь пользоваться, скорее всего будет обращено против тебя же, — сказал Гидеон.

Я подумала о японском ножике для овощей. Неприятно было представлять, что его могут применить против меня.

— А Шарлотта хорошо фехтует? Она умеет обращаться с пистолетом?

Снова пожатие плеч.

— Она занимается фехтованием с двенадцати лет, конечно, она хорошо фехтует.

Конечно. Шарлотта всё умеет делать хорошо. Кроме как быть приятной в общении.

— Она бы понравилась графу, — сказала я. — Я, по всей видимости, не в его вкусе.

Гидеон засмеялся.

— Пока ты еще можешь изменить его впечатление. Он хочет поближе с тобой познакомиться не в последнюю очередь для того, чтобы проверить, может, предсказания все-таки были правы насчет тебя.

— Насчет магии Ворона? — Как всегда, когда речь заходила на эту тему, мне стало не по себе. — А предсказание не говорит, что под этим подразумевается?

Гидеон поколебался, но потом тихо сказал:

Рассечется безмолвие взмахом таинственных крыл,
ворон слышит, как песня умерших поется,
но окрепнет могущество всё еще дремлющих сил,
и рубиновой магией старое время взорвется.
Древнею тайной веков осенён,
Венчает он круг и начало времен. ^[17]

- он откашлялся. — У тебя мурашки на коже.
- Звучит очень жутко. Особенно про песню умерших. — Я потеряла глаза. — А дальше есть?
- Нет. Это практически всё. Ты должна признать, что это не слишком подходит к тебе. Или нет?
- Да, я думала, что он прав.
- А о тебе есть что-то в предсказании?
- Конечно, — ответил Гидеон. — Обо всех путешественниках во времени. Я — Лев с гривой из бриллиантов, при виде которого Солнце... — На какое-то мгновение мне показалось, что ему неловко, но он тут же, криво ухмыляясь, продолжил: — Бла-бла-бла. О, и твоя прапрапрабабушка, упрямая леди Тилни, она — Лиса; правда подходит? Нефритовая лиса, прячущаяся под липой.
- Можно вообще что-то понять из этого предсказания?
- Вполне, там полным-полно символов. Это вопрос интерпретации. — Он посмотрел на свои часы. — У нас есть еще немного времени. Я предлагаю продолжить занятия танцами.
- А на суаре тоже танцуют?
- Вообще-то нет, — сказал Гидеон. — Там, в основном, едят, пьют, сплетничают и... э-э-э... музицируют. Тебя наверняка тоже попросят что-нибудь сыграть или рассказать.
- Да уж, — сказала я. — Надо было мне учиться играть на фортепьяно, а не ходить с Лесли на курс хип-хопа. Но я хорошо пою. В прошлом году на вечеринке у Синтии никто не мог оспорить у меня первое место в караоке. Я пела собственную интерпретацию *Somewhere over the rainbow*. ^[18] И это при том, что я была в невыгодном костюме «автобусная остановка».
- Хммм, да. Если тебя кто-либо спросит, скажешь, что ты всегда теряешь голос, когда нужно петь перед людьми.
- Это я могу сказать? А насчет подвернутой ноги нет?
- Держи наушники. Всё то же самое еще раз.

Он поклонился мне.

— А что мне надо делать, если меня пригласит кто-то другой? — Я присела... э-э-э... сделала реверанс.

— Всё точно так же, — ответил Гидеон и взял мою руку. — Но в 18-м веке на этот счет было много формальностей. Девушку не приглашают к танцу, если не были ей официально представлены.

— Разве что она делает какие-то неприличные движения веером. — Постепенно менуэтные шаги получались очень естественно. — Каждый раз, когда я буквально на сантиметр наклоняла веер, у Джордано был нервный припадок, а Шарлотта мотала головой как фигурка, которую ставят сзади в машинах.

— Она хочет только помочь тебе, — сказал Гидеон.

— Ну да. А Земля — плоская, — фыркнула я, хотя совершенно точно этого нельзя делать в менуэте.

— Можно подумать, что вы друг друга не сильно любите.

Мы сделали поворот — каждый со своим невидимым партнером.

О? Можно подумать?

— Мне кажется, что кроме тети Гленды, леди Аристы и наших учителей нет никого, кому бы Шарлотта нравилась.

— Я так не думаю, — сказал Гидеон.

— О, конечно, я забыла Джордано и тебя. Опс, сейчас я закатила глаза, что наверняка запрещено в 18-м веке.

— Может такое быть, что ты немного ревнуешь к Шарлотте?

Я засмеялась.

— Поверь мне, если бы ты ее знал так же хорошо, как я, ты бы никогда не задал такой глупый вопрос.

— Вообще-то я ее довольно хорошо знаю, — сказал Гидеон тихо и снова взял мою руку.

Да, но только с ее лучшей стороны, хотела ответить я, но тут до меня дошел смысл сказанного и я в тот же момент ужасно взревновала.

— Насколько хорошо вы знаете друг друга... в частности?

Я забрала руку у Гидеона и протянула ее невидимому партнеру.

— Ну, я бы сказал, настолько, насколько возможно знать человека, с которым проводишь много времени. — Он коварно улыбнулся. — И у нас не было другого времени для других... э-э-э... дружб.

— Понимаю. Нужно довольствоваться тем, что есть. — Я не могла терпеть больше ни секунды. — И? Как Шарлотта целуется?

Гидеон схватил меня за руку, которая болталась минимум на двадцать сантиметров выше нужного положения.

— Я признаю, что ваше общение во время танца стало намного лучше, но все-таки... О таких вещах настоящий джентльмен не распространяется.

— Да, эта отговорка подошла бы, если бы ты был джентльменом.

— Если когда-либо я дал вам повод считать мое поведение недостойным джентльмена, прошу...

— Ах, закрой рот! Что бы между тобой и Шарлоттой ни было — меня это не интересует. И это наглость с твоей стороны — одновременно получать удовольствие от тисканья со мной.

— Тисканья? Какое отвратительное слово. Я был бы вам очень признателен, если бы вы посвятили меня в причины своего недовольства и при этом не забывали о локтях. В этой фигуре их нужно держать внизу.

— Не смешно, — прошипела я. — Я бы не разрешила тебе себя поцеловать, если бы знала, что ты и Шарлотта...

Тут Моцарт снова кончился и загремел *Linkin Park*. Ну и хорошо, он больше подходил под мое настроение.

— Я и Шарлотта — что?

— Больше, чем друзья.

— Кто это сказал?

— Ты!

— Ничего подобного.

— Ага. То есть, вы еще никогда... ну скажем — не целовались?

Я забыла о приседании и лишь метала молнии из глаз.

— Этого я тоже не говорил. — Он поклонился и вытащил айпод из моего кармана. — То же самое еще раз. С руками надо что-то делать. А в остальном — замечательно.

— Зато твое общение не на высоте, — сказала я. — Есть что-то между тобой и Шарлоттой?

— А я думал, что тебя не интересует, что происходит между мной и Шарлоттой.

Я все еще метала молнии.

— Да, правильно.

— Ну и хорошо.

Гидеон протянул мне айпод. В наушниках слышалась *Hallelujah* в исполнении *Bon Jovi*.

— Ты ошибся, — сказала я.

— О нет, — ухмыльнулся Гидеон. — Я подумал, что тебе нужно что-нибудь другое, чтобы ты успокоилась.

— Ты... ты...

— Да?

— Тошнотворный тип!

Он подошел еще на шаг ближе, так что между нами остался приблизительно один сантиметр.

— Вот видишь — это и есть разница между тобой и Шарлоттой. Она бы никогда это не произнесла.

Внезапно мне стало трудно дышать.

— Может быть, потому что ты ей не давал повода?

— Нет, дело не в этом. Думаю, у нее манеры лучше.

— Ага, и нервы крепче, — сказала я. Почему-то я не могла оторвать взгляд от губ Гидеона. — На случай, если ты снова захочешь попробовать, когда мы будем сидеть в исповедальне или еще где-нибудь: второй раз я не позволю себя застать врасплох.

— Ты имеешь в виду, что не позволишь мне еще раз тебя поцеловать?

— Вот именно, — прошептала я, неспособная даже шевельнуться.

— Жаль, — сказал Гидеон, приблизив свои губы к моим так близко, что я почувствовала его дыхание.

Я понимала, что не веду себя так, чтобы можно было верить в то, что я так и думаю. Я и не думала так. Я вообще была молодец, что не бросилась Гидеону на шею. Но момент, когда можно было просто повернуться и отойти, давно прошел.

Очевидно, Гидеон тоже так решил. Его рука стала гладить мои волосы, и я наконец ощутила мягкое касание его губ.

There's a blaze of light in every word^[19] — пел в моих ушах *Bon Jovi*. Я всегда любила эту чертову песню, я могла ее слушать пятнадцать раз подряд, а теперь она навечно будет связана с воспоминаниями о Гидеоне.

Аллилуйя!

Глава шестая

На этот раз нам ничего не помешало — ни прыжок во времени, ни ехидные замечания демона-горгульи. Пока звучала *Hallelujah*, поцелуй был нежным и осторожным, но потом Гидеон зарылся обеими руками в мои волосы и крепко притянул меня к себе. Это был уже не нежный поцелуй, и я поразилась собственной реакции. Мое тело стало абсолютно легким и податливым, я обвила руками шею Гидеона. Понятия не имею, как нам это удалось, но в следующую минуту мы уже были на диване и там целовались и целовались... пока Гидеон резко не сел и не посмотрел на часы.

— Да, действительно очень жаль, что ты больше не разрешишь себя целовать, — сказал он, дыша несколько неровно. У него были огромные зрачки и порозовевшие щеки.

Я задумалась, как я сейчас выгляжу. Так как я временно превратилась в человеческий пудинг, самостоятельно я вряд ли сумею изменить свое полулежачее положение. С ужасом я поняла, что не имею ни малейшего понятия, сколько прошло времени с окончания *Hallelujah*. Десять минут? Полчаса? Всё было возможно.

Гидеон посмотрел на меня, и мне показалось, что в его взгляде было смущение и растерянность.

— Нам нужно сложить вещи, — сказал он наконец. — И срочно сделай что-то с волосами: они выглядят так, будто какой-то идиот обеими руками там рылся, а потом швырнул тебя на диван... Кто бы нас ни ждал, он сразу обо всем догадается... О, не смотри на меня так, пожалуйста!

— Как?

— Как будто ты не можешь двинуться с места.

— Но так оно и есть, — сказала я серьезно. — Я превратилась в пудинг. Ты превратил меня в пудинг.

Лицо Гидеона осветилось улыбкой, но он тут же вскочил и стал запихивать мои вещи в сумку.

— Вставай уже, маленький пудинг. У тебя есть щетка или расческа?

— Где-то там есть, — сказала я невыразительно.

Гидеон достал футляр от очков мамы Лесли.

— Здесь?

— Нет! — крикнула я и от ужаса перестала быть пудингом.

Я прыгнула на ноги, вырвала у Гидеона футляр с японским ножом для овощей и запихала его обратно в сумку. Если Гидеон и удивился, то не

показал этого. Он поставил стул на место к стене и снова посмотрел на часы, пока я доставала щетку для волос.

— Сколько еще у нас времени?

— Две минуты, — сказал Гидеон и поднял айпод с пола. Интересно, как он там оказался. Или когда.

Я лихорадочно приглаживала щеткой волосы. Гидеон смотрел на меня с серьезным выражением лица.

— Гвендолин?

— А?

Я опустила щетку и глянула в ответ так спокойно, как только могла. О господи! Он был прекрасен, и часть меня хотела снова стать пудингом.

— Ты?..

Я подождала.

— Что?

— Ах, ничего.

У меня в животе появилось знакомое ощущение.

— Мне кажется, начинается, — сказала я.

— Держи крепко сумку, ты ни в коем случае не должна ее отпускать. И подвинься чуть-чуть, иначе ты приземлишься прямо на столе.

Я сделала шаг, все исчезло у меня перед глазами. Через доли секунды я мягко приземлилась на ноги, прямо перед мистером Марли, который тут же вытаращил глаза. За плечом виднелась нахальная рожа Ксемериуса.

— Ну наконец-то! — сказал Ксемериус. — Я уже четверть часа слушаю, как рыжий разговаривает сам с собой.

— С вами все в порядке, мисс? — заикаясь, спросил мистер Марли и сделал шаг назад.

— Да, с ней все в порядке, — сказал Гидеон, приземлившийся позади меня, и окинул меня испытующим взглядом. Я улыбнулась в ответ, и он тут же отвел глаза.

Мистер Марли прокашлялся.

— Я должен сообщить, что вас ждут в Зале Дракона, сэр. Внутре... э-э-э... Номер Семь прибыл и желает побеседовать с вами. С вашего позволения, я провожу мисс к автомобилю.

— У мисс нет никакого автомобиля, — сказал Ксемериус. — У нее даже прав нет, дурачина!

— Не нужно, я возьму ее с собой. — Гидеон взял черную повязку.

— Правильно ли это?

— Правильно.

Гидеон завязал шарф у меня на затылке. При этом в узел попало

несколько волос, это было больно, но я не хотела жаловаться, так что просто закусила губу.

— Если ты не знаешь, где находится помещение с хронографом, ты не сможешь никому рассказать и никто не сумеет застать нас врасплох, когда мы — когда бы то ни было — окажемся в этом помещении.

— Но это же подвал в ведении Хранителей, и в любом времени на входах и выходах стоит стража, — сказала я.

— Во-первых, есть еще несколько ходов в подвалы, не обязательно через здания в Темпле, а во-вторых, нельзя исключить, что кто-то из Хранителей может иметь интерес к неожиданной встрече.

— *«Не доверяй никому. Даже своим собственным ощущениям»*, — пробормотала я. Вокруг сплошные подозрения.

— Именно. — Гидеон взял меня за талию и подтолкнул вперед.

Я слышала, как попрощался мистер Марли и позади нас захлопнулась дверь. Была куча тем, которые я хотела обсудить, я только не знала, с чего начать.

— Мое шестое чувство подсказывает, что вы снова целовались, — заметил Ксемериус. — Мое шестое чувство и моя проницательность.

— Глупости, — ответила я и услышала, как Ксемериус зашелся кудахтающим смехом.

— Поверь мне, я в этом мире с 11-го века и точно знаю, как выглядит девушка, вернувшаяся с сеновала.

— Сеновала! — возмущенно повторила я.

— Ты со мной разговариваешь? — спросил Гидеон.

— А с кем еще? — сказала я. — Который час, собственно? Кстати, о сене. У меня волчий аппетит.

— Почти полвосьмого.

Гидеон отпустил меня. Несколько раз пикнуло, и я врезалась плечом в стену.

— Эй!

Ксемериус снова закудахтал.

— Это настоящий кавалер!

— Извини. У этого чертова мобильника нет внизу приема. Тридцать четыре пропущенных звонка, супер! Это может быть только... о нет!.. моя мать! — Гидеон тяжело вздохнул. — Она оставила одиннадцать голосовых сообщений.

Я пробиралась ощупью вдоль стены.

— Илиними мне эту дурацкую повязку или веди меня дальше!

— Ладно-ладно.

Я снова почувствовала его руку.

— Ну не знаю, что можно подумать о мужчине, который завязывает глаза своей подружке, чтобы спокойно проверить свой мобильник, — сказал Ксемериус.

Я тоже этого не знала.

— Случилось что-то плохое?

Снова вздох.

— Я предполагаю, что да. Обычно мы не разговариваем так часто. Черт, приема так и нет.

— Осторожно, ступенька, — предупредил Ксемериус.

— Может, кто-то заболел, — сказала я. — Или ты забыл что-то важное. Моя мама оставила мне кучу сообщений, чтобы напомнить, что я забыла поздравить дядю Гарри с днем рождения. Ух!

Если бы Ксемериус меня не предупредил, я бы со всей силы налетела на перила животом. Гидеон ничего не заметил. Я наощупь, насколько это было возможно, поднималась по винтовой лестнице.

— Нет, такого быть не может. Я никогда не забываю дни рождения. — Он звучал измученно. — Это, наверное, что-то с Рафаэлем.

— С твоим младшим братом?

— Он постоянно делает что-то опасное. Водит машину без прав, прыгает с утесов, лезет на скалу без страховки. Неясно, кому он что-то хочет доказать. В прошлом году после полета на параглайдинге он три недели пролежал в больнице с черепно-мозговой травмой. Можно было надеяться, что он сделал выводы, но нет, на день рождения он попросил у месье скоростную лодку. А этот идиот выполняет любые его капризы. — Оказавшись наверху, Гидеон ускорил шаг, и я несколько раз споткнулась. — О, наконец! Сюда!

Похоже, он слушал на ходу автоответчик. Но я ничего не могла расслышать.

— Вот черт! — несколько раз тихонько чертыхнулся Гидеон. Он снова отпустил меня, и я осторожно продвигалась вперед.

— Если не хочешь наткнуться на стену, поверни здесь налево, — информировал меня Ксемериус. — О, он сообразил, что у тебя нет встроенного радара.

— Окей, — пробормотал Гидеон. Его руки коротко коснулись моего лица, потом затылка. — Прости пожалуйста, Гвендолин. — В его голосе слышалась тревога, но я не думала, что он тревожится обо мне. — Ты найдешь сама дорогу назад?

Он развязал шарф, и я несколько раз моргнула. Мы стояли перед

ателье мадам Россини.

Гидеон легко погладил меня по щеке и криво улыбнулся.

— Ты же знаешь дорогу, правда? Машина уже ждет тебя. Увидимся завтра.

И прежде чем я успела ответить, он уже отвернулся.

— И вот его нет, — сказал Ксемериус. — Не очень-то вежливо.

— Что случилось? — крикнула я вслед Гидеону.

— Мой брат сбежал из дома, — ответил он, не оборачиваясь и не замедляя ход. — Угадай с трех раз, куда он отправился.

Но тут он исчез за поворотом, так что я даже один раз не могла угадать.

— Ну допустим, на Фиджи, — буркнула я.

— Мне кажется, ты напрасно ходила с ним на сеновал, — сказал Ксемериус. — Теперь он думает, что тебя легко заполучить, и больше не будет стараться.

— Ах, закрой рот, Ксемериус. Разговоры о сеновале нервируют меня. Мы всего лишь немного поцеловались.

— Это еще не причина превращаться в помидор, душечка!

Я схватила за горящие щеки и разозлилась по-настоящему.

— Пошли! Я хочу есть. Сегодня есть хотя бы шанс, что мне достанется ужин. И, может, по дороге нам удастся украдкой глянуть на этих таинственных членов Внутреннего круга.

— Только не это! Я подслушивал их разговоры всю вторую половину дня! — сказал Ксемериус.

— О, здорово! Рассказывай.

— Ску-ко-та! Я думал, они станут пить кровь из черепов или рисовать таинственные руны на плечах. Но не-е-е-ет! Они просто разговаривали — в костюмах и при галстуках!

— И о чем они говорили?

— Ну-ка, интересно, вспомню ли я? — Он откашлялся. — В основном, речь шла о том, можно ли нарушить Золотые правила, чтобы перехитрить Черный турмалин и Сапфир. Одни считали это супер-идеей, нееее, ни в коем случае, говорили другие; тогда первые опять говорили: неееет, иначе мы не сумеем спасти мир, вы — трусы; а тогда другие говорили: нееее, это неправильно и опасно для континуума и морали; а те тогда — пусть, наплевать, если мы сумеем спасти мир; потом елейными голосками все вместе несли чушь — мне кажется, в этом месте я заснул. Но в конце концов они договорились, что Бриллиант, к сожалению, склонен к самовольным поступкам, а Рубин, кажется, обычная простофиля и не

подходит для выполнения важных заданий — «Операция Опал» и «Операция Нефрит», потому что просто глупа для этого. Ты что-то понимаешь?

— Э-э-э...

— Конечно, я вступался за тебя, но они меня не слушали, — сказал Ксемериус. — Они говорили, что тебя нужно держать как можно дальше от любой информации. Что ты, получив недостаточное воспитание, будучи наивной и неосведомленной, уже сейчас — фактор риска, и что ты не умеешь хранить тайны. Во всяком случае, за твоей подружкой Лесли они собираются следить.

— Вот черт!

— Хорошая новость — это то, что виноватой они считают твою маму. Женщины всегда во всем виноваты — единогласно решили *господа-делающие-тайну-из-всего*. А потом они снова завелись о доказательствах, счетах за платья, письмах, здравом смысле, и после долгих разговоров пришли к выводу, что Пол и Люси прыгнули с хронографом в 1912 год, где они сейчас и живут. Хотя слово «сейчас» не очень подходит в этом случае. — Ксемериус почесал голову. — Неважно. Во всяком случае, оба прячутся там, в этом они уверены, и при следующей возможности наш необыкновенный герой должен их отыскать, взять у них кровь и заодно отобрать хронограф, а потом все началось сначала... бла-бла-бла... Золотые правила, пустые разговоры...

— Очень интересно, — сказала я.

— Ты думаешь? Если и интересно, то только потому, что я умею подать эту скуку так забавно.

Я открыла дверь в следующий коридор и хотела уже ответить Ксемериусу, как услышала голос:

— У тебя все тот же гонор, что и раньше!

Это была моя мама! Действительно, повернув за угол, я увидела ее. Она стояла перед Фальком де Вилльером, сжав кулаки.

— А ты все так же упряма и непримирима! — сказал Фальк. — То, что ты позволила себе — по какой бы ни было причине — в отношении конспирации рождения Гвендолин, значительно помешало Делу!

— Делу! Ваше Дело всегда было вам важнее живых людей, участвующих в нем, — вскрикнула мама.

Я тихонько прикрыла дверь и медленно пошла дальше.

Ксемериус передвигался на руках вдоль стены.

— Ба, она выглядит очень разозленной!

Так оно и было. Мамины глаза сверкали, щеки горели, а голос был

непривычно высоким.

— Мы договорились, что Гвендолин не будут ни во что вмешивать. Что она не будет подвергаться опасности! А сейчас вы собираетесь преподнести ее графу на подносе. Она же абсолютно... беспомощна!

— И в этом виновата только ты! — холодно ответил Фальк де Вилльер. Мама закусила губу.

— Ты несешь ответственность как Великий Магистр ложи!

— Если бы ты изначально выложила все карты на стол, Гвендолин не была бы сейчас такой неподготовленной. И чтоб ты знала: своей историей — черта с два ты хотела безоблачное детство для своей дочери! — ты можешь, возможно, мистера Джорджа обмануть, но не меня. Я все еще с большим интересом жду, что нам расскажет акушерка.

— Вы ее еще не нашли? — Мамин голос стал менее резким.

— Это вопрос нескольких дней, Грейс. У нас везде свои люди.

Только сейчас он заметил меня, и с его лица исчезли гнев и холодность.

— Почему ты одна, Гвендолин?

— Дорогая! — Мама кинулась ко мне и обняла. — Я подумала, что могу тебя забрать, чтобы ты попала домой не так поздно, как вчера.

— ... и воспользуюсь возможностью бросить мне обвинения в лицо, — добавил Фальк с тонкой ухмылкой. — Почему мистер Марли не сопровождает тебя, Гвендолин?

— Мне разрешили последний кусок пройти одной, — сказала я уклончиво. — Из-за чего вы ссорились?

— Твоя мама думает, что визиты в 18-й век слишком опасны, — сказал Фальк.

Ну, я лично не могла вменять ей это в вину. При этом она не знала и сотой доли всех опасностей. Никто ей не рассказал о мужчинах, напавших на нас в Гайд-парке. Я, во всяком случае, скорее откусила бы себе язык. О леди Тилни и пистолетах она тоже ничего не знала, и о том, каким жутким образом угрожал мне граф Сен-Жермен, я рассказал только Лесли. О, и дедушке, конечно!

Я испытующе посмотрела на Фалька.

— Веером помахать и станцевать менуэт я еще смогу, — сказала я легким тоном. — Это не очень рискованно, мам. Единственная опасность состоит в том, что я сломаю веер о голову Шарлотты...

— Ну вот, Грейс, ты сама слышишь, — сказал Фальк и подмигнул мне.

— Кого ты хочешь обмануть, Фальк? — Мама бросила на него последний мрачный взгляд, взяла меня за руку и потянула на выход. —

Идем. Все ждут нас на ужин.

— До завтра, Гвендолин, — крикнул нам вслед Фальк. — И... э-э-э... до когда-нибудь, Грейс.

— Пока, — пробормотала я.

Мама тоже произнесла себе под нос что-то неразборчивое.

— Если хочешь знать мое мнение, — *сеновал!* — сказал Ксемериус. — Меня этой перебранкой не обмануть! Я всегда узнаю *сеновальные* знакомства, когда их вижу.

Я вздохнула. Мама тоже вздохнула и на последних метрах перед выходом притянула меня еще ближе. Я сначала напряглась, но потом прислонила голову в ее плечу.

— Не надо ссориться с Фальком из-за меня. Мам, ты напрасно волнуешься.

— Тебе легко говорить... Это не очень приятное чувство — думать, что ты все сделала неправильно. Я же вижу, что ты злишься на меня. — Она снова вздохнула. — И имеешь на это право.

— Но я все равно тебя люблю, — сказала я.

Мама боролась со слезами.

— А я люблю тебя больше, чем ты в состоянии себе представить, — сказала она тихонько.

Мы добрались до переулка перед домом, и она оглянулась, как бы опасаясь, что нас кто-то может подкарауливать в темноте.

— Я бы отдала всё на свете, если бы мы смогли быть нормальной семьей с нормальной жизнью.

— Кто сегодня «нормальный»?

— Во всяком случае, не мы.

— Все зависит от взгляда на вещи. А как у тебя прошел день? — иронично поинтересовалась я.

— Ах, как обычно, — сказала мама со слабой улыбкой. — Сначала немного поссорилась с матерью, потом сильно поссорилась с сестрой, на работе чуть-чуть поссорилась с начальником и в конце дня поссорилась с... моим бывшим парнем, который случайно является Великим Магистром очень таинственной секретной тайной ложи.

— Ну, что я говорю! — почти ликовал Ксемериус. — Се-но-вал!!!

— Ну видишь, все нормально, мам.

Мама сумела улыбнуться.

— А как прошел твой день, дорогая?

— Тоже никаких особых событий. В школе стресс с Бельчонком, потом немного занятий по танцам и хорошим манерам в этой подозрительной

тайной организации, которая занимается путешествиями во времени, потом, до того как я придушила свою любимую кузину, короткий визит в 1953 год, чтобы сделать там спокойно домашние задания, чтобы завтра было меньше стресса с Бельчонком в школе.

— Звучит совсем не сложно.

Мамины каблуки цокали по брусчатке. Она снова оглянулась.

— Я не думаю, что нас кто-то преследует, — успокоила я ее. — У них и без нас много дел — в доме полным-полно ужасно секретных посетителей.

— Собирается Внутренний Круг — это не часто бывает. Последний раз они собирались, когда Люси и Пол украли хронограф. Члены Круга разбросаны по всему свету...

— Мам? Ты не думаешь, что настало время рассказать мне то, что ты знаешь? Кому лучше, если я вынуждена идти в темноте наощупь?

— В буквальном смысле слова, — сказал Ксемериус.

Мама остановилась.

— Ты переоцениваешь меня. То немного, что я знаю, ничем тебе не поможет. Скорее, еще больше тебя запутает. Или еще хуже: подвергнет тебя еще большей опасности.

Я помотала головой, не собираясь сдаваться так быстро.

— Кто или что такое *Зеленый всадник*? Почему Люси и Пол не хотят, чтобы Круг замкнулся? Или они хотят, но только чтобы при этом Тайной могли воспользоваться только они сами?

Мама потеряла виски.

— О зеленом всаднике я слышу в первый раз. А что касается Люси и Пола, я уверена, что их мотивы не были продиктованы эгоизмом. Ты познакомилась с графом Сен-Жерменом. У него есть возможность... — Она снова замолчала. — О, дорогая, ничего из того, что я могла бы тебе сказать, не помогло бы тебе. Поверь мне!

— Мама, пожалуйста! Хватает уже, что чужие люди ведут себя так таинственно и не доверяют мне, но ты же моя мама!

— Да, — сказала она, и слезы снова наполнили ее глаза. — Да, я твоя мама. — Однако было понятно, что этот аргумент не сработал. — Идем, такси ждет уже полчаса. Мне придется отдать ползарплаты за эту поездку.

Я со вздохом пошла за ней.

— Мы могли бы поехать на метро.

— Нет, тебе срочно нужно съесть что-нибудь горячее. Кроме того, твои брат и сестра очень скучают по тебе. Еще один ужин без тебя они не выдержат.

Как ни странно, вечер прошел мирно и уютно, так как моя бабушка ушла в оперу, взяв с собой тетю Гленду и Шарлотту.

— «Тоска», — довольно сказала бабушка Мэдди и потрясла кудряшками. — Надеюсь, они вернуться хоть немного просветленными. — Они хитро подмигнула мне. — Хорошо, что у Вайолет были еще билеты.

Я вопросительно посмотрела на остальных. Выяснилось, что подруга бабушки Мэдди (милая пожилая леди с изумительным именем миссис Вайолет Пэрпллам, ^[20] которая всегда вяжет для нас к Рождеству шарфы и носки) хотела пойти в оперу с сыном и будущей невесткой, но сейчас ситуация выглядела таким образом, что будущая невестка будет будущей невесткой другой леди.

Как всегда, когда леди Ариста и тетя Гленда отсутствовали, в доме установилось веселое и раскрепощенное настроение. Как в младших классах, когда учитель выходил из комнаты. Уже во время ужина я вскочила, чтобы продемонстрировать моей сестричке и братику, тете Мэдди, маме и мистеру Бернхарду, как *Вздутые-губки* и Шарлотта меня учили танцевать менуэт и пользоваться веером, а Ксемериус суфлировал, если я что-то забывала. Теперь, когда все было позади, мне самой ситуация виделась скорее в комическом, чем в трагическом свете, и веселье остальных мне было понятно. Спустя какое-то время все уже танцевали (кроме мистера Бернхарда, который тем не менее покачивал носками туфель в такт) по всему залу и разговаривали гнусавым голосом, как Джордано. При этом мы постоянно перекрикивались:

— Глупая девчонка! Смотри, как Шарлотта делает!

— Направо! Нет, право — это там, где большой палец слева!

И:

— Я вижу твои зубы! Это непатриотично!

Ник показал двадцать три способа, как можно обмахиваться салфеткой и, не произнося ни слова, сообщить кое-что своему соседу.

— Это значит: «Упс, у вас расстегнута ширинка, мой господин», а если веер немного опустить и при это смотреть вот так, означает: «Ах, я хочу замуж за вас». А если наоборот, то: «Ох, с сегодняшнего дня мы находимся в состоянии войны с Испанией»...

Я вынуждена была признать, что Ник обладал огромным актерским талантом.

Каролина, расшалившись, танцуя менуэт (скорее это был канкан), задирала ноги так высоко, что в конце концов одна из ее туфель оказалась в

миске с баварским кремом,^[21] который сегодня подали как десерт.

Это событие немного остановило наши шалости, пока мистер Бернхард не вынул туфлю из миски и не положил ее на тарелку Каролины, произнеся абсолютно серьезным тоном:

— Я рад, что сегодня после ужина осталось так много крема. Шарлотта и обе леди наверняка захотят перекусить, когда вернутся домой.

Моя двоюродная бабушка смотрела на него сияющими глазами.

— Вы всегда так заботливы, мой дорогой.

— Это моя обязанность — заботится о том, чтобы всем в этом доме было хорошо, — сказал мистер Бернхард. — Я обещал это вашему брату перед его смертью.

Я задумчиво смотрела на обоих.

— Я как раз хотела спросить вас, мистер Бернхард, не рассказывал ли вам дедушка что-нибудь о зеленом всаднике? Или тебе, тетя Мэдди?

Бабушка Мэдди покачала головой.

— Зеленый всадник? Что это значит?

— Не знаю, — ответила я. — Я только знаю, что мне нужно его найти.

— Если мне нужно что-то найти, я всегда иду в библиотеку вашего дедушки, — сказал мистер Бернхард и его карие совиные глаза блеснули за очками. — Я всегда там нахожу то, что мне нужно. Если вам нужна помощь, то я хорошо ориентируюсь в библиотеке, потому что это мне приходится стирать пыль с книг.

— Замечательная идея, мой дорогой, — сказала тетя Мэдди.

— Всегда к вашим услугам, мадам.

Мистер Бернхард подбросил в камин еще дров и пожелал нам спокойной ночи. Ксемериус отправился за ним.

— Я обязательно должен выяснить, снимает ли он очки, когда идет спать, — сказал он. — Я тебе расскажу, если он украдкой сбежит, чтобы сыграть на бас-гитаре в какой-нибудь «хэви-метал»-группе.

Вообще-то мои брат и сестра среди недели должны были вовремя идти спать, но сегодня мама сделала исключение. Наевшись и нахохотавшись вволю, мы устроились перед камином. Каролина забралась к маме на руки, Ник прислонился ко мне, а бабушка Мэдди уселась в кресло леди Аристы, сдунула светлую прядь со лба и с удовольствием наблюдала за нами.

— Тетя Мэдди, расскажи что-нибудь о прежних временах, — попросила Каролина. — Когда ты была маленькой девочкой и должна была ехать в гости к своей кошмарной кузине Хэйзел в деревню.

— Но вы уже так часто слышали эту историю, — сказала бабушка Мэдди и поставила обутые в розовые тапочки ноги на скамейку.

Но долго ее упрашивать не пришлось. Все ее истории о кошмарной кухне начинались одинаково: «Хэйзел была самой чванливой особой, которую только можно себе представить», а мы отвечали хором: «Точно, как Шарлотта!». Бабушка Мэдди покачала головой и сказала:

— Нет, Хэйзел была намного-намного хуже. Она поднимала кошек за хвост и крутила их над головой.

Пока я, опершись подбородком на голову Ника, слушала историю, во время которой тетя Мэдди, тогда десятилетняя девочка, мстила за всех замученных кошек Глосестершира и устроила так, что кухня Хэйзел приняла ванну в выгребной яме, мысли мои кружились вокруг Гидеона. Где он сейчас? Что он делает? Кто с ним? Думает ли он в этот момент обо мне — тоже с этим странным теплым ощущением в районе желудка? Наверное нет.

Я с трудом удержалась от глубокого вздоха, вспомнив наше прощание у ателье мадам Россини. Гидеон даже не посмотрел на меня, хотя еще пару минут назад мы целовались. Опять. А я только вчера вечером поклялась Лесли по телефону, что это никогда не повторится: «Пока мы не выясним однозначно, что между нами происходит!»

Кстати, Лесли только засмеялась в ответ.

— Ой, перестань! Кого ты хочешь обхитрить? Совершенно ясно, что между вами происходит: ты безумно влюблена в парня!

Но как я могла быть влюблена в парня, с которым я всего пару дней знакома? Парня, который большей частью невозможно себя ведет по отношению ко мне? Правда, в моменты, когда он этого не делает, он просто... он такой... такой невероятно...

— А вот и я! — каркнул Ксемериус и с шиком приземлился на стол возле подсвечника.

Каролина, сидящая на коленях у мамы, вздрогнула и уставилась в его направлении.

— Что, Каролина? — спросила я тихонько.

— Да нет, ничего, — сказала она. — Мне показалось, я увидела какую-то тень.

— Правда? — Я ошарашенно посмотрела на Ксемериуса.

Он только пожал плечами и ухмыльнулся.

— Скоро полнолуние. Чувствительные люди могут иногда нас видеть, но только уголком глаза. Когда они пытаются приглядеться, нас уже нет... — Он снова повис на люстре. — Старая леди с кудряшками видит и слышит тоже намного больше, чем вам рассказывает. Когда я для пробы положил ей на плечо лапу, она схватилась за это место... Но в твоей семье

меня это не удивляет.

Я с любовью посмотрела на Каролину. Такой чувствительный ребенок — не хотелось бы, чтобы она унаследовала от бабушки Мэдди дар видений.

— Сейчас будет мое любимое место, — сказала Каролина с горящими глазами, и тетя Мэдди с удовольствием рассказала, как садистка Хэйзел в нарядном воскресном платье стояла по шею в выгребной яме и громко орала: «Я тебе отомщу, Мэделин, я тебе отомщу!»

— И она отомстила, — сказала бабушка Мэдди. — И не один раз.

— Но эту историю мы послушаем не сегодня, — энергично вступила мама. — Детям пора в кровать. Завтра им в школу.

Мы все только вздохнули, причем тетя Мэдди громче всех.

В пятницу был блинный день, а значит, никто не пропускал обед в школьной столовой, потому что блины были там единственным съедобным блюдом. Я знала, что Лесли готова все отдать за блины, поэтому я не разрешила ей остаться со мной в классе, где я договорилась встретиться с Джеймсом.

— Иди поешь, — сказала я. — Я буду сердиться, если ты из-за меня откажешься от блинов.

— Но тогда некому будет стоять на стрёме. Кроме того, мне хочется подробнее узнать о тебе, Гидеоне и зеленом диване...

— Подробнее уже некуда, — сказала я.

— Ну тогда расскажи еще раз, это так романтично!

— Иди кушать блины!

— Сегодня ты обязательно должна взять номер его мобильного, — сказала Лесли. — Это же золотое правило: не целуй парня, чей номер мобильного ты не знаешь.

— Вкусные, румяные блинчики с яблоками... — сказала я.

— Но...

— Со мной остается Ксемериус. — Я показала на подоконник, где сидел Ксемериус и, скучая, жевал острый кончик хвоста.

Лесли сдалась.

— Ну хорошо. Но пусть он научит тебя сегодня чему-то нужному. Никому не нужно уметь размахивать указкой миссис Каунтер. А если тебя в таком виде кто-то увидит, то тут же отправит в психушку, подумай об этом.

— Иди уже, — сказала я и выпихнула ее за дверь в тот момент, когда в комнате появился Джеймс.

Джеймс был рад, что мы в этот раз были одни.

— Эта веснушчатая нервирует меня, постоянно вмешиваясь. Она

относится ко мне, как к пустому месту.

— Причина этому... а-а-а... забудь.

— Чем могу быть тебе сегодня полезным?

— Я подумала, что ты мог бы мне рассказать, как говорили «Привет» на суаре в восемнадцатом веке.

— *Привет?*

— Ну да. Привет. Алло. Добрый вечер. Ну ты знаешь — как приветствуют друг друга при встрече. И что при этом делают. Пожимают руку, целуют руку, кланяются, приседают, Светлость, Сиятельство, Высочество... всё так сложно и легко ошибиться.

Выражение лица Джеймса тут же стало высокомерным.

— Не ошибешься, если будешь делать, что я говорю. В первую очередь я тебе покажу, как дама приседает перед кавалером, одного с ней общественного положения.

— Супер, — сказал Ксемериус. — Интересно только, как Гвендолин должна узнать, какое общественное положение занимает этот кавалер?

Джеймс уставился на него.

— А это что такое? Кыш, кыш, кошка! Брысь отсюда!

Ксемериус фыркнул скептически.

— Как ты сказал?

— Ах, Джеймс, — сказала я. — Присмотрись. Это Ксемериус, мой друг... э-э-э... демон-горгулья. Ксемериус, это Джеймс, тоже мой друг.

Джеймс вытащил из рукава носовой платок, и я почувствовала запах ландышей.

— Что бы это ни было... оно должно уйти. Оно мне напоминает, что я нахожусь в ужасном бреду, лихорадочном бреду, в котором должен учить невоспитанную девочку хорошим манерам.

Я вздохнула.

— Джеймс, это не бред, когда ты наконец поймешь? Двести лет тому назад у тебя, наверное, и была лихорадка, но потом ты... в общем, ты и Ксемериус... вы оба...

— ...умерли, — сказал Ксемериус. — Если быть точным. — Он склонил голову к плечу. — Это же правда. Что ты ходишь вокруг да около?

Джеймс обмахнулся носовым платком.

— Ничего не хочу слышать. Кошки не умеют разговаривать.

— Я что, выгляжу, как кошка, глупый призрак? — разозлился Ксемериус.

— Очень похож, — сказал Джеймс, не глядя в его сторону. — Разве что уши... И рога... И крылья. И странный хвост. Ах, я ненавижу эти

бредовые фантазии!

Ксемериус встал, широко расставив лапы, перед Джеймсом, и яростно хлестал хвостом.

— Я — никакая не фантазия. Я — демон, — сказал он и от возбуждения изрыгнул приличный поток воды. — *Могущественный* демон. Призванный магами и строителями в одиннадцатом веке по вашему времени в виде каменной горгульи охранять башню в церкви, которой давно уже нет. Когда много столетий назад мое каменное тело было разрушено, вот что от меня осталось — с позволения сказать, тень моего старого «Я». Эта тень приговорена к скитаниям на Земле, пока не рассыпется в прах, что, предположительно, займет пару миллионов лет.

— Ля-ля-ля... я ничего не слышу, — сказал Джеймс.

— Ты жалок, — сказал Ксемериус. — В отличие от тебя у меня нет выбора: я проклят магами и приговорен к такому существованию. Ты же можешь в любой момент прекратить свое убогое существование как призрак и уйти туда, куда уходят люди, когда они умирают.

— Но я еще не умер, дурная кошка! — заорал Джеймс. — Я всего лишь болен и лежу в горячечном бреду в своей постели. И если мы тут же не сменим тему, я уйду!

— Ладно-ладно, — сказала я, вытирая лужу, сделанную Ксемериусом, губкой, предназначенной для стирания мела с доски. — Давайте продолжим. Приседание перед кавалером равного общественного положения...

Ксемериус покачал головой и улетел над нашими головами сквозь дверь:

— Я постою на стрёме. Будет неловко, если тебя кто-то застанет, когда ты приседаешь.

Перемены не хватило, чтобы выучить все приседания, которые мне хотел показать Джеймс, но в конце концов я научилась, как приседать в трех различных вариантах и как дать поцеловать себе руку. (Я очень радовалась, что сегодня об этом обычае забыли.) Когда в класс стали возвращаться мои одноклассники, Джеймс, поклонившись, распрощался, но я успела поблагодарить его шепотом.

— Ну? — спросила Лесли.

— Джеймс считает Ксемериуса странной кошкой из своего бреда, — проинформировала я ее. — Я могу только надеяться, что то, чему он меня научил, не искажено его бредовой фантазией. Если это так, то можно считать, что я уже знаю, что делать, когда меня представят герцогу Девонширскому.

— Отлично, — сказал Лесли. — И что ты сделаешь?

— Глубоко и надолго присяду, — сказала я. — Почти так же надолго, как перед королем, но дольше, чем перед маркизом или графом. По сути, это довольно просто. Во всех остальных случаях мило давать поцеловать руку и при этом улыбаться.

— Ты подумай — Джеймс оказался для чего-то полезным, никогда бы не поверила. — Лесли одобрительно оглядела комнату. — Ты всех покоришь в восемнадцатом веке.

— Надеюсь, — сказала я.

Остаток занятий не испортил мне настроения. Шарлотта и этот дурак *Вздутые-губки* изумятся, поняв, что я знаю разницу между Светлостью и Сиятельством, хотя они старались как можно сложнее объяснить, чтобы окончательно меня запутать.

— Кстати, у меня появилась теория о магии Ворона, — сказал Лесли после уроков, когда мы шли из класса к своим шкафчикам. — Она настолько проста, что никто не догадался. Давай завтра утром встретимся у вас дома, и я принесу всё, что собрала по этой теме. Если только моя мама не запланировала на завтра большую семейную уборку и не наготовила для каждого резиновые перчатки...

— Гвенни! — подбежавшая сзади Синтия Дейл хлопнула меня по спине. — Ты помнишь Регину Куртиз, которая до прошлого года училась с моей сестрой в одном классе? Она сейчас в больнице для страдающих анорексией.^[22] Ты тоже хочешь туда угодить?

— Нет, — сказала я озадаченно.

— Окей. Тогда ешь что-нибудь! *Немедленно!* — Синтия бросила мне карамельку. Я поймала и послушно развернула обертку. Но как только я собралась сунуть конфету в рот, Синтия меня остановила. — Стой! Ты правда собираешься ее съесть? Получается, ты не сидишь на диете?

— Нет, — снова сказал я.

— Значит, Шарлотта соврала. Она утверждала, что ты не приходишь обедать, потому что хочешь быть такой же тощей, как она. Давай сюда конфету... Ты вовсе не рискуешь стать анорексичкой. — Синтия сунула конфету себе в рот. — Держи, это приглашение на мой день рождения. Я устраиваю снова костюмированную вечеринку. В этот году под девизом «Зеленым зелено».^[23] Ты можешь привести своего парня.

— Э-э-э...

— Знаешь, я сказала Шарлотте то же самое. Мне все равно, кто из вас приведет этого типа. Самое главное, чтобы он пришел на мою вечеринку.

— Она бредит, — шепнула мне Лесли.

— Я все слышу, — заметила Синтия. — Ты тоже можешь привести Макса, Лесли.

— Син, мы расстались больше чем полгода тому назад.

— О, это плохо, — сказала Синтия. — В этот раз получается слишком мало парней. Или вы приведете с собой парочку, или я должна буду забрать приглашения у некоторых девочек. Например, у Айшани — она так или иначе вряд ли придет, потому что ее родители не разрешают ей быть на смешанных вечеринках... О, боже! Что *это там*? Ущипните меня!

«Это там» было высоким коротко стриженным блондином. Он стоял перед кабинетом директора вместе с мистером Уитменом. В его лице было что-то знакомое.

— Ай! — вскрикнула Синтия, когда Лесли ее таки ущипнула.

Мистер Уитмен и парень повернулись к нам. Когда по мне скользнул взгляд зеленых глаз в обрамлении густых ресниц, я сразу поняла, кто этот незнакомец. Господи! Сейчас Лесли должна была ущипнуть меня.

— О, очень хорошо, — сказал мистер Уитмен. — Рафаэль, это три девочки из твоего класса. Синтия Дейл, Лесли Хей и Гвендолин Шеферд. Поздоровайтесь с Рафаэлем Бертелином, девочки, он с понедельника будет учиться в вашем классе.

— Привет, — промямлили мы с Лесли, а Синтия сказала: — Что, правда?!

Рафаэль ухмыльнулся нам, стоя в непринужденной позе, засунув руки в карманы. Он действительно был очень похож на Гидеона, хотя и был немного младше. Его губы были полнее, а кожа была бронзового оттенка, как будто он только что вернулся после четырехнедельного отпуска на Карибах. Наверное, все счастливые люди в южной Франции выглядели так.

— Почему ты меняешь школу посреди учебного года? — спросила Лесли. — Ты что-то натворил?

Ухмылка Рафаэля стала шире.

— Зависит от того, что ты понимаешь под этим словом, — сказала он. — Вообще-то я здесь, потому что мне чертовски надоела школа. Но по каким-то причинам...

— Рафаэль переехал сюда из Франции, — перебил его мистер Уитмен. — Идем, Рафаэль, директор Гиллс ждет нас.

— До понедельника, — сказал Рафаэль, и мне показалось, что он обращался только к Лесли.

Синтия подождала, пока мистер Уитмен и Рафаэль скрылись в кабинете директора, протянула обе руки к потолку и закричала:

— Спасибо!!! Спасибо, дорогой боженька, что ты услышал мои молитвы.

Лесли пихнула меня локтем в бок.

— Ты выглядишь так, как будто тебе автобус переехал ногу.

— Подожди, пока я тебе расскажу, кто это был, — прошептала я. — Тогда ты будешь выглядеть точно так же.

~~~

Jede Zeit ist eine Sphinx, die sich in den Abgrund stürzt, sobald man ihr Rätsel gelöst hat.

Heinrich Heine [\[24\]](#)

Глава седьмая

Из-за встречи с братом Гидеона и последующего за ним лихорадочного разговора с Лесли (она десять раз спросила «Ты уверена?», а я десять раз сказала «Абсолютно уверена!», потом мы вместе сто раз сказали «С ума сойти!», «Невозможно поверить!» и «Ты видела, какие у него глаза?») до лимузина я добралась на пару минут позже Шарлотты. Мистера Марли снова послали забрать нас из школы, и сегодня он выглядел нервным как никогда. Ксемериус сидел на крыше, размахивая хвостом. Шарлотта уже сидела на заднем сиденье и раздраженно смотрела на меня.

— Какого черта ты копаешься? Нельзя заставлять Джордано ждать. Мне кажется, ты даже не осознаешь, какую честь он тебе оказывает, занимаясь с тобой.

Мистер Марли смущенно приветствовал меня, усадил в машину и закрыл дверцу.

— Что-то случилось? — У меня было нехорошее предчувствие, что я что-то пропустила. И выражение лица Шарлотты его усилило.

Когда лимузин тронулся, Ксемериус скользнул сквозь крышу в салон машины и плюхнулся на сиденье напротив меня. Мистер Марли сидел впереди рядом с шофером, как и в прошлый раз.

— Было бы замечательно, если бы ты сегодня была более усердной, — сказала Шарлотта. — Я себя чувствую неловко. В конце концов, ты же моя кузина.

Я громко расхохоталась.

— Шарлотта, прекрати! Со мной-то зачем лицемерить? Ты просто получаешь удовольствие, видя, как глупо я выгляжу.

— Это неправда! — Шарлотта покачала головой. — Это типично твоя манера — думать только о себе, в твоём детском эгоцентризме. Все хотят тебе помочь, чтобы ты... не все испортила своей неумелостью. Хотя... может, у тебя и не будет больше такой возможности. Я могу себе представить, что они все отменяют...

— Чего это?

Некоторое время Шарлотта молча смотрела на меня, а потом сказала почти не скрывая злорадства:

— Ты узнаешь об этом в подходящий момент. Если узнаешь...

— Что-то случилось? — спросила я, обращаясь не к Шарлотте, а к Ксемериусу. Я же не дура. — Мистер Марли рассказывал что-нибудь до

моего прихода?

— Только что-то малопонятное, — сказал Ксемериус, в то время как Шарлотта, сжав губы, смотрела в окно. — Похоже, сегодня утром что-то случилось во время прыжка... э-э-э... драгоценного камушка...

Он почесал хвостом бровь.

— Не заставляй тянуть из тебя клещами каждое слово!

Шарлотта, которая естественно думала, что я разговариваю с ней, сказала:

— Если бы не опоздала, ты бы тоже узнала.

— ...*Бриллианта*, — сказал Ксемериус. — Кто-то его... м-м-м... как бы это лучше сформулировать? Кто-то его шарахнул по балде.

Мой желудок болезненно стянуло.

— Что?!

— Только не нервничай, — сказал Ксемериус. — Он живой. Во всяком случае, я так понял из лопотанья рыжего. Ах ты господи! Ты стала бледная как стена. О-о, надеюсь, тебя не вырвет? Возьми себя в руки!

— Я не могу, — прошептала я. Мне казалось, я умираю.

— Что ты не можешь? — прошипела Шарлотта. — Первое, чему должен научиться носитель гена, это забыть о собственных потребностях и отдавать всего себя Делу. Ты же поступаешь точно наоборот.

Внутренним взором я видела лежащего на полу Гидеона, всего в крови. Мне стало тяжело дышать.

— Другие всё отдали бы, чтобы заниматься у Джордано. А ты делаешь вид, что тебя мучают.

— Да закрой уже рот, Шарлотта, — крикнула я.

Шарлотта снова отвернулась к окну. Меня била дрожь.

Ксемериус протянул лапу и, пытаясь успокоить, положил мне на колено.

— Я постараюсь что-нибудь узнать. Найду твоего любимчика и всё тебе расскажу, договорились? Только не реви! Иначе я начну волноваться и плевать водой на эти замечательные кожаные сиденья, а твоя кузина подумает, что ты напрудила в штаны.

Резким движением он рванул сквозь крышу машины и улетел. Прошло ужасных полтора часа, пока он снова появился.

Полтора часа, во время которых я себе представляла самое страшное и чувствовала себя скорее мертвой, чем живой. И от того, что мы уже были в Храме и неутомимый Мастер начал свой урок, мне легче не стало. Я была просто не в состоянии прислушиваться к лекции Джордано о колониальной политике или повторять танцевальные па за Шарлоттой. Что, если на

Гидеона снова напали мужчины со шпагами, и он в этот раз не сумел себя защитить? Если я не представляла его обливающимся кровью на земле, то видела в реанимации лежащим в кровати, подключенного к сотне шлангов, блее мела. Почему не было никого, у кого я могла бы спросить о нем?

Наконец, Ксемериус влетел сквозь стену в старую трапезную.

— Ну?! — спросила я, не обращая внимания на Джордано и Шарлотту. Они как раз пытались мне показать, как надо аплодировать на суаре в восемнадцатом веке. Естественно, совершенно не так, как я это делала.

— Это *ладушки-ладушки*, глупая девчонка, — сказал Джордано. — Так хлопают дети в песочнице, когда чему-то радуются... Куда ты опять смотришь? Нет, я *сойду с ума!*

— Всё в порядке, моя девочка с сеновала, — сказал Ксемериус и радостно ухмыльнулся. — Парня стукнули чем-то по голове и на пару часов вывели из строя, но его теперешний вид заставляет предположить, что у него череп твердый, как алмаз, он не получил даже сотрясения мозга. А рана на лбу делает его даже... э-э-э... о нет, не надо опять бледнеть! Я же сказал, всё в порядке!

Я набрала полные легкие воздуха. От облегчения у меня закружилась голова.

— Вот и хорошо, — сказал Ксемериус. — Нет причины гипервентилировать. Наш *люби-меня-парень* сохранил все свои красивенькие беленькие зубки. И он беспрестанно ругается, я думаю, это хороший знак.

Слава богу. Слава богу. Слава богу.

Зато вот-вот гипервентилировать собирался Джордано. Мне было все равно. Его визг больше меня не волновал. Даже наоборот, мне было смешно наблюдать, как его лицо между бородками меняло свой цвет от темно-розового до фиолетового.

Мистер Джордж успел как раз вовремя, чтобы помешать *Вздутым-губкам* вклеить мне пощечину.

— Сегодня было еще хуже, если такое вообще может быть. — Джордано буквально свалился на изящный стул и промокнул лоб носовым платком того же цвета, что и его лицо в данный момент. — Она пялилась перед собой стеклянным взглядом, если бы я не знал, то решил, что она приняла наркотики!

— Джордано, прошу вас... — сказал мистер Джордж. — У нас у всех сегодня не самый лучший день...

— Как... он себя чувствует? — спросила Шарлотта тихо, косясь на меня.

— Соответственно обстоятельствам, — ответил мистер Джордж серьезно.

И опять Шарлотта бросила на меня короткий испытующий взгляд. Я мрачно посмотрела в ответ. Неужели она испытывала удовлетворение оттого, что знала что-то, о чем думала, что меня это страшно интересует?

— Ой-ой-ой, можно подумать, — сказал Ксемериус. — Он прекрасно себя чувствует, верь мне, золотко! Он только что сожрал громадный шницель с жареной картошкой и салатом. Это называется в соответствии *соответственно обстоятельствам*?

Джордано злился, что его никто не слушает.

— Я только не хочу оказаться в конце концов виноватым, — взвизгнул он и отодвинул стульчик в сторону. — Я работал с неизвестными талантами и великими людьми, но еще никогда, ни разу не встречал подобное *этому*.

— Дорогой Джордано, вы знаете, как мы высоко вас ценим. Нет никого, кто больше бы подходил для задачи, подготовить Гвендолин к... — мистер Джордж умолк, потому что Джордано еще больше надул губы и закинул назад голову.

— Не говорите потом, что я вас не предупреждал, — выпалил он. — Это всё, что я требую.

— Договорились, — сказал мистер Джордж со вздохом. — Я... раз так... Я передам это дальше. Идем, Гвендолин.

Я уже отстегнула юбку и повесила ее аккуратно на стульчик возле рояля.

— До свидания, — попрощалась я с Джордано.

Он все еще был надут.

— Я боюсь, мне не удастся этого избежать.

По дороге в алхимическую лабораторию, которую я и с завязанными глазами уже знала, мистер Джордж рассказал мне о том, что случилось сегодня утром. Он был несколько удивлен, что мистер Марли меня не проинформировал о событиях, а я поленилась объяснять, почему так получилось.

Гидеона послали с небольшим заданием (что это было за задание, мистер Джордж не захотел рассказать) в прошлое (год мистер Джордж тоже не назвал), а два часа позже нашли его без сознания в коридоре недалеко от подвала, где хранится хронограф. На лбу у него была рваная рана, очевидно, от удара чем-то похожим на дубинку. Гидеон не мог ничего вспомнить, нападающий, похоже, притаился и ударил из-за угла.

— Но кто?..

— Мы не знаем. Тягостная ситуация, как раз в нынешнем положении. Мы его тщательно обследовали и не нашли следа от укола, что могло бы свидетельствовать о заборе крови...

— Но разве бы не хватило крови из раны на лбу? — спросила я, внутренне содрогаясь.

— Да, могло быть и так... — признал мистер Джордж. — Но если... кто-либо хотел быть полностью уверенным, кровь взяли бы иначе. М-да, есть бессчетное количество вариантов, объясняющих произошедшее. Никто не знал, что Гидеон этим вечером там появится, так что маловероятно, что поджидали именно его. Скорее всего, эта встреча была случайной. В... определенных годах здесь было не протолкнуться: диверсанты, контрабандисты, преступники, деклассированные элементы в самом широком смысле слова. Я лично считаю, что это было досадное совпадение. — Он откашлялся. — Как бы то ни было, с Гидеоном ничего плохого не случилось, во всяком случае, доктор Уайт не нашел никаких серьезных травм. А значит, вы можете, как и было запланировано, отправиться на суаре в полдень субботы. — Он рассмеялся. — Как звучит! Суаре в полдень субботы.

Ага, ха-ха-ха, очень смешно.

— А где сейчас Гидеон? — спросила я нетерпеливо. — В больнице?

— Нет. Он отдыхает... я надеюсь. В больнице ему сделали компьютерную томографию, и, поскольку, слава богу, она была без изменений, он тут же сам себя выписал. Вчера вечером совершенно неожиданно приехал его брат...

— Я знаю, — сказала я. — Мистер Уитмен записал сегодня Рафаэля в школу Сент-Леннокс.

Я услышала, как мистер Джордж глубоко вздохнул.

— Юноша сбежал из дому, после того как наделал дел с друзьями. Сумасшедшая идея Фалька — оставить Рафаэля в Англии. В это турбулентное время нам всем — и в первую очередь Гидеону — есть чем заняться, кроме как приглядывать за строптивыми юношами... Но Фальк никогда не мог отказать Зеине, и, кажется, это последний шанс у Рафаэля, чтобы получить документ об окончании школы — вдали от друзей, которые так плохо на него влияют.

— Зеина — это мать Гидеона и Рафаэля?

— Да, — сказал мистер Джордж. — Женщина, от которой они оба унаследовали прекрасные зеленые глаза. Ну что ж, мы пришли. Ты можешь снять повязку.

На этот раз мы были одни в подвале.

— Шарлотта сказала, что вы в этих обстоятельствах отмените визиты в восемнадцатый век, — сказала я с надеждой. — Или отложите? Ну, чтобы у Гидеона было время восстановиться, и чтобы я, может быть, еще немного поупражнялась...

Мистер Джордж покачал головой.

— Нет. Мы этого не сделаем. Мы примем все меры предосторожности, которые только можно предпринять, но графу очень важно соблюсти этот плотный график. Гидеон и ты отправитесь послезавтра на суаре, это точно решено. Есть у тебя какие-нибудь предпочтения касательно года, куда бы ты хотела отправиться для элапсации?

— Нет, — сказала я подчеркнуто равнодушно. — Это все равно не имеет значения, если сидишь в запертом подвале, не так ли?

Мистер Джордж осторожно освободил хронограф от бархатной ткани.

— Действительно. Гидеона мы обычно отправляем в 1953 год, это был спокойный год, мы только должны следить, чтобы он там сам с собой не встретился. — Он улыбнулся. — Я представляю, что это должно быть довольно жутко — оказаться где-нибудь запертым с самим с собой. — Он погладил себя по животу и задумчиво посмотрел перед собой. — Что ты скажешь насчет 1956 года? Тоже был очень спокойным.

— Отлично, — сказала я.

Мистер Джордж протянул мне фонарик и снял с пальца перстень.

— Только на случай... не бойся, никто не придет — ночью, в полтретьего.

— Ночью в полтретьего? — повторила я в ужасе. И как я должна среди ночи пробраться к дедушке? Ни один человек не поверит, что я могла заблудиться в подвале ночью в полтретьего. Может, вообще никого не будет в здании. Тогда всё было бы напрасно! — О, мистер Джордж, пожалуйста, не надо! Не посылайте меня ночью в эти страшные катакомбы, совсем одну!..

— Но, Гвендолин, это же неважно — глубоко под землей, в закрытом помещении...

— Но я... я... ночью боюсь! Пожалуйста, вы не можете меня одну... — Я была в таком отчаянии, что почти плакала, мне даже не нужно было притворяться.

— Ну хорошо, — сказал мистер Джордж, глядя успокаивающе своими маленькими глазками. — Я забыл, что ты... Возьмем другое время суток. Ну, скажем, три пополудни?

— Намного лучше, — сказала я. — Спасибо, мистер Джордж.

— Не за что. — Мистер Джордж отвел ненадолго взгляд от хронографа

и улыбнулся мне. — Мы действительно требуем слишком многого от тебя. Думаю, на твоём месте я бы тоже не хотел оказаться один в подвале. Особенно, если вспомнить, что ты порой видишь вещи, которые не видят другие...

— Да, спасибо, что напомнили об этом, — сказала я. Ксемериуса здесь не было, а то он страшно бы обиделся на слово *вещи*. — Как там было насчет могил со скелетами и черепами сразу здесь, за углом?

— О, — сказал мистер Джордж. — Я не хотел тебя еще больше напугать.

— Не волнуйтесь, — сказала я. — Я не боюсь мертвых. В отличие от живых они — по моему опыту — не делают ничего плохого. — Я увидела, что мистер Джордж удивленно поднял бровь, и быстренько добавила: — Конечно, они все равно жуткие, я бы ни в коем случае не хотела ночью сидеть рядом с ними в катакомбах... — Я протянула руку, другой прижимая портфель к груди. — Возьмите в этот раз безымянный палец, его еще не брали.

У меня сердце колотилось, как сумасшедшее, когда я вытащила ключ из тайника в стене и развернула записку, которую оставил Лукас. В ней были только латинские слова, ничего личного. Пароль на этот день был необычно длинным, и я даже не стала пробовать выучить его наизусть. Я взяла шариковую ручку из пенала и записала его у себя на ладони. Лукас нарисовал план подвального помещения. Согласно этому плану мне нужно было, выйдя из двери, держаться правой стороны, потом трижды повернуть налево, чтобы оказаться у подножья большой лестницы, где должны стоять первые охранники.

Дверь легко открылась, едва я провернула ключ в замке. Я подумала, но решила не запираť ее снова, на тот случай, если буду спешить на обратном пути. Воздух внизу был затхлым, судя по стенам, эти подвалы были очень старыми. Потолок был низким, а проходы — узкими. Каждые пару метров в сторону уходил другой проход или в стене обнаруживалась дверь. Без фонарика и плана, нарисованного Лукасом, я бы, по всей вероятности, заблудилась, несмотря на странное чувство, как будто мне было что-то знакомо.

Повернув налево в последний проход перед лестницей, я услышала голоса и вдохнула поглубже.

Сейчас все зависело от того, насколько я смогу убедить охранников, что меня действительно нужно пропустить. В отличие от 18-го века эти выглядели совершенно не опасно. Они сидели на нижней ступеньке и

играли в карты. Увидев меня, один из них уронил карты, а другой вскочил и судорожно схватил шпагу, прислоненную к стене.

— Добрый день, — собрала я все свое мужество. — Не хочу вам мешать...

— Как... как... как? — заикался первый, в то время как второй схватил шпагу и смотрел на меня, явно не решаясь что-то предпринять.

— Разве шпага не слишком экзотическое оружие для двадцатого века? — спросила я озадаченно. — Что вы будете делать, если кто-то явится с гранатой в руке? Или с пулеметом?

— Тут не часто кто-то появляется, — сказал охранник со шпагой и смущенно улыбнулся. — Это, скорее, традиционное оружие, чем... — Он покачал головой, как бы стараясь себя самого призвать к порядку, потом внутренне собрался и выпрямился. — Пароль?

Я посмотрела на ладонь.

— *Nam quod in iuventus non discitur, in matura aetate nescitur.*

— Правильно, — сказал другой, все еще сидевший на лестнице. — Но откуда вы пришли, позвольте поинтересоваться?

— Из Дворца правосудия, — сказала я. — Это более короткий путь. Могу при подходящей возможности показать. Но сейчас у меня важная встреча с Лукасом Монтроузом.

— Монтроузом? Я не знаю, здесь ли он, — сказал тот, что со шпагой.

А другой добавил:

— Мы отведем вас наверх, мисс, но сначала назовите свое имя. Для протокола.

Я назвала первое пришедшее на ум имя. Возможно, я слишком поспешила.

— Вайолет Пэрпллам? — повторил недоверчиво охранник со шпагой, пока другой разглядывал мои ноги. Наверное, длина моей школьной формы не совсем соответствовала моде 1956 года. Неважно, ему придется смириться.

— Да, — сказала я несколько агрессивно, злясь на саму себя. — И это не повод для ухмылки. Не каждого зовут Смит или Миллер. Мы уже можем идти?

Охранники немного поспорили, кто из них пойдет со мной наверх, в конце концов тот, что со шпагой, сдался и снова уселся на ступени. По дороге наверх другой охранник спросил, бывала ли я здесь раньше. Я ответила, да, конечно, несколько раз, какой замечательный Зал Дракона, не правда ли, половина моей семьи — Хранители. Тут охранник вдруг вспомнил, что видел меня на последнем празднике, устроенном в саду.

— Вы же та девушка, которая разливала лимонад, да? Вместе с леди Гейнсли.

— Э-э-э... совершенно верно, — сказала я, и мы стали мило беседовать о празднике, розах и людях, которых я не знала. (Что мне не помешало посмеяться над странной шляпкой миссис Ламотт и повозмущаться, что мистер Мейсон начал роман с одной из секретарш, безобразие!)

Проходя мимо первого из окон, я с любопытством выглянула наружу — все было очень знакомым. Но было странно знать, что остальной город — за пределами стен достопочтенного Темпла — выглядел совершенно иначе. Хотелось выскочить наружу и убедиться собственными глазами.

На втором этаже охранник постучал в одну из дверей. Я прочла имя дедушки на табличке, и меня переполнила гордость. У меня всё получилось!

— Мисс Пэрплплам к мистеру Монтроузу, — сказал охранник в щелку двери.

— Спасибо, за то, что привели меня, — сказала я, протискиваясь мимо него в кабинет. — Увидимся на следующем празднике.

— Обязательно, я уже жду, — сказал он, но я уже закрыла дверь у него перед носом.

Торжествуя, я обернулась и сказала:

— Ну, что скажешь?

— Мисс... э-э-э... Пэрплплам? — Мужчина за столом таращил на меня глаза.

Это определенно был не дедушка. Я испуганно таращилась в ответ. Передо мной стоял молодой мужчина, практически юноша, его круглое гладкое лицо со светлыми дружелюбными глазами, показалось мне знакомым.

— Мистер Джордж? — спросила я недоверчиво.

— Мы знакомы? — молодой мистер Джордж поднялся со стула.

— Конечно. Мы познакомились на последнем празднике в саду, — проямлила я, пытаюсь остановить круговорот мыслей в голове. — Я была девушкой, разливавшей лимонад... А где де... Лукас? Он не сказал разве, что мы договорились сегодня встретиться?

— Я его ассистент и работаю здесь недавно, — запинаясь, сказал мистер Джордж. — Но нет, он ничего не говорил. Но он в любой момент должен вернуться. Не хотите ли присесть, мисс... э-э-э?..

— Пэрплплам!

— Именно. Могу я предложить вам кофе? — он вышел из-за стола и

подвинул мне стул, который оказался очень кстати. У меня дрожали колени.

— Нет, спасибо. Не нужно кофе.

Он нерешительно смотрел на меня. Я молча пялилась в ответ.

— Вы... бойскаут?

— Простите?

— Ну... ваша форма...

— Нет.

Я не могла отвести от него глаз. Это был он — совершенно очевидно! Его постаревшее на двадцать пять лет «я» было невероятно похоже на него, разве что было уже лысое, носило очки и его ширина сравнялась с высотой.

У молодого же мистера Джорджа были густые волосы, уложенные на пробор и набриолиненные, и он был довольно худощав. Очевидно, что ему было неприятно, когда его так разглядывали, так как он покраснел, вернулся за стол и начал листать какие-то документы. Я подумала, что он скажет, если я достану из кармана его перстень-печатку и покажу ему.

Мы молчали минимум четверть часа, когда дверь в кабинет открылась и зашел мой дедушка. Увидев меня, он округлил глаза, но взял себя в руки и сказал:

— О, посмотрите-ка, моя любимая кузиночка!

Я вскочила. С момента нашей последней встречи Лукас Монтроуз явно повзрослел. На нем был элегантный костюм с бабочкой, на лице у него красовались усики, которые не очень ему шли. Когда он меня расцеловал в обе щеки, они пощекотали щеку.

— Какая приятная неожиданность, Хэйзел! Как долго ты останешься в городе? Твои замечательные родители тоже приехали?

— Нет, — пролепетала я. Зачем я должна быть этой ужасной Хэйзел?! — Они остались дома, с кошками...

— Познакомься, это Томас Джордж, мой новый ассистент. Томас, это Хэйзел Монтроуз из Глосестершира. Я тебе рассказывал, что она приедет ко мне в гости.

— Я думал, ее зовут Пэрплплам! — сказал мистер Джордж.

— Да, — сказала я. — Так тоже. Это мое второе имя. Хэйзел Вайолет Монтроуз Пэрплплам. Но кто в состоянии это запомнить?

Лукас смотрел на меня, наморщив лоб.

— Я прогуляюсь немного с Хэйзел, — обратился он к мистеру Джорджу. — Хорошо? Если кто-то будет меня искать, скажи, что у меня встреча с клиентом.

— Да, мистер Монтроуз, сэр, — сказал мистер Джордж, стараясь сохранить невозмутимое выражение лица.

— До свидания, — попрощалась я с ним.

Лукас взял меня под руку и вывел из кабинета. Мы оба наперегонки улыбались. Только после того, как за нами закрылась тяжелая дверь и мы оказались в залитом солнцем переулке, мы возобновили разговор.

— Я не хочу быть этой ужасной Хэйзел, — сказала я укоризненно и с любопытством огляделась. Темпл почти не изменился за двадцать пять лет, если не считать автомобилей. — Я что, выгляжу как кто-то, кто может размахивать над головой кошками, держа их за хвост?!

— Пэрплплам! — так же укоризненно сказал Лукас. — Более запоминающегося имени не нашлось? — Он взял меня за плечи и внимательно рассмотрел. — Дай тобой полюбоваться, внученька! Ты выглядишь точно так же, как и восемь лет назад.

— Ну да, это же было всего позавчера, — сказала я.

— Невероятно, — сказал Лукас. — Я все эти годы думал, что мне это всё приснилось...

— Вчера я была в 1953 году, но не одна...

— Сколько времени у нас есть сегодня?

— Я прибыла в три часа по вашему времени, ровно в полседьмого я прыгну назад.

— Значит, у нас есть немного времени, чтобы поговорить. Идем, тут за углом есть маленькое кафе, выпьем там чаю. — Лукас взял меня за руку и мы пошли по направлению к берегу. — Ты не поверишь, но три месяца назад я стал отцом, — рассказывал он по дороге. — Должен признаться, что это приятное чувство. И думаю, Ариста — был правильный выбор. Клодин Сеймур совершенно расклеилась и, кроме того, любит выпить рюмочку, как говорят. Причем рано утром.

Мы шли по маленькому переулку, из которого вышли на улицу через арку. Там я, пораженная, остановилась. Движение на берегу было крайне оживленным, но все машины были антикварными. Красные двухэтажные автобусы выглядели как из музея и издавали убийственный грохот, большинство людей, шедших по тротуару вдоль дороги, носили шляпы — мужчины, женщины, даже дети! На стене напротив висела реклама фильма *High Society* — с неземной красоты Грейс Келли и невозможно уродливым Фрэнком Синатрой. Я глазела направо и налево раскрыв рот и едва двигалась вперед. Всё выглядело как на ностальгической открытке в ретро-стиле — только намного более пестрым.

Лукас привел меня в симпатичное кафе на углу и заказал чай с печеньем.

— В прошлый раз ты была голодна, — вспомнил он. — У них здесь

замечательные сэндвичи.

— Нет, спасибо, — ответила я. — Дед, по поводу мистера Джорджа! В 2011 году он делает вид, как будто меня никогда не видел.

Лукас пожал плечами.

— Не забивай себе голову из-за него. До вашей следующей встречи — пятьдесят пять лет. Возможно, он просто забудет тебя.

— Да, наверное, — сказала я.

Меня поразило большое количество курильщиков. Прямо возле нас, за овальным столиком, на котором стояла пепельница в виде черепа, сидел толстый господин с сигарой. Казалось, воздух можно было резать ножом. Они что, в 1956 году не слышали о раке легких?

— Ты узнал за это время, что такое *зеленый всадник*?

— Нет, но я узнал что-то намного более важное. Я знаю теперь, почему Люси и Пол украли хронограф. — Лукас коротко оглянулся и придвинул свой стул поближе к моему. — После твоего визита Люси и Пол еще несколько раз элапсировали у нас, при этом ничего особенного не случилось. Мы пили чай, я проверял, как хорошо они знают французские глаголы, короче, мы честно скучали положенные четыре часа. Им нельзя было покидать здание — это правило, и Кеннет де Вилльер, старый ябедник, позаботился о том, чтобы мы его выполняли. Один раз я тайно вывел Люси и Пола, чтобы они могли посмотреть фильм и немного оглядеться, но, к несчастью, нас уличили. Был страшный скандал. На меня было наложено дисциплинарное взыскание, и следующие полгода перед дверью в Зал Дракона стоял охранник, когда к нам прибывали Люси и Пол. Это отменили, когда я стал адептом третьего уровня. О, спасибо! — Последнее относилось к официантке, выглядевшей как оригинал Дорис Дэй в фильме «Человек, который слишком много знал». Она была коротко стриженной крашеной блондинкой в воздушном платье с широченной юбкой. Сияя улыбкой, она поставила перед нами заказ, и я бы не удивилась, если бы она запела *Que sera, sera*.

Лукас подождал, пока она не отошла на расстояние, на котором не могла нас слышать.

— Конечно, я пытался осторожно выяснить, что за причина могла быть у них, чтобы удрать с хронографом. Безрезультатно. Их единственной проблемой была влюбленность друг в друга. Очевидно, эта связь в их времени не приветствовалась, поэтому они держали ее в тайне. Только несколько человек знали об этом, я, например, и твоя мама Грейси.

— Может быть, они убежали в прошлое, только потому, что не могли быть вместе в своем времени? Как Ромео и Джульетта?

Ах. Как невозможно романтично!

— Нет, — сказал Лукас. — Нет, причиной было не это.

Он мешал ложечкой в стакане, а я жадно впиалась глазами в печенье, которое было еще теплым, лежало в корзинке под салфеткой и головокружительно пахло.

— Причиной был я, — продолжил Лукас.

— Что? Ты?!

— Ну, не непосредственно я. Но это была моя вина. Однажды мне пришла в голову сумасбродная мысль, отправить Люси и Пола еще дальше в прошлое.

— С помощью хронографа? Но как...

— Ну я же говорю — сумасбродная идея. — Лукас провел рукой по волосам. — Но мы были заточены четыре часа в этом проклятом Зале, и с нами был хронограф. И что было проще, чем прийти к такой дурацкой идее? Я тщательно изучил старые планы, тайные записи и отчеты, потом раздобыл костюмы со склада и, в конце концов, мы внесли кровь Люси и Пола в хронограф. Для пробы я их послал на два часа в 1590 год. Все прошло безукоризненно. По прошествии двух часов они прыгнули обратно ко мне, в 1948 год, и никто не заметил их отсутствия. А еще через полчаса они прыгнули к себе в 1992 год. Все прошло превосходно.

Я засунула в рот печенье, щедро намазанное взбитыми сливками. Если я жую, мне думается легче. У меня накопилась сотня вопросов и я задала первый попавшийся:

— Но в 1590 году не было же еще Хранителей?

— Совершенно верно, — ответил Лукас. — Тогда не было даже этого здания. Можно считать, что нам в этом повезло. Или не повезло — как посмотреть.

Он сделал глоток чая. Он ничего еще не ел, и я стала размышлять, когда это он сумел наесть себе столько лишних килограммов.

— Изучая старые планы, я выяснил, что здание с Залом Дракона было построено точно на том месте, где со второй половины шестнадцатого и до конца семнадцатого века была площадь с небольшим фонтаном.

— Я не совсем понимаю...

— Подожди. Это открытие развязало нам руки. Люси и Пол могли прыгнуть в прошлое прямо из Зала Дракона и оказаться на этой площади. А чтобы попасть назад, им достаточно было вовремя оказаться на площади — тогда они автоматически оказывались снова в Зале Дракона. Понимаешь?

— А если они возникали на площади посреди белого дня? Разве их не схватили бы тут же и не сожгли бы как ведьм?

— Это была небольшая маленькая площадь. Большей частью их вообще не замечали. А если и замечали, то в удивлении закатывали глаза и думали, что отвлеклись на мгновение. Конечно, все равно это было очень опасно, но нам казалось гениальным. Мы украдкой радовались, что нашли этот вариант и смогли всех обхитрить, а Люси и Пол получали огромное удовольствие от путешествий. Я тоже, хоть и сидел все время как на углях в Зале Дракона в ожидании Люси и Пола. Трудно себе представить, что бы случилось, если бы кто-то в этот момент зашел...

— Довольно смело, — заметила я.

— Угу, — подтвердил Лукас и стал выглядеть немного виновато. — На такое способен только в молодости. Сегодня я бы на это не пошел, совершенно точно. Но я думал, что если бы это действительно был очень опасно, то мое постаревшее мудрое «я» из будущего вмешалось бы. Понимаешь?

— Какое это мудрое «я» из будущего? — спросила я, ухмыляясь.

— Ну, я сам, — вскрикнул Лукас и тут же понизил голос. — Я же буду знать в 1992, что я натворил в 1948 году с Люси и Полом, и если бы что-то пошло не так, я бы предупредил обоих, чтобы не доверяли мне, легкомысленному молодому... Я так думал...

— Окей, — протянула я и взяла еще одно печенье, в виде, так сказать, пищи для ума. — Но ты этого не сделал?

Лукас покачал головой.

— Определенно нет, идиот. И мы становились все легкомысленней. Когда Люси стала изучать в школе «Гамлета», я послал обоих в 1602 год. Три дня подряд они могли присутствовать на премьере спектакля в исполнении труппы лорда Чемберлена^[25] в театре «Глобус».

— В Саутуарке?

Лукас кивнул.

— Да, это было непросто. Они должны были перейти по Лондонскому мосту на другой берег Темзы, там постараться увидеть как можно больше от спектакля и вернуться назад до того, как совершится обратный прыжок. Два дня все шло отлично, а на третий на Лондонском мосту произошел несчастный случай, и Люси и Пол стали свидетелями одного преступления. Они не успели добраться до берега, а приземлились в Саутуарке 1948 года, в Темзу. Я в это время сходил с ума от волнений. — Очевидно, воспоминание об это сильно взволновало его, крылья его носа побледнели. — Еле-еле они успели вернуться в Темпл — мокрые с ног до головы, в костюмах семнадцатого века, так и прыгнули в 1992 год. Я узнал об этом только когда они в следующий раз прибыли для элапсаций.

У меня снова все перемешалось в голове от такого количества цифр.

— А что это было за преступление, свидетелем которого они стали?

Лукас подвинул свой стул еще чуть ближе ко мне. Глаза за стеклами очков потемнели от серьезности.

— Это и есть самое главное! Люси и Пол видели, как граф Сен-Жермен убил кого-то.

— Граф?!

— До тех пор Люси и Пол только дважды видели графа. Но они были абсолютно уверены, что это был он. После инициации каждый из них был представлен графу в 1784 году. Граф сам так распорядился, он хотел познакомиться с путешественниками во времени, рожденными после него, лишь к концу своей жизни. Я бы удивился, если с тобой было иначе. — Он откашлялся. — Будет иначе. Как бы то ни было... Хранители поехали с Люси и Полом на север Германии, где граф прожил последние годы жизни, прихватив хронограф. Я сам при этом присутствовал. Буду присутствовать. В качестве Великого Мастера логи — можешь себе представить?

Я наморщила лоб.

— Ты не мог бы...

— Ах, я снова отвлекаюсь. То, что вещи случаются в будущем, хотя они давно уже случились в прошлом, всегда было выше моего понимания. На чем мы остановились?

— Каким образом граф мог совершить убийство в 1602 году, если... о, я поняла! Он совершил это в одном из своих путешествий во времени.

— Совершенно верно. Причем как очень молодой человек. Это было чудовищное совпадение, что именно в этот момент рядом оказались Люси и Пол. Если вообще можно говорить о совпадении в таких обстоятельствах. Сам граф пишет в одной из своих многочисленных работ: *Кто верит в совпадения, тот не постиг всего могущества судьбы.*

— А кого он убил? И почему?

Лукас снова огляделся по сторонам.

— Этого, моя дорогая внучка, мы поначалу не знали. Прошло много недель, пока нам удалось кое-что выяснить. Его жертвой стал не больше не меньше как Ланселот де Вилльер, первый путешественник во времени. Янтарь!

— Он убил собственного предка? Но зачем?

— Ланселот де Вилльер был бельгийским бароном, переселившимся с семьей в 1602 году в Англию. В Хрониках и тайных рукописях графа Сен-Жермена, которые он передал Хранителям, написано, что он умер в 1607 году, поэтому мы сначала и не подумали на него. В действительности же —

я избавлю тебя от подробностей наших детективных изысканий — ему перерезали горло в собственной карете в 1602 году...

— Я не понимаю, — пробормотала я.

— Я и сам еще не до конца собрал этот пазл, — сказал Лукас, доставая пачку сигарет из кармана и прикуривая. — К тому же, я не видел Люси и Пола с 24 сентября 1949 года. Я предполагаю, что они вместе с хронографом прыгнули в более раннее время, до меня, иначе они бы обязательно давно появились. О... *черт возьми!* Не смотри туда!

— Что такое? И с каких пор ты куришь?

— Вон идет Кеннет де Вилльер со своей кошмарной сестрой. — Лукас поднял к лицу меню, пытаясь укрыться за ним.

— Скажи просто, что мы не хотим, чтобы нам мешали, — прошептала я.

— Не могу — он мой начальник. В ложе все устроено, как в настоящей жизни. Ему принадлежит эта чертова контора. Если нам повезет... они нас не заметят.

Нам не повезло. Высокий сорокалетний мужчина и дама в бирюзовой шляпке целенаправленно продвигались к нашему столику и без приглашения уселись на свободных стульях.

— Похоже, мы оба прогуливаем сегодня работу, а, Лукас? — сказал Кеннет де Вилльер приветливо и хлопнул Лукаса по плечу. — Не подумай, я ничего не скажу, особенно после того, как ты вчера с бравადой выиграл дело Паркера. Еще раз мои поздравления. Я слышал, у тебя гости из деревни. — Его янтарные глаза внимательно изучали меня.

Я старалась смотреть в ответ как можно непосредственнее. Странно все-таки, как де Вилльеры похожи друг на друга — подчеркнутые скулы, аристократические ровные носы — во всех поколениях. Этот был очень заметным мужчиной, пусть и не таким красивым, как, например, Фальк де Вилльер в моем времени.

— Хэйзел Монтроуз, моя кузина, — представил меня Лукас. — Хэйзел, это мистер и миссис де Вилльер.

— Но я его сестра, — сказала миссис де Вилльер и хихикнула. — О, хорошо, у вас есть сигареты. Можно мне стрельнуть одну?

— К сожалению, мы как раз собирались уходить, — сказал Лукас, галантно протягивая пачку сигарет и подавая миссис де Вилльер огонь. — У меня много работы...

— Но не сегодня, милый друг, не сегодня. — Шеф дружелюбно подмигнул Лукасу.

— Вдвоем с Кеннетом я умираю от скуки, — сказала миссис де

Вилльер и выдохнула сигаретный дым. — С ним можно говорить только о политике. Кеннет, закажи, пожалуйста, чай для всех. А откуда конкретно вы приехали, дорогая?

— Глосестершир, — сказала я и слегка закашлялась.

Лукас вздохнул, сдаваясь.

— Мой дядя, то есть отец Хэйзел, владеет большим имением и разводит животных.

— О, я люблю жизнь в деревне. И я люблю животных! — сказала миссис де Вилльер с энтузиазмом.

— А я как люблю! — сказала я. — А больше всего — кошек.

~ ~ ~

Хроники Хранителей

Протокол Цербер-стражи

24 июля 1956

Nam quod in iuventus non discitur, in matura aetate nescitur.

7 часов: Послушник Картрелл, заявленный как пропавший во время ночного экзамена Ариадны, явился с семичасовым опозданием. Он шатается и от него пахнет алкоголем, что заставляет предположить, что он, хоть и не сдал экзамен, зато нашел давно забытый винный погреб. В виде исключения разрешаю ему пройти со вчерашним паролем.

Больше никаких особых происшествий.

Отчет: Дж. Смит, послушник, дообеденная смена.

13 часов 12 минут: Мы увидели крысу. Я хочу ее проткнуть шпагой, но Лерой скармливает ей остатки своего сэндвича и дает ей имя Одри.

15 часов 15 минут: Мисс Вайолет Пэрпллам подходит к лестнице через неизвестный нам проход от Дворца Правосудия. Она безошибочно называет пароль, Лерой провожает ее наверх согласно ее желанию.

15 часов 24 минуты: Одри снова появилась.

Больше никаких особых происшествий.

Отчет: П. Уорд, послушник, послеобеденная смена.

С 18 до 0 часов: Никаких особых происшествий.

Отчет: Н. Картрелл, послушник, вечерняя смена.

С 0 до 6 часов: Никаких особых происшествий.

Отчет: К. Элберет / М. Уорд, послушники.

Глава восьмая

Стражники у подножия лестницы спали, положив головы на перила.

— Бедный Картрелл, — прошептал Лукас, когда мы на цыпочках пробирались мимо храпящей охраны. — Боюсь, он не сумеет дослужиться до адепта, если не перестанет так много пить... Но это только лучше для нас. Идем, быстрее!

Я запыхалась, так как из кафе мы шли сюда быстрым шагом. Кеннет де Вилльер с сестрой не отпускали нас целую вечность, казалось, что мы много часов беседовали с ними о жизни в деревне вообще и в Глосестершире в частности (я рассказала пару смешных историй о кухне Мадлейн и овце Клариссе), о деле Паркера (о котором я только поняла, что дедушка его выиграл), о симпатичном наследнике трона Чарльзе (э-э-э?!) и о фильмах Грейс Келли и ее свадьбе с князем Монако. Я периодически кашляла и пыталась перевести разговор на ужасающие последствия курения, но меня не поддерживали. Когда мы наконец покинули кафе, было так поздно, что у меня даже не осталось времени забежать в туалет, хотя я выпила минимум литр чая.

— Еще три минуты, — пропыхтел Лукас, пока мы бежали по подвальному коридорам. — А ведь я хотел тебе так много рассказать. Если бы эта чума в лице начальника не появилась...

— Я не знала, что ты *работаешь* на одного из Вилльеров, — сказала я. — Ты же будущий лорд Монтроуз, член Верхней палаты.

— Да, — ответил Лукас угрюмо. — Но пока я не наследую своего отца, я должен зарабатывать деньги на содержание семьи. Эта работа просто подвернулась... Неважно. Послушай: все, что граф Сен-Жермен оставил Хранителям — тайные рукописи, письма, хроники — все это он подверг цензуре. Хранители знают только то, что Сен-Жермен позволил знать. Информация предназначалась для того, чтобы все последующие поколения были готовы любыми способами замкнуть Круг. Но никто из Хранителей не посвящен в Тайну.

— Но ты ее знаешь? — выкрикнула я.

— Тс-с-с! Нет. Я ее тоже не знаю.

Мы завернули за последний угол, и я распахнула дверь в старую алхимическую лабораторию. Мои вещи лежали на столе, точно там, где я их оставила.

— Но Люси и Пол знают Тайну, я в этом убежден. Когда мы последний

раз виделись, они должны были вот-вот найти документы. — Он посмотрел на часы. — Черт побери!

— Дальше! — поторопила я его, подбирая сумку и фонарик. В последний момент я сообразила, что надо отдать ключ Лукасу. В моем животе уже появилось знакомое ощущение. — И ради бога, сбрей ты эту бородку, деда!

— У графа были враги, о которых в Хрониках упоминается лишь вскользь, — сыпал словами Лукас. — Особенно активной была одна тайная организация, близкая к церкви, называвшая себя *Ракоши Альянс*. Этой организации удалось в 1745 году, когда в Лондоне была основана ложа, заполучить документы из наследства графа Сен-Жермена... Ты считаешь, что борода мне не идет?

Комната начала кружиться вокруг меня.

— Я люблю тебя, дедушка, — выпалила я.

— Документы, которые, кроме всего прочего, подтверждали, что недостаточно будет внести кровь всех путешественников во времени в хронограф. Тайна откроется лишь тогда, когда... — успела я еще услышать, до того как исчезнуть.

Через доли секунды я уже моргала от яркого света. И от белоснежной рубашки. Пару сантиметров левее, и я бы приземлилась прямо на ноги мистера Джорджа. Я негромко вскрикнула от испуга и сделала пару шагов назад.

— Надо будет в следующий раз не забыть дать тебе с собой мел, чтобы ты пометила место приземления, — сказал мистер Джордж, качая головой, и забрал у меня фонарик.

Он ждал моего возвращения не один. Рядом с ним стоял Фальк де Вилльер, доктор Уайт сидел на стуле возле стола, Роберт, маленький призрак, выглядывал из-за его ног, а на стену возле двери опирался Гидеон, на лбу которого белел огромный пластырь.

Увидев его, я должна была перевести дыхание.

Он стоял в своей обычной позе — скрестив на груди руки, но цвет его лица едва ли был темнее пластыря, а темные круги вокруг глаз еще больше оттеняли зелень глаз. Меня охватило почти невыносимое желание подбежать к нему, обнять и подуть на рану, как я это всегда делала с Ником, когда ему было больно.

— Все в порядке, Гвендолин? — осведомился Фальк де Вилльер.

— Да, — ответила я, не отводя взгляд от Гидеона. Ох, я скучала по нему, но насколько сильно, мне стало ясно лишь сейчас. Неужели прошел всего день с момента поцелуя на зеленом диване? Хотя об одном поцелуе

говорить было явно неправильно.

Гидеон смотрел на меня безучастно, не двигаясь, как будто видел меня в первый раз. Ни следа от того, что было лишь вчера.

— Я отведу Гвендолин наверх, она может ехать домой, — сказал мистер Джордж спокойно. Положил руку мне на спину и мягко подтолкнул к двери, мимо Фалька прямо к Гидеону.

— Тебе... ты уже лучше себя чувствуешь? — спросила я.

Гидеон ничего не ответил, он только смотрел на меня. Но то, как он на меня смотрел, было странно. Что-то было не так. Как будто я не человек, а предмет. Что-то несущественное. Будничное, как... стул. Может, он все-таки получил сотрясение мозга и теперь не узнавал меня? Мне тут же сделалось зябко.

— Гидеону следовало бы лежать в постели, но ему нужно пару часов элапсировать, если мы не хотим рисковать неконтролируемым прыжком, — объяснил доктор Уайт нелюбезным тоном. — Это легкомыслие — отправить его опять одного...

— Два часа в тихом подвале в 1953 году, Джейк, — перебил его Фальк. — На диване. Он это переживет.

— Переживу, — сказал Гидеон, а его взгляд стал еще мрачнее, если это вообще было возможно.

Внезапно мне захотелось разреветься.

Мистер Джордж открыл дверь:

— Идем, Гвендолин.

— Минутку еще, мистер Джордж. — Гидеон крепко схватил меня за руку. — Я бы хотел только узнать, в каком году была Гвендолин только что?

— Только что? В 1956-м, в июле, — сказал мистер Джордж. — Почему ты спрашиваешь?

— Ну-у... от нее пахнет сигаретами, — сказал Гидеон, до боли стискивая хватку. Я почти уронила сумку.

Автоматически я понюхала рукава формы. Ну да, многочасовое пребывание в задымленном кафе оставило след. Господи, и как я должна была это объяснить?!

Все в комнате смотрели на меня, и я поняла, что я должна быстро придумать какую-нибудь отговорку.

— Окей, уличил, — сказала я, глядя в пол. — Я курила. Но всего три сигареты. Честное слово.

Мистер Джордж покачал головой.

— Но, Гвендолин, я же тебе строжайшим образом внушал, ни одного предмета...

— Извините, — я не дала ему закончить фразу. — Но там скучно. Этот темный подвал... А сигарета хорошо действует против страха... — Я постаралась придать лицу смущенное выражение. — Я все окурки собрала и забрала с собой, вы можете не волноваться, что кто-то найдет пачку *Lucky Strike* и станет удивляться.

Фальк засмеялся.

— Наша принцесска, оказывается, не такая уж послушная, — сказал доктор Уайт, и я облегченно вздохнула. Похоже, они поверили. — Не надо так смотреть, Томас. Я свою первую сигарету выкурил в тринадцать лет.

— Я тоже. Первую и последнюю. — Фальк де Вилльер снова склонился над хронографом. — Но курить действительно не стоит, Гвендолин. Я уверен, твоя мама была бы шокирована, если бы узнала.

Даже маленький Роберт энергично закивал и смотрел на меня с упреком.

— Кроме того, это вредно для внешности, — добавил доктор Уайт. — От никотина портятся кожа и зубы.

Гидеон ничего не сказал. И не расслабил хватку. Я заставила себя непринужденно посмотреть ему в глаза и попробовала виновато улыбнуться. В ответ его глаза сузились и он едва заметно покачал головой. Потом он неохотно отпустил меня. Я глотнула, поскольку внезапно почувствовала комок в горле.

Почему он себя так вел? В один момент милый и нежный, а в следующий — холодный и неприступный? Кто это может выдержать? Я — точно нет. То, что произошло между нами здесь, в этой комнате, оно ощущалось как... настоящее. И вдруг он не нашел ничего лучшего, как при первой же возможности изобличить меня перед всеми? Что он хотел этим добиться?

— Идем же, — сказал мистер Джордж, обращаясь ко мне.

— Мы увидимся послезавтра, Гвендолин, — сказал Фальк де Вилльер. — В твой важнейший день.

— Не забудьте завязать ей глаза, — сказал доктор Уайт, и я услышала, как засмеялся Гидеон, как будто услышал плохую шутку.

Но тут тяжелая дверь захлопнулась, мы стояли в коридоре.

— Можно представить, что он не любит курильщиков, — сказала я тихо и готова была расплакаться.

— Позволь мне завязать тебе глаза, — сказал мистер Джордж, и я замерла, пока он стягивал узкий шарф в узел у меня на затылке. Затем он забрал у меня сумку и бережно подтолкнул вперед. — Гвендолин... Ты действительно должна быть осторожнее.

— Пару сигарет еще никого не убили, мистер Джордж.

— Я не это имею в виду.

— А что же?

— Я имею в виду твои чувства.

— Мои чувства?!

Я услышала, как мистер Джордж вздохнул.

— Милое мое дитя, даже слепой бы увидел, что ты... ты просто должна быть осторожнее в отношении твоих чувств к Гидеону.

— Я... — Я снова умолкла.

Очевидно, мистер Джордж обладал большей проницательностью, чем я думала.

— Нежные отношения между двумя путешественниками во времени никогда не стояли под счастливой звездой, — сказал он. — Точно так же, как отношения между де Вилльерами и Монтроузами. И в такое время, как сейчас, нужно постоянно себе повторять, что верить нельзя никому. — Может быть, я ошибалась, но мне казалось, что рука мистера Джорджа у меня на спине дрожит. — Это, к сожалению, непреложная истина, что здравый смысл страдает, как только на сцену выходит любовь. А здравый смысл — это то, что тебе сейчас больше всего нужно. Осторожно, ступенька.

Молча поднимались мы наверх, потом мистер Джордж снял повязку и серьезно посмотрел на меня.

— Ты со всем можешь справиться, Гвендолин. Я твердо верю в тебя и твои способности.

Его круглое лицо покрывали капли пота. В светлых глазах я могла увидеть только заботу — как в глазах мамы, когда она на меня смотрела. Меня захлестнула волна симпатии.

— Вот. Ваш перстень, — сказала я. — А сколько вам лет, мистер Джордж? Можно мне узнать?

— Семьдесят шесть, — сказал мистер Джордж. — Я не держу это в секрете.

Я уставилась на него. Я не задумывалась еще всерьез над тем, сколько ему лет, но в любом случае дала бы минимум на десять лет меньше.

— Получается, в 1956 году вам было?..

— Двадцать один. Это был год, когда я начал свою службу здесь в качестве помощника адвоката и вступил в ложу.

— Знакомы ли вы с Вайолет Пэрпллам, мистер Джордж? Это подруга моей двоюродной бабушки.

Мистер Джордж поднял бровь.

— Нет, не думаю. Идем, я отведу тебя к автомобилю, мама, наверное, с нетерпением ждет тебя.

— Наверняка. Мистер Джордж?..

Но мистер Джордж уже отвернулся и пошел к выходу. Мне не оставалось ничего, как последовать за ним.

— Завтра тебя снова заберут из школы. Мадам Россини должна сделать примерку, потом Джордано попытается еще чему-нибудь тебя научить. Ну и элапсировать тебе тоже надо.

— Похоже, будет чудесный день, — сказала я устало.

— Но ведь это никакая не *магия*! — я шептала, хоть и была шокирована.

Лесли вздохнула.

— Не в смысле фокус-покус-сим-салабим, может быть, но это магическая способность. Это магия Ворона.

— Это скорее какая-то причуда, — сказала я. — Нечто, из-за чего над тобой будут смеяться, чему ни в коем случае не поверят.

— Гвенни, если у кого-то есть сверхъестественное восприятие, это — не причуда. Это — талант. Ты видишь призраков и можешь с ними общаться.

— И демонов, — добавил Ксемериус.

— Ворон в мифологии отвечает за связь между людьми и божественным миром. Вороны — посредники между живыми и мертвыми. — Лесли повернула папку, чтобы я могла прочесть, что она нашла о Воронах в интернете. — Ты должна признать, что это очень точно подходит к твоим способностям.

— И цвету волос, — сказал Ксемериус. — Черные, как вороново крыло.

Я пожевала губу.

— Но в предсказании это звучит как... ну не знаю... как что-то очень могущественное и важное... Как будто магия Ворона — это тайное оружие.

— Очень может быть, — сказала Лесли. — Если ты перестанешь относиться, как к причуде, которая тебе позволяет видеть призраков.

— И демонов, — опять добавил Ксемериус.

— Как бы я хотела иметь тексты предсказаний, — сказала Лесли. — Мне страшно интересно, как это звучит в оригинале.

— Наверняка Шарлотта знает их все назубок, — сказала я. — Думаю, она их выучила на своих занятиях мистикой. Они постоянно говорят в рифму. Хранители. Даже мама. И Гидеон.

Я быстро отвернулась, чтобы Лесли не заметила, как мои глаза внезапно наполнились слезами, но было поздно.

— О нет, радость моя, только не надо снова плакать! — Она подала мне носовой платок. — Ты перегибаешь палку, в самом деле.

— Нет, не перегибаю. Ты что, не помнишь, как ты рыдала три дня подряд из-за Макса? — всхлипнула я.

— Конечно, помню, — сказала Лесли. — Прошло всего полгода.

— Только теперь я могу представить, как ты себя тогда чувствовала. И могу понять, почему ты лучше хотела бы умереть.

— Ну и душой я была! Ты все время была со мной и твердила, что Макс не стоит того, чтобы вообще о нем думать, потому что он вел себя как последний гад. И что надо почистить зубы...

— Ага. И играла песня *The winner takes it all*, ^[26] постоянно, по кругу.

— Это я могу устроить, — предложила Лесли. — Если тебе это поможет...

— Нет. Но ты можешь подать мне японский нож для овощей. Я сделаю себе харакири.

Я упала навзничь на кровать и закрыла глаза.

— Девчонки из всего устраивают драму, — сказал Ксемериус. — Подумаешь, у парня было плохое настроение и угрюмый взгляд, потому что он получил чем-то по голове, — и сразу мир должен рухнуть.

— Потому что он меня не *любит*, — сказала я в отчаянии.

— Ты не можешь это знать, — сказала Лесли. — С Максом все было ясно: через полчаса после того, как он мне сказал, что все кончено, уже видели, как он в кино целуется с Анной. Но в этом Гидеона нельзя упрекнуть. Просто он немного... непостоянен.

— Но почему? Если бы ты видела, как он на меня посмотрел! Как будто брезгует. Как будто я... мокрица какая-то. Я этого просто не выдержу.

— Пару минут назад ты сравнивала себя со стулом, — покачала Лесли головой. — Возьми себя наконец в руки. Мистер Джордж прав: как только в игру вступает любовь, здравый смысл говорит «до свиданья». А ведь мы стоим на пороге важнейшего открытия.

Как раз утром, когда Лесли пришла к нам и мы удобно устроились на моей кровати, в дверь постучался мистер Бернхард — он никогда раньше так не делал — и поставил на стол поднос, накрытый для чая.

— Чтобы молодые леди могли немного подкрепиться, — сказал он.

Я была настолько озадачена, что не могла вымолвить ни слова. Я вообще не помню, чтобы он когда-нибудь поднимался на наш этаж.

— В связи с тем, что вы мне недавно задали вопрос, я взял на себя

смелость и немного огляделся, — продолжал мистер Бернхард, и его совиные глаза смотрели серьезно поверх очков. — Как я и думал, мне удалось кое-что найти.

— И что же? — выпалила я.

Мистер Бернхард сдвинул салфетку на подносе в сторону, и под ней оказалась книга.

— «Зеленый всадник», — сказал он. — Если меня не подводит память, вы искали именно это.

Лесли подскочила и схватила книгу.

— Но я смотрела эту книгу в библиотеке, там ничего особенного... — бормотала она.

Мистер Бернхард снисходительно улыбнулся ей.

— Я предполагаю, что причиной этому было то обстоятельство, что книга, которую вы видели в библиотеке, не была собственностью лорда Монтроуза. Я думаю однако, что этот экземпляр вас заинтересует.

Он слегка поклонился и вышел, а мы с Лесли тут же забрались на кровать. На пол упал листок бумаги, на котором миниатюрным почерком кто-то написал сотни цифр. От возбуждения щеки у Лесли горели.

— О боже, это шифр! — закричала она. — *Великолепно!* Я просто мечтала об этом. Теперь нам нужно только узнать, что он обозначает!

— Да, — сказал Ксемериус, висая на карнизе для занавесей. — Я частенько это слышал. Мне кажется, это одно из знаменитых последних предложений...

Но Лесли понадобилось меньше пяти минут, чтобы сообразить, что цифры указывают на отдельные буквы в тексте.

— Первая цифра — это номер страницы, вторая — строки, третья — слова, четвертая — буквы. Видишь? 14–22–6–3 означает на четырнадцатой странице, в двадцать второй строке, шестое слово, а в нем — третья буква. — Она потрясла головой. — Так просто! В каждой второй детской книжке упоминается, если я не ошибаюсь. Ладно, неважно... Значит, первая буква — «е».

Ксемериус, явно впечатленный, только кивал.

— Слушай свою подружку!

— Не забудь, что речь идет о жизни и смерти, — сказала Лесли. — Я не хочу потерять лучшую подругу, только потому, что она, немного поцеловавшись, оказалась не в состоянии пользоваться мозгом.

— Мои слова! — Это был Ксемериус.

— Тебе необходимо прекратить реветь, а вместо этого выяснить, что узнали Люси и Пол, — продолжала Лесли настойчиво. — Если тебя

сегодня снова пошлют элапсировать в 1956 год — просто попроси мистера Джорджа, — ты должна настоять на личном разговоре с дедушкой. Что это вообще за дурацкая идея — пойти в кафе! И на этот раз ты все запишешь, все, что он тебе расскажет, каждую подробность, слышишь? — Она вздохнула. — Ты уверена, что прозвучало *флорентийский Альянс*? Я нигде ничего не нашла по этому поводу. Нам обязательно нужно заглянуть в тайные рукописи, которые граф Сен-Жермен оставил Хранителям. Если бы Ксемериус только мог двигать предметы, он мог бы найти архивы, пройти через стену и просто прочитать...

— Да-да, попрекай меня бесполезностью, — обиженно сказал Ксемериус. — Мне понадобилось всего семь столетий, чтобы свыкнуться с мыслью, что я не могу перевернуть даже одну страницу в книге.

Раздался стук в дверь, и в комнату заглянула Каролина.

— Нас зовут к ленчу! Гвенни, за тобой и Шарлоттой через час заедут.

Я застонала.

— С Шарлоттой?

— Да, тетя Гленда сказала. Бедную Шарлотту используют как учительницу безнадежных талантов... или как-то так.

— Я не голодная, — сказала я.

— Мы сейчас спустимся, — сказала Лесли и толкнула меня под ребра. — Гвенни, ну-ка. У тебя еще будет время, чтобы купаться в жалости к самой себе. Сейчас тебе надо что-то поесть!

Я села и высморкалась.

— У меня сейчас не хватит нервов слушать язвительные замечания тети Гленды.

— Жаль. Тебе понадобятся крепкие нервы, чтобы выжить в ближайшее время. — Лесли потянула меня, и я встала на ноги. — Шарлотта и твоя тетя — очень хорошая тренировка для серьезного случая. Если ты переживешь ленч, то суаре тебе будет нипочем.

— А если и нет, то ты всегда можешь сделать харакири, — сказал Ксемериус.

Вместо приветствия, мадам Россини притянула меня к груди.

— Моя лебедушка! Наконец-то ты пришла. Я скучала по тебе.

— Я по вам тоже, — сказала я искренне.

Одно присутствие мадам Россини с ее бурлящей сердечностью и изумительным французским акцентом («лебедушка»! Если бы Гидеон мог слышать!) действовало на меня живительно и успокоительно одновременно. Она была бальзамом для моей пострадавшей самооценки.

— Ты будешь в восхищении, когда увидишь, что я сшила для тебя. Джордано почти плакал, когда я показала ему твои платья, так они хороши!

— Охотно верю, — сказала я.

Джордано наверняка плакал оттого, что сам не мог надеть эти платья. Но все-таки сегодня он был несколько дружелюбнее, не в последнюю очередь потому, что с танцами у меня на этот раз получалось намного лучше, а при помощи суфлирующего Ксемериуса я могла точно ответить, кто из лордов был приверженцем тори, а кто — вигов. (Ксемериус просто подглядывал через плечо Шарлотте, держащей в руках записи.) Собственную *легенду* — меня зовут Пенелопа Мари Грей, родилась в 1765 году — опять-таки благодаря Ксемериусу я отбарабанила без запинки, включая полные имена умерших родителей. Только с веером я никак не могла управиться, но Шарлотта сделала конструктивное предложение — я вообще не должна пользоваться им.

В конце занятия Джордано передал мне список со словами, которые я ни при каких условиях не должна использовать.

— До завтра выучить наизусть и усвоить! — прогундосил он. — В восемнадцатом веке нет никаких автобусов, дикторов новостей, пылесосов, ничего не «супер», не «классно» или «прикольно», никто не знает о расщеплении атома, коллагеновых кремах или озоновых дырах.

Да неужели? Пытаясь представить себе, какого черта я должна на суаре в восемнадцатом веке не устоять перед искушением построить предложение, в котором упоминались бы слова «диктор новостей», «озоновая дыра» и «коллагеновый крем», я вежливо сказала «окей», из-за чего Джордано снова взвизгнул:

— Не-е-е-ет! Именно не «окей»! Нет никаких «окей» в восемнадцатом веке, глупая девчонка!

Мадам Россини зашнуровала мне на спине корсаж. И снова я была удивлена, насколько он был удобен. Находясь внутри этой штуки, непроизвольно выпрямляешься. Вокруг бедер мне застегнули проволочный каркас, снабженный мягкой оболочкой (я могу себе представить, что в восемнадцатом веке было золотое время для широкобедрых и толстопопых женщин). Потом мадам Россини помогла мне надеть через голову темно-красное платье. Она застегнула длинный ряд крючочков и пуговиц на спине, пока я проходила пальцами по богатой вышивке по шелку. Эх, вот это была красота!

Мадам Россини медленно обошла вокруг меня, и на ее лице расцвела довольная улыбка.

— Волшебнo. *Magnifique*.^[27]

— Это платье для бала? — спросила я.

— Нет, это для суаре. — Мадам Россини приколола крошечные, изящные шелковые розочки вокруг круглого выреза. Она держала во рту булавки, поэтому говорила невнятно. — На суаре можно не пудрить волосы, и темный цвет будет фантастически выглядеть к этому оттенку красного. Точно, как я задумала. — Она лукаво подмигнула мне. — Ты произведешь фурор, лебедушка, *n'est ce pas?*^[28] Хотя это наверняка не то, что они планируют. Но что я могу сделать? — Она заломила руки, но, не в пример Джордано, ее маленькая фигура с черепашей шейей выглядела очень мило. — Ты красавица, и во что бы я тебя ни одела, ничего бы не помогло. Так, лебедушка, с этим все ясно. Теперь — бальное платье.

Бальное платье было бледно-голубого цвета с кремовой вышивкой и рюшами, и сидело на мне так же безукоризненно, как и красное. Вырез в нем был еще более потрясающим (если такое вообще возможно), а юбка колыхалась в метре от меня. Мадам Россини озабоченно взвесила мою косу в руках.

— Я пока точно не знаю, как правильно сделать. В парике тебе будет довольно неудобно, к тому же под ним придется спрятать целую копну собственных волос. Но у тебя такие темные волосы, что при помощи пудры у нас получится лишь отвратительный серый тон. *Quelle catastrophe!*^[29] — Она нахмурила лоб. — Ладно. На самом деле, ты соответствовала бы в таком виде *absolument*^[30] моде, но — небо! — это была ужасная мода.

Первый раз за этот день я не могла сдержать смех. «*Ётвратьительный! Южасьная*». Ах, как верно! Не только мода, но и Гидеон был *ётвратьительный* и *южасьный*, и даже *скверный*, во всяком случае, с этого момента я буду видеть его именно таким. (Хватит!)

Мадам Россини, по-видимому, не заметила, какое благотворное влияние она оказала на меня. Она все еще возмущалась тем периодом.

— Молодые девушки пудрили волосы, пока не выглядели, как бабушки — ужасно! Померяй-ка эти туфли. Имей в виду, что ты должна в них танцевать. Пока есть время их изменить.

Туфли — красные с вышивкой к красному, светло-голубые с золотой пряжкой к бальному платью — были удивительно удобными, хотя и выглядели как из музея.

— Это самые красивые туфли, которые я когда-либо носила, — сказала я в восхищении.

— Я надеюсь, — сказала мадам Россини с сияющим лицом. — Всё,

мой ангелочек, мы закончили. Постарайся сегодня лечь спать пораньше, завтра у тебя будет день полный волнений.

Пока я переодевалась, натягивая на себя джинсы и мой любимый темно-синий пуловер, мадам Россини поместила платья на безголовые манекены. Потом она посмотрела на часы и сердито наморщила лоб.

— Этот ненадежный юноша! Он должен был быть здесь уже четверть часа назад!

Мой пульс тут же подскочил.

— Гидеон?

Мадам Россини кивнула.

— Он очень несерьезно относится к одежде. Он думает, что это неважно — хорошо ли сидят брюки. Но это очень важно! Это даже ужасно важно, чтобы брюки хорошо сидели.

Ётвратьитьельный. Южасьный. Противный, — попробовала я свою новую мантру.

В дверь постучали. Это был тихий звук, но он разбил в щепки все мои твердые намерения.

Внезапно я не могла больше ждать, я должна была увидеть Гидеона моментально. И одновременно страшно боялась этой встречи. Еще раз такие мрачные взгляды я не переживу.

— А, — сказала мадам Россини. — Вот и он. Входите!

Я окаменела, но в дверь вошел не Гидеон, а рыжеволосый мистер Марли. Как всегда, нервничая, он неловко заикался:

— Я должен отвести Руб... э-э-э... мисс на элапсацию.

— Хорошо, — сказала я. — Мы как раз закончили.

Из-за мистера Марли мне ухмылялся Ксемериус. Перед примеркой я отослала его из комнаты.

— Я только что пролетел сквозь настоящего министра внутренних дел, — радостно сообщил он. — Это было классно!

— А где юноша? — грозно спросила мадам Россини. — Он должен был прийти на примерку!

Мистер Марли прочистил горло.

— Я видел только что Брилл... э-э-э... мистера де Вилльера, он разговаривал с другим Руб... э-э-э... с мисс Шарлоттой. С ним был его брат.

— *Tiens!*^[31] Мне это безразлично, — сказала гневно мадам Россини.

А мне нет, — подумала я. Мысленно я уже писала Лесли смс. Единственное слово: *харакири*.

— Если он сию же минуту здесь не появится, я пожалуйюсь Великому

мастеру, — сказала мадам Россини. — Где мой телефон?

— Мне очень жаль, — промямлил мистер Марли. Он смущенно вертел в руках черную полоску ткани. — Разрешите?..

— Конечно, — сказала я и со вздохом позволила ему завязать себе глаза.

— Этот выскочка, к сожалению, говорит не всю правду. Твой драгоценный камушек изо всех сил флиртует наверху с твоей кузиной. И его симпатичный братик тоже. И что парни находят в рыжеволосых? Кажется, они собрались идти в кино. Но я тебе не расскажу, иначе ты снова будешь рыдать.

Я покачала головой.

Ксемериус задрал голову к потолку.

— Я мог бы присмотреть за ними. Хочешь?

Я энергично закивала.

На всём долгом пути вниз мистер Марли упорно молчал, и я погрузилась в собственные угрюмые мысли. Только когда мы оказались в комнате с хронографом и мистер Марли освободил меня от повязки на глазах, я спросила:

— Куда вы меня сегодня отправите?

— Я... мы ждем, когда придет Номер девять... э-э-э... мистер Уитмен, — сказал мистер Марли и посмотрел мимо меня на пол. — У меня, разумеется, нет полномочий, чтобы пользоваться хронографом. Присядьте, пожалуйста.

Но только я упала на стул, как дверь открылась и вошел мистер Уитмен. И сразу за ним Гидеон.

Мое сердце тут же пропустило удар.

— Привет, Гвендолин, — сказал мистер Уитмен с типичной для Бельчонка очаровательной улыбкой. — Рад тебя видеть. — Он отодвинул драпировку, за которой был спрятан сейф. — Давай-ка отправим тебя на элапсацию.

Я почти не слышала, что он говорил. Гидеон был все еще очень бледен, но выглядел намного здоровее, чем вчера вечером. Огромный белый пластырь исчез, и я увидела рану у корней волос, минимум десять сантиметров длиной, края которой были скреплены многочисленными узкими полосками пластыря. Я ждала, что он что-то скажет, но он только смотрел на меня.

Ксемериус огромным прыжком выпрыгнул из стены и приземлился прямо возле Гидеона, от испуга я резкохватила ртом воздух.

— Упс! Вот он где! — сказал Ксемериус. — Я хотел тебя

предупредить, правда, золотко. Но я не мог выбрать, за кем бежать в первую очередь. Очевидно, Шарлотта переняла сегодня надзор за симпатичным братиком Гидеона. Они пошли есть мороженое. А потом пойдут в кино. Я бы сказал, что для ваших времен кино заменяет сеновал.

— С тобой все в порядке, Гвендолин? — спросил Гидеон и поднял одну бровь. — Такое впечатление, что ты нервничаешь — может, сигаретку для успокоения? Какую марку ты любишь? *Lucky Strike*?

Я была не в состоянии произнести ни звука.

— Оставь ее в покое, — сказал Ксемериус. — Ты что, не видишь, что она больна от любви, идиот? И кстати — от любви к тебе! Что ты вообще тут делаешь?

Мистер Уитмен достал тем временем хронограф и поставил его на стол.

— Ну-ка, ну-ка, давайте посмотрим, куда сегодня отправиться...

— Мадам Россини ждет вас на примерку, сэр, — обратился мистер Марли к Гидеону.

— Черт, — сказал Гидеон, на мгновение сбитый с толку. Он посмотрел на часы. — Я совсем забыл. Она очень сердилась?

— Она выглядела довольно раздраженной, — сказал мистер Марли.

В этот момент дверь снова открылась, и в комнату зашел мистер Джордж. Он запыхался, его лоб, как всегда, когда он был в напряжении, был покрыт крохотными капельками пота.

— Что тут происходит?

Мистер Уитмен сморщил лоб.

— Томас? Гидеон сказал, что ты еще беседуешь с Фальком и министром внутренних дел.

— Беседовал. Пока мне не позвонила мадам Россини и не сказала, что Гвендолин уже забрали на элапсацию, — сказал мистер Джордж. Впервые я видела его в гневе.

— Но... Гидеон утверждал, что ты ему поручил... — сказал мистер Уитмен, явно растерявшись.

— Я ничего не поручал. Гидеон, что происходит? — В небольших глазах мистера Джорджа от добродушия не осталось ни следа.

Гидеон скрестил на груди руки.

— Я думал, вы будете рады, если кто-то переймет у вас эту обязанность, — сказал он ровно.

Мистер Джордж промокнул капли пота носовым платком.

— Спасибо за заботу, — ответил он с весьма заметным сарказмом. — Но в этом нет нужды. Ты сию минуту отправляешься в ателье к мадам

Россини.

— Я бы хотел сопровождать Гвендолин, — сказал Гидеон. — После вчерашнего происшествия было бы лучше, если бы она была не одна.

— Ерунда, — возразил мистер Джордж. — Нет никаких причин подозревать, что ей угрожает какая-то опасность, до тех пор, пока она прыгает не слишком далеко.

— Так оно и есть, — сказал мистер Уитмен.

— Например, в 1956 год? — растянуто произнес Гидеон и смотрел при этом прямо в глаза мистеру Джорджу. — Сегодня утром я немного полистал Хроники. Нужно сказать, что 1956 год действительно производит впечатление очень спокойного. Чаще всего повторяется предложение «Никаких особых происшествий». Это как музыка в наших ушах, не так ли?

Сердце колотилось уже у меня в горле. Поведение Гидеона можно было объяснить, только если предположить, что он выяснил, чем именно вчера я была занята. Но, черт, как он мог это выяснить? Ладно, от меня пахло сигаретами, это могло быть подозрительным, но только поэтому он не мог знать, что произошло в 1956 году.

Мистер Джордж и бровью не повел. В лучшем случае, в его взгляде было некоторое непонимание.

— Это была не просьба, Гидеон. Мадам Россини ждет. Марли, вы тоже можете идти.

— Да, сэр, мистер Джордж, сэр, — пробормотал мистер Марли и почти отдал честь.

Когда за ним закрылась дверь, мистер Джордж метнул полный искр взгляд на Гидеона, который не двинулся с места. Мистер Уитмен тоже смотрел на него с небольшим удивлением.

— Чего ты ждешь? — спросил мистер Джордж холодно.

— Почему вы позволяете Гвендолин приземляться после прыжка среди бела дня? Разве это не против правил? — спросил Гидеон.

— О-о! — сказал Ксемериус.

— Гидеон, это не в твоей компетенции... — начал мистер Уитмен.

— Не имеет значения, когда она приземляется, — перебил его мистер Джордж. — Она оказывается в запертой подвальной комнате.

— Я боялась, — сказала я быстро и голос мой звучал пронзительно. — Я не хотела оказаться запертой в подвале ночью, рядом с катакомбами...

Гидеон перевел взгляд на меня и снова задрал бровь.

— О да, ты же маленькая трусиха, я совсем забыл. — Он тихо рассмеялся. — 1956 год был годом, когда вы стали членом ложи, мистер Джордж, я не ошибаюсь? Какое забавное совпадение.

Мистер Джордж нахмурил лоб.

— Не понимаю, к чему ты клонишь, Гидеон, — сказал мистер Уитмен. — Я предлагаю тебе отправиться к мадам Россини. Мистер Джордж и я — мы позаботимся о Гвендолин.

Гидеон снова посмотрел на меня.

— А я предлагаю следующее: я закончу с примеркой, а вы меня отправите вслед за Гвендолин, неважно, когда. Тогда ей будет нечего бояться ночью.

— Кроме тебя, — сказал Ксемериус.

— Ты уже выполнил свою норму на сегодня, — сказал мой учитель. — Но если Гвендолин боится... — Он бросил на меня сочувствующий взгляд.

Я не могла на него обижаться. Наверняка я выглядела испуганной. Сердце до сих пор колотилось в горле, и я была не в состоянии что-либо сказать.

— Я не возражаю, можем так и сделать, — сказал мистер Уитмен, пожимая плечами. — Ты не против, Томас?

Мистер Джордж медленно покачал головой, хотя у меня было впечатление, что он хотел произнести прямо противоположное.

На лице Гидеона мелькнула довольная улыбка, и он наконец-то сменил свою неподвижную позу возле двери.

— Увидимся позже, — сказал он торжествующе, и мне послышалась в этих словах угроза.

Дверь закрылась за ним, и мистер Уитмен вздохнул.

— Он стал странным, с тех пор как получил удар по голове, ты не находишь, Томас?

— Очень даже, — сказал мистер Джордж.

— Возможно, мы должны еще раз с ним побеседовать по поводу тона при разговоре со старшими по положению, — сказал мистер Уитмен. — Для своего возраста он слишком... Ну да ладно. Он испытывает серьезный стресс, это нужно тоже учитывать. — Он ободряюще посмотрел на меня. — Ну что, Гвендолин, ты готова?

Я встала.

— Да, — солгала я.

Рассечется безмолвие взмахом таинственных крыл,
ворон слышит, как песня умерших поется,
но окрепнет могущество все еще дремлющих сил,
и рубиновой магией старое время взорвется.
Древнею тайной веков осенён,
Венчает он круг и начало времен.

Лик брильянтовый, львиный оскал,
на ресницах его дремлет время.
И к тому, кто не ведая сам его ждал,
он придет разделить его бремя.

Но внезапно проклятье из древнего зла,
что подобно летящей комете,
замутнило брильянт, и потухли глаза
в угасающем солнечном свете.

Унисоном унылых застывших сердец
жаждет сущее час избавленья,
Ворон смертью своей предвещает конец
временам тем, что канут в забвенье.

Из Тайных рукописей графа Сен-Жермена.

Глава девятая

Я не стала спрашивать, в какой год меня отправляют, потому что это не имело значения.

Все выглядело точно так же, как при моем последнем посещении. Зеленый диван стоял посреди комнаты, и я зло посмотрела на него, как будто это он был во всем виноват. Как и в прошлый раз, возле стены стояли поставленные друг на друга стулья. Я боролась сама с собой. Должна ли я вынуть всё из тайника? Если Гидеон что-то заподозрил, первое, о чем он подумает, будет «надо обыскать помещение». Или нет? Я могла бы спрятать содержимое тайника где-нибудь в коридоре и успеть вернуться еще до того, как появится Гидеон...

Я лихорадочно стала раздвигать стулья, но потом передумала. Во-первых, ключ я не сумела бы спрятать — ведь мне пришлось бы опять запереть дверь. А во-вторых, даже если Гидеон найдет тайник, как он сумеет доказать, что он предназначен для меня? Я бы только выставила себя дурочкой.

Я аккуратно поставила стулья на место и постаралась замести изобличающие следы, оставленные в пыли. Потом я проверила, заперта ли дверь в действительности и уселась на диван.

Мое состояние напоминало мне ситуацию четыре года тому назад, когда мы с Лесли должны были в кабинете директора Гиллса ждать, пока у него появится время отчитать нас за историю с лягушкой. По сути, мы не сделали ничего плохого. Это Синтия переехала лягушку на велосипеде, и поскольку она не проявила соответствующего чувства вины («Это ж просто дурацкая лягушка!»), Лесли и я, пылающие гневом, решили отомстить за бедную лягушку. Мы хотели похоронить ее в парке, но до этого (ведь она все равно уже была мертвая), чтобы немного встряхнуть Синтию и заставить ее быть чувствительней, мы решили устроить еще одну встречу — на этот раз в супе в тарелке Синтии. Кто мог предположить, что Синтия при первом же взгляде на лягушку впадет в истерику?.. Во всяком случае, директор Гиллс разговаривал с нами, как с преступницами, и, к сожалению, не забыл этот эпизод до сих пор. Если он нас встречает в одном из школьных коридоров, он тут же вспоминает: «А-а-а, злые девочки с лягушкой», и каждый раз нам делается очень неприятно.

Я закрыла на минутку глаза. У Гидеона не было причины плохо ко мне относиться. Я не сделала ничего плохого. Постоянно я слышу, что мне

нельзя доверять, мне завязывают глаза, никто не отвечает на мои вопросы — это же естественно, что я попыталась другим способом выяснить, что здесь происходит. Или нет?

Ну где же он? От лампочки на потолке послышался треск и свет немного помигал. В подвале было холодно. Может, они меня отправили в одну из послевоенных холодных зим, о которых рассказывала бабушка Мэдди? Водопроводы тогда полностью замерзли, а на улицах лежали затвердевшие от холода трупы животных. Я попробовала, выходит ли из моего рта пар при дыхании. Нет, не тот случай.

Опять начал мигать свет, и я испугалась. Вдруг мне придется сидеть в темноте? В этот раз никто не подумал о фонарике, вообще, нельзя сказать, что кто-либо позаботился обо мне. В темноте крысы осмелеют и выйдут из своих нор. Может, они очень голодные... А где живут крысы, там и тараканы должны быть. И призрак однорукого тамплиера, о котором рассказывал Ксемериус, тоже может сюда заглянуть.

К-р-р-р-р-к.

Это была лампочка.

Постепенно я пришла к убеждению, что присутствие Гидеона в любом случае предпочтительнее присутствия крыс и призраков. Но он не появлялся. Вместо этого свет мигал так, как будто вот-вот погаснет.

В детстве, когда мне было страшно в темноте, я всегда пела, и сейчас я автоматически поступила точно так же. Сначала совсем тихо, потом всё громче. В конце концов, тут не было никого, кто мог бы меня услышать.

Пение помогло справиться со страхом. И с холодом. Через пару минут даже лампочка перестала мигать. Но снова начала, когда я стала петь песни Марии Мена,^[32] да и Эмилиана Торрини,^[33] похоже, ей не понравилась. Зато все песни АВБА она встречала спокойным ровным светом. К сожалению, я знала не много слов из песен группы. Но лампочка принимала и простое «ля-ля-ля... one chance in a lifetime... ля-ля-ля...»

Я пела несколько часов. Во всяком случае, мне так показалось. После *The winner takes it all* (не имеющая себе равных песня для Лесли в любовных переживаниях) я начала сначала, затянув *I wonder*. При этом я танцевала по всей комнате, чтобы не замерзнуть. После третьей *Mamma mia* я была убеждена, что Гидеон не появится.

Проклятье! Я могла бы без проблем пробраться наверх. Я спела *Head over heels*, потом *You're wasting my time* — и вдруг он стоял уже возле дивана.

Я захлопнула рот и посмотрела на него с упреком.

— Почему ты так поздно?

— Могу себе представить, что время для тебя тянулось. — Его взгляд был по-прежнему холодным и странным. Он подошел к двери и потряс ручку. — Все же тебе хватило ума не выходить из комнаты. Ты же не могла знать, когда я появлюсь.

— Ха-ха, — сказала я. — Это шутка?

Гидеон прислонился спиной к двери.

— Гвендолин, передо мной тебе не надо строить из себя невинную овечку.

Я с трудом выдерживала холод его взгляда. Зелень глаз, которую я так любила, приняла цвет зеленого фруктового желе. Мерзкого, из школьной столовой.

— Почему ты разговариваешь со мной таким тоном?

Лампочка снова замигала. Наверное, ей не хватало песен ABBA в моем исполнении.

— У тебя случайно нет с собой запасной лампочки?

— Тебя выдал запах сигарет. — Гидеон вертел в руке фонарик. — Я справился кое о чем и сложил один плюс один.

Я сглотнула.

— Что уж такого плохого в том, что я курила?

— Ты не курила. И ты не так хорошо умеешь лгать, как ты думаешь. Где ключ?

— Какой ключ?

— Ключ, который мистер Джордж тебе дал с собой, чтобы ты могла встретиться с ним и с твоим дедушкой в 1956 году. — Он сделал шаг ко мне. — Если ты умна, то спрятала его где-нибудь здесь, если нет — носишь с собой. — Он подошел к дивану и стал сдергивать одну за другой подушки, бросая их на пол. — Здесь, во всяком случае, его нет.

Я пораженно смотрела на него.

— Мистер Джордж не давал мне никакого ключа! Честное слово! А насчет сигаретного дыма...

— Это был не только дым от сигарет. От тебя пахло и сигарами, — сказал он спокойно. Его взгляд скользнул по комнате и остановился на гряде стульев возле стены.

Меня снова стало морозить и, как по сговору, лампочка стала мигать чаще.

— Я... — начала я нерешительно.

— Да? — сказал Гидеон подчеркнуто дружелюбно. — Ты выкурила еще и сигару? В дополнение к трем *Lucky Strike*? Ты это хотела сказать?

Я молчала.

Гидеон наклонился и осветил фонариком под диваном.

— Мистер Джордж написал тебе записку с паролем или ты выучила его наизусть? И как ты умудрилась пройти обратно через Цербер-стражу, чтобы они не упомянули об этом в протоколе?

— Какого черта! О чем вообще ты говоришь? — выпалила я.

Это должно было прозвучать возмущенно, но на самом деле слышалось слегка испуганно.

— Вайолет Пэрпллам — что за странное имя! Ты так не считаешь? Слышала его уже когда-нибудь?

Гидеон уже выпрямился и смотрел на меня. Нет, фруктовое желе было неправильным сравнением для его глаз. Сейчас они источали ядовито-зеленый свет.

Я медленно покачала головой.

— Странно, — сказал он. — А ведь она друг вашей семьи. Когда я случайно назвал это имя Шарлотте, она рассказала, что милейшая миссис Пэрпллам всегда вяжет очень колючие шарфы.

Ох. Проклятая Шарлотта! Неужели она не может один раз промолчать?

— Неправда, — сказала я. — Колючие — только для Шарлотты. Наши шарфы всегда мягкие.

Гидеон откинулся на диване и скрестил руки на груди. Фонарик светил в потолок, где все еще нервно мигала лампочка.

— В последний раз. Где ключ, Гвендолин?

— Я клянусь, мистер Джордж не давал мне никакого ключа, — сказала я, отчаянно пытаясь ограничить последствия катастрофы. — Он вообще не имеет к этому никакого отношения.

— Ах, никакого отношения? Как я уже говорил, ты не очень хорошо умеешь врать. — Он осветил фонариком на стулья. — На твоем месте, я бы спрятал ключ под обивкой одного из стульев.

Окей. Пусть обыскивает обивку. Это займет у него все время до нашего обратного прыжка. Осталось, наверное, не так уж и долго ждать.

— С другой стороны... — Гидеон качнул фонариком так, что круг света оказался прямо на моем лице. — С другой стороны, это был бы Сизифов труд.

Я сделала шаг в сторону и рассерженно сказала:

— Прекрати!

— И не стоит равнять других по себе, — продолжил Гидеон. В мигающем свете лампы его глаза стали еще темнее, и я внезапно ощутила страх. — Может, ключ просто лежит у тебя в кармане. Дай сюда! — Он

протянул руку.

— Черт побери, у меня нет никакого ключа!

Гидеон медленно приближался ко мне.

— На твоём месте я бы отдал его добровольно. Но, как я уже сказал, не стоит равнять других по себе.

В этот момент лампочка испустила дух.

Гидеон стоял передо мной, фонарик освещал стену. Кроме этого маленького пятна, в комнате было абсолютно темно.

— Итак?

— Не подходи ближе, — сказала я.

Я сделала несколько шагов назад, пока не уперлась спиной в стену. Ещё позавчера мне хотелось, чтобы он был как можно ближе. Но сейчас мне казалось, что я нахожусь в комнате с кем-то совершенно чужим. Внезапно меня охватил гнев.

— Что с тобой происходит? — накинулась я на него. — Я тебе ничего не сделала! Я не могу понять, как ты можешь в один день меня целовать, а в другой — ненавидеть. Почему?!

Слезы хлынули так быстро, что я не сумела их удержать, они так и текли по щекам. Хорошо, что в темноте их нельзя было разглядеть.

— Может быть, потому, что мне не нравится, когда мне лгут? — Несмотря на мое предупреждение Гидеон подошел ещё ближе, и мне уже некуда было отходить. — Особенно, если это делают девушки, которые в один день бросаются мне на шею, а на следующий день — поручают избить меня.

— Что ты такое говоришь?

— Я тебя *видел*, Гвендолин.

— Что?! Где ты меня видел?

— Во время моего прыжка вчера утром. У меня было небольшое задание, но я успел пройти всего пару метров, когда ты появилась у меня на пути — как фата моргана. Ты посмотрела на меня и улыбнулась, как будто радуясь нашей встрече. Потом повернулась и исчезла за поворотом.

— Когда это всё происходило? — Я была настолько сбита с толку, что даже перестала плакать на пару секунд.

Гидеон проигнорировал мой вопрос.

— Когда я через секунду оказался на этом повороте, то получил удар по голове и, к сожалению, не был в состоянии выяснить, в чем дело.

— Это я... эту рану нанесла тебе я? — Слезы снова потекли у меня по щекам.

— Нет, — сказал Гидеон. — Не думаю. У тебя ничего не было в руках,

когда я тебя увидел, кроме того, я сомневаюсь, что ты можешь ударить так сильно. Нет, ты только заманила меня за угол, где меня уже кто-то ждал.

Исключено. Абсолютно исключено.

— Я бы никогда так не поступила. — Мне еле-еле удалось выдавить из себя более-менее отчетливо эти слова. — Никогда!

— Я тоже был несколько шокирован, — небрежно сказал Гидеон. — Я-то думал, что мы с тобой... друзья. Но когда ты вчера вернулась с элапсаций и от тебя пахло сигаретами, я подумал, что ты могла мне все это время врать. Дай сюда ключ!

Я вытерла слезы, но они продолжали безостановочно течь. С большим трудом мне удалось подавить всхлип, и за это я себя ненавидела еще больше.

— Если все это правда, почему ты всем остальным сказал, что не видел, кто тебя ударил?

— Потому что это правда. Я не видел, кто это был.

— Но ты ничего не сказал обо мне. Почему?

— Потому что мистер Джордж уже давно... *Ты что, плачешь?*

Фонарик осветил мне в лицо, и, ослепленная, я закрыла глаза. Я, наверное, выглядела как бурундук. Зачем я накрасила ресницы тушью?!

— Гвендолин... — Гидеон выключил фонарик.

Что теперь? Обыск в темноте?

— Уходи, — сказала я всхлипывая. — У меня нет ключа, клянусь. И кого бы ты ни видел, это не могла быть я. Я никогда, *ни-ког-да* не позволю кому-нибудь ранить тебя.

Хоть в темноте было не видно, но я чувствовала, что Гидеон стоит рядом со мной. Его тело излучало в темноте тепло, как обогреватель. Когда его рука коснулась моей щеки, я вздрогнула. Он быстро забрал руку.

— Мне очень жаль, — услышала я его шепот. — Гвен, я...

Внезапно он звучал беспомощно, но я была слишком ошарашена, чтобы радоваться этому.

Не знаю, сколько времени мы так стояли. У меня все еще текли по щекам слезы. В темноте было не видно, что он делает.

В какой-то момент он снова включил фонарик, прочистил горло и осветил свои часы.

— Еще три минуты до обратного прыжка, — сказал он деловым тоном. — Тебе нужно выйти из угла, иначе ты приземлишься на сундук.

Он вернулся к дивану и поднял подушки, которые раньше бросил на пол.

— Знаешь, из всех Хранителей мистер Джордж казался мне самым

лояльным. Тем, кому всегда можно верить.

— Но мистер Джордж действительно не имеет к этому никакого отношения, — сказала я, медленно выходя из угла. — Все было иначе. — Я вытерла слезы тыльной стороной ладони.

Будет лучше, если я ему расскажу правду, тогда он хотя бы не станет подозревать бедного мистера Джорджа в нелояльности.

— Когда меня первый раз отправили одну на элапсацию, я случайно встретила дедушку. — Окей, пусть *не всю* правду. — Он искал вино... ну неважно. Это была странная встреча, особенно, когда мы поняли, кто мы друг другу. Он спрятал ключ и пароль в этой комнате, чтобы в следующий раз мы могли с ним встретиться. Поэтому я вчера, то есть, в 1956 году, нанесла визит как Вайолет Пэрпллам. Чтобы встретиться с дедушкой! Прошло всего пару лет с его смерти, и я страшно скучаю по нему. Разве бы ты не сделал то же самое, если бы у тебя была возможность? Опять разговаривать с ним — это было... — Я умолкла.

Гидеон молчал. Я смотрела на его силуэт и ждала.

— А мистер Джордж? Он тогда был уже ассистентом у твоего деда, — сказал он наконец.

— Я действительно его коротко видела, мой дедушка сказал ему, что я его кузина Хэйзел. Он наверняка это давно забыл — для него это была ничего не значащая встреча, после которой прошло не много не мало — пятьдесят пять лет. — Я положила руку на живот. — Мне кажется...

— Да, — сказал Гидеон. Он протянул руку, но тут же передумал. — Сейчас начнется, — сказал он только обессиленно. — Подойди еще чуть поближе.

Комната начала вращаться вокруг меня, я моргнула несколько раз из-за яркого света и мистер Уитмен сказал: «А вот и вы».

Гидеон положил фонарик на стол и коротко глянул на меня. Может, мне только показалось, что во взгляде на этот раз было сочувствие. Я украдкой вытерла еще раз лицо, но мистер Уитмен все-таки заметил, что я плакала. Кроме него, в комнате никого не было. Ксемериус наверняка заскучал.

— Что случилось, Гвендолин? — спросил мистер Уитмен тоном чуткого наставника. — Что-то случилось?

Если бы я его не знала так хорошо, я бы могла не устоять перед искушением снова расплакаться и рассказать все, что было у меня на сердце. («Плохо-ой Гидео-он меня-я дра-азнил!») Но я слишком хорошо его знала. Этим же тоном он на прошлой неделе выяснял, кто нарисовал на доске карикатуру на миссис Каунтер. «Я считаю, что у художника

настоящий талант», — сказал он и при этом весело улыбался. И тут же Синтия (а кто еще?!) выдала, что это была Пегги, и мистер Уитмен тут же перестал улыбаться и занес в классный журнал предупреждение. «Насчет таланта я сказал правду. Твой талант попадать в неприятности достоин похвалы», — добавил еще он.

— Ну? — он и сейчас улыбался доверительно и сочувственно.

Но меня на эту удочку не поймаете.

— Крыса, — проямлила я. — Вы сказали, что там нет... А лампочка потухла, а вы не дали мне фонарик. Я была одна в темноте с этой гадкой крысой.

Еще чуть-чуть и я бы сказала «Я все расскажу маме», но вовремя спохватилась.

Мистер Уитмен выглядел несколько озадаченно.

— Мне очень жаль, — сказал он. — В следующий раз мы не забудем. — Он перешел на учительский тон. — Сейчас тебя отвезут домой. Я рекомендую тебе лечь пораньше спать, завтра будет сложный день.

— Я провожу ее к машине, — сказал Гидеон, беря со стола черную повязку, которой мне всегда завязывали глаза. — А где мистер Джордж?

— На совещании, — ответил мистер Уитмен, нахмутив лоб. — Гидеон, мне кажется, тебе следует подумать о том, как ты общаешься. Мы многое тебе прощаем, поскольку знаем, что у тебя сейчас сложный период, но ты должен проявлять больше уважения к членам Внутреннего круга.

В лице Гидеона ничего не шелохнулось. Но от вежливо ответил:

— Вы правы, мистер Уитмен. Прошу прощения. — Он протянул мне руку. — Идем?

Я почти уже протянула ему руку навстречу, это был рефлекс. И тут же почувствовала укол, поняв, что не могу этого сделать, если не хочу окончательно потерять лицо. Я готова была снова заплакать.

— Э-э-э... до свидания, — сказала я мистеру Уитмену, глядя напряженно себе под ноги.

Гидеон открыл дверь.

— До завтра, — сказал мистер Уитмен. — И не забудьте оба: хорошо выспаться — лучшая подготовка.

Дверь за нами захлопнулась.

— Значит, одна в подвале с гадкой крысой, — ухмыльнулся Гидеон.

Я не верила своим глазам. Два дня он награждал меня ледяными взглядами, в последние пару часов такими, которые могли заморозить меня, как бедных животных в послевоенные зимы. А сейчас? Шуточки, как будто ничего не случилось? Может быть, он садист и получает удовольствие

только когда вдоволь поиздевается надо мной?

— Ты не собираешься завязать мне глаза?

Я все еще не была в настроении слушать его глупые шутки, он должен был это почувствовать.

Гидеон пожал плечами.

— Я предполагаю, ты уже знаешь дорогу. Можем спокойно обойтись без повязки. Идем.

И снова дружелюбная ухмылка.

Впервые я увидела, как выглядят коридоры в наше время. Они были оштукатурены, вделанные в стены светильники, кое-где даже с датчиками движения, прекрасно освещали весь путь.

— Не слишком впечатляет, да? — сказал Гидеон. — Все проходы, которые ведут наружу оснащены специальными дверями и охранной сигнализацией, в наше время здесь так же надежно, как в банковском сейфе. Но все устройства появились только в семидесятых годах, а до этого отсюда можно было по подземным ходам прогуляться по половине Лондона.

— Мне все равно, — сказала я хмуро.

— А о чем бы ты хотела поговорить?

— Ни о чем. — Как он мог вести себя так, как будто ничего не произошло! Его дурацкая улыбка и непринужденный тон по-настоящему разозлили меня. Я пошла быстрее, и хотя изо всех сил сжимала губы, не удержала слова, которые вырвались из меня. — Я так не умею, Гидеон. Меня не устраивает, что ты попеременно то целуешь меня, то обращаешься со мной, как будто ты меня ненавидишь.

Гидеон какое-то время молчал.

— Я бы больше хотел тебя все время целовать, чем ненавидеть, — сказал он после паузы. — Но ты не облегчаешь мне задачу.

— Я ничего тебе не сделала, — сказала я.

Он остановился.

— Ну перестань, Гвендолин! Ты же не думаешь всерьез, что я поверил твоей истории насчет дедушки? Как будто он мог случайно оказаться в помещении, где ты элапсируешь! Точно так же случайно, как Люси и Пол оказались у леди Тилни. Или мужчины в Гайд-Парке.

— О, точно, я лично их туда направила, потому что мне всегда хотелось проткнуть кого-нибудь шпагой. А также встретиться с мужчиной, у которого нет половины лица, — прошипела я.

— Что и почему ты сделаешь в будущем...

— Ах, закрой рот! — крикнула я, полная ярости. — Мне осточертело

все это! С понедельника я живу, как в страшном сне, который никак не кончится. Думаю, что проснулась, но тут же замечаю, что еще сплю. У меня в голове миллион вопросов, на которые никто не дает ответов, но зато все ожидают, что я буду из всех сил стараться ради того, чего я вообще не понимаю! — Я двинулась дальше, перейдя почти на бег, но Гидеон не отставал. Возле лестницы не было никого, кто поинтересовался бы паролем. Да и зачем, если все проходы были обезопасены, как в Форт-Ноксе? Я перепрыгивала через ступеньку. — Никто меня даже не спросил, хочу ли я вообще во всем этом участвовать. Я должна учиться у какого-то придурочного учителя танца, которые постоянно оскорбляет меня, моя дорогая кузина имеет возможность продемонстрировать мне всё, что она умеет и чему я никогда не научусь, а ты... ты...

Гидеон качал головой.

— Эй, а ты не пробовала встать на мое место? — Куда делось его спокойствие! — Со мной происходит нечто похожее! И как бы ты себя вела, если бы точно знала, что рано или поздно я устрою так, что тебе кто-то треснет по голове? Не думаю, что в этих обстоятельствах ты все еще интересовалась бы мной или симпатизировала мне. Или?

— Я и сейчас этого не делаю, — сказала я резко. — Знаешь что? Пожалуй, я уже могу себе представить, что мне доставило бы удовольствие врезать тебе дубиной по башке.

— Ну вот, пожалуйста, — сказал Гидеон и снова ухмыльнулся.

Я просто кипела от ярости. Мы проходили мимо ателье мадам Россини. Под дверью виднелась полоска света. Наверное, она еще работала с нашими костюмами.

Гидеон откашлялся.

— Я уже говорил — мне очень жаль. Может быть, мы могли бы теперь нормально поговорить?

Нормально! Это просто смешно!

— А что ты делаешь сегодня вечером, — спросил он в самом лучшем дружески-безобидном тоне.

— Я, конечно, буду старательно репетировать менуэт, а перед сном поупражняюсь в составлении предложений, в которых не будет слов «пылесос», «часы для измерения пульса», «бег трусцой» и «трансплантация сердца». А ты?

Гидеон посмотрел на часы.

— Я встречаюсь с Шарлоттой и братом и... посмотрим. В конце концов, сегодня субботний вечер.

О, разумеется. Пусть смотрят, сколько хотят, мне все надоело.

— Спасибо за то, что проводил, — сказала я так холодно, как могла. — Отсюда я сама дойду до машины.

— Мне все равно по пути, — сказал Гидеон. — И ты спокойно можешь перестать нестись со всех ног. Мне нельзя перенапрягаться. Распоряжение доктора Уайта.

И хотя меня переполняла злость, в какой-то момент я почувствовала укоры совести. Я посмотрела на него искоса.

— Если за следующим углом кто-то тебя снова стукнет по голове, не говори, что я тебя туда заманила.

Гидеон рассмеялся.

— *Пока* ты на такое не способна.

Никогда я не буду на такое способна, мелькнуло у меня в голове. Независимо от того, как ужасно бы он ко мне ни относился. Я никогда не допущу, чтобы кто-то сделал ему больно. Кого бы он ни видел — это не могла быть я.

Арка впереди нас осветилась вспышкой от фотоаппарата. Хотя было уже темно, в Темпле находилось еще много туристов. На парковке за аркой стоял черный лимузин, который был мне хорошо знаком. Когда мы подошли, водитель вышел и открыл мне дверцу. Гидеон подождал, пока я усядусь в машину, и наклонился ко мне.

— Гвендолин?

— Да?

Было слишком темно, чтобы разглядеть его лицо.

— Я бы хотел, чтобы ты мне больше доверяла.

Слова прозвучали так серьезно и искренне, что я на какое-то мгновение лишилась способности разговаривать.

— Я бы хотела, чтобы это было возможно, — сказала я, преодолев слабость.

И только после того, как он захлопнул дверцу и лимузин тронулся, я сообразила, что лучшим ответом было бы «Я хотела бы того же от тебя».

Глаза мадам Россини сияли от восторга. Она взяла меня за руку и подвела к огромному зеркалу, чтобы я сумела оценить результаты ее усилий. С первого взгляда я едва себя узнала. Самым большим изменением оказались мои обычно ровные волосы, которые были завиты в многочисленные локоны и сложены в гигантскую прическу, похожую на ту, которая была у моей кузины Джанет на ее свадьбе. Отдельные пряди, завитые спиралью, падали на мои обнаженные плечи. Темно-красный цвет платья делал меня еще бледнее, хотя я и так была уже бледна, но я не

выглядела нездоровой, наоборот, моя кожа светилась. Мадам Россини немного напудрила мне нос и лоб и нанесла немного румян на скулы, и хотя вчера я поздно легла спать, но ее искусство макияжа убрало все тени вокруг глаз.

— Как Белоснежка, — сказала мадам Россини и, растроганная, промокнула уголки глаз кусочком ткани. — Красна, как кровь, бела, как снег, черна, как черное дерево.^[34] Они будут меня ругать, потому что ты будешь бросаться в глаза всем без исключения. Покажи-ка мне свои ногти, да, *très bien*, очень хорошо — чистые и короткие. А ну-ка покачай головой. Нет-нет, можно сильнее, эта прическа должна продержаться целый вечер.

— Такое впечатление, что у меня на голове шляпа, — сказала я.

— Ты привыкнешь, — ответила мадам Россини, укрепляя мою прическу лаком для волос.

В дополнении к приблизительно одиннадцати фунтам заколок, которые удерживали эту гору локонов, были еще заколки для красоты, они были украшены такими же розочками, что и на вырезе моего платья. Очень мило!

— Всё... ты готова, моя лебедушка. Хочешь, чтобы я снова тебя сфотографировала?

— О да, да, пожалуйста! — Я оглянулась, ища сумку с мобильником. — Лесли меня убьет, если я не запечатлею это мгновение.

— Я бы с удовольствием сделала фото вас обоих, — сказала мадам Россини, щелкнув минимум десять раз, сняв меня со всех сторон. — Тебя и этого невоспитанного юноши. Чтобы было видно, как прекрасно и одновременно ненавязчиво согласуются ваши одежды друг с другом. Но о Гидеоне заботится Джордано. Я отказалась дискутировать в очередной раз о необходимости узорчатых чулок. Что слишком, то слишком.

— Эти чулки совсем не плохи, — сказала я.

— Это потому, что, хотя они и выглядят как чулки из того времени, они намного удобнее благодаря эластану, — объяснила мадам Россини. — Раньше такая резинка от чулок могла передавить полностью бедро, твоя же — просто украшение. Конечно, я не думаю, что кто-то захочет заглянуть тебе под юбку, но если и да, никто не сумеет ничего возразить, *n'est ce pas?* — Она хлопнула в ладоши. — *Bien*, я звоню наверх и сообщаю, что ты готова.

Пока она говорила по телефону, я снова подошла к зеркалу. Я была возбуждена. Все сегодняшнее утро я решительно изгоняла Гидеона из своих мыслей, и мне это даже более-менее удалось, но ценой этому стали неотвязные мысли о графе Сен-Жермене. К страху перед очередной

встречей с графом примешивалось необъяснимое предвкушение самого суаре. Это предвкушение пугало меня.

Мама разрешила Лесли переночевать у нас прошлую ночь, поэтому вечер получился очень приятным. Проанализировать произошедшее с Лесли и Ксемериусом пошло мне явно на пользу. Может, они хотели только меня подбодрить, но и Лесли, и Ксемериус считали, что у меня пока нет причины прыгать с моста от неразделенной любви. Они оба утверждали, что в свете обстоятельств у Гидеона были уважительные причины для такого поведения, а Лесли сказала, что ради равноправия полов нужно и за парнями признавать право иметь фазы с плохим настроением, и что она чувствует абсолютно точно, что в глубине души он очень славный парень.

— Ты же не знаешь его! — Я помотала головой. — Ты это говоришь только потому, что знаешь, что я хочу это услышать.

— Да, а еще потому, что я хочу, чтобы это оказалось правдой, — сказала Лесли. — Если в конце концов он выставит себя придурком, я лично найду его и врежу по роже! Обещаю.

Ксемериус довольно поздно вернулся домой, до этого он, по моей просьбе, следил за Шарлоттой, Гидеоном и Рафаэлем.

В отличие от него, нам было очень интересно узнать все о Рафаэле.

— Если вы меня спросите, то я считаю, что малыш слишком хорошо выглядит, — ворчал Ксемериус. — И он хорошо об этом осведомлен.

— О, Шарлотта — как раз правильный адрес для него, — сказала довольным тоном Лесли. — Наша ледяная принцесса до сих пор умела лишать жизнерадостности любого.

Мы уселись на широкий подоконник, а Ксемериус расположился на столе, аккуратно обернулся хвостом и начал свой рапорт.

Сначала Шарлотта и Рафаэль пошли в кафе-мороженое, потом — в кино, а потом встретились с Гидеоном в итальянском ресторане. Лесли и я хотели знать все подробности, от названия фильма до того, с чем была пицца, до последнего сказанного слова. По словам Ксемериуса, Шарлотта и Рафаэль упорно не находили общего языка. Рафаэль с удовольствием пообсуждал бы разницу между французскими и английскими девушками и их сексуальное поведение, а Шарлотта постоянно возвращалась к лауреатам Нобелевской премии в литературе за последние десять лет, что привело к тому, что Рафаэль откровенно стал скучать и вызывающе провожал глазами каждую проходящую мимо девушку. И в кино (к огромному удивлению Ксемериуса) Рафаэль даже не попытался потискаться с Шарлоттой, наоборот, через десять минут он заснул и спал глубоко и крепко. Лесли сказала, это было самое приятное, что она за

последнее время слышала, и я полностью была с ней согласна.

Потом мы, конечно, захотели узнать, говорили ли Гидеон, Шарлотта и Рафаэль обо мне, когда сидели в ресторане, и Ксемериус (несколько неохотно) передал следующий возмутительный диалог (который я как бы синхронно переводила для Лесли):

Шарлотта: Джордано очень переживает, что Гвендолин завтра сделает неправильно всё, что только можно сделать неправильно.

Гидеон: Передай мне, пожалуйста, оливковое масло.

Шарлотта: Политика и история для Гвендолин — тайна за семью печатями, а имена она не запоминает — ей заходит в одно ухо и выходит через другое. Она не виновата, ее мозг просто неспособен накопить такое количество информации. Он забит именами поп-групп, состоящих из юношей, и длинным списком актеров в дешевых любовных фильмах.

Рафаэль: Гвендолин — это твоя кузина, которая путешествует во времени? Я видел ее вчера в школе. У нее длинные темные волосы и голубые глаза, если я не ошибаюсь?

Шарлотта: Да, и родинка на виске в виде банана.

Гидеон: В виде маленького полумесяца.

Рафаэль: А как зовут ее подругу? Блондинку с веснушками? Лилли?

Шарлотта: Лесли Хей. Чуть больше мозга, чем у Гвендолин, но при этом — лучший пример тому, что хозяйка похожа на своих собак. У нее помесь золотистого ретривера. Его зовут Берти.

Рафаэль: Как мило.

Шарлотта: Ты любишь собак?

Рафаэль: Больше всего помеси золотистого ретривера с веснушками.

Шарлотта: Понимаю. Ты можешь попытаться счастья. Больших проблем быть не должно. У Лесли парни меняются еще чаще, чем у Гвендолин.

Гидеон: Правда? И как много... э-э-э... парней было уже у Гвендолин?

Шарлотта: О господи! Фух! Мне как-то даже неловко. Я не хочу говорить о ней ничего плохого, но дело в том, что она особо не перебирает, особенно, когда выпьет. В нашем классе она перепробовал всех парней, и парней, что на класс старше... В какой-то момент я просто потеряла счет. А уж кличку, которую они ей дали, я даже произносить не хочу.

Рафаэль: Школьная подстилка?

Гидеон: Передай мне, пожалуйста, соль.

Когда Ксемериус добрался до этого места своего рассказа, я вскочила, чтобы тут же спуститься и задушить Шарлотту, но Лесли удержала меня и

сказала, что месть хороша в холодном виде. Мой аргумент, что мной движет не месть, а кровожадность, ее не убедил. Кроме того, она сказала, что если Гидеон и Рафаэль хотя бы наполовину так умны, как красивы, то они не поверят ни одному слову Шарлотты.

— Мне кажется, Лесли действительно выглядит немного как золотистый ретривер, — сказал Ксемериус и под моим укоризненным взглядом тут же добавил: — Я люблю собак, ты же знаешь! Это такие умные животные.

Да, Лесли была на самом деле умна. Ей удалось расшифровать книгу о Зеленом всаднике. Правда, результат этого кропотливого труда, несколько разочаровал. Это был очередной шифр из цифр и двух букв с какими-то странными черточками.

Пятьдесят-один ноль три ноль четыре один точка семь
восемь н запятая ноль ноль ноль восемь четыре девять точка
девять один о.

Уже почти наступила полночь, когда мы через весь дом пробрались в библиотеку, то есть, это мы с Лесли пробирались, Ксемериус полетел туда раньше.

Там почти час мы искали по всем полкам новые указания. Пятьдесят первая книга в третьем ряду... Пятьдесят пятый ряд, тридцатая книга, страница четыре, строка семь, восьмое слово... Неважно, с какого бы угла мы ни начинали счет, смысл все равно не появлялся. В конце концов мы стали вытаскивать наугад книги и трясти их, в надежде найти новую записку. Ничего не было. Но Лесли не теряла уверенности. Она записала шифр на листке бумаги, который теперь постоянно доставала из кармана и разглядывала.

— Это что-то означает, — бормотала она непрерывно себе под нос. — И я выясню, что именно.

После этого мы наконец отправились спать. А утром будильник безжалостно вырвал мне из сна, в котором мне ничего не снилось, — и с этого момента я непрерывно думала о суаре.

— За тобой пришел мсье Джордж, — мадам Россини прервала мои воспоминания.

Она протянула мне сумочку, мой *ридикюль*, и я подумала, стоит ли в последнюю секунду протащить с собой мой ножик для овощей. Наперекор совету Лесли я отказалась от мысли прикрепить его липкой лентой к бедру. С моим везением я сама поранюсь, да и как я в чрезвычайной ситуации

должна до него добраться под такой юбкой?

Мистер Джордж вошел в ателье, и мадам Россини набросила мне на плечи тонкую, богато вышитую шаль. Она поцеловала меня в обе щеки.

— Удачи, моя лебедушка, — сказала она. — Верните мне ее в целости и сохранности, мсье Джордж.

Улыбка мистера Джорджа смотрелась слегка вымученно. Его лицо не было таким круглым и спокойным, как обычно.

— К сожалению, это зависит не от меня, мадам. Идем, дитя мое, тебя ждут, кое-кто хочет познакомиться с тобой.

Время перевалило за полдень, когда мы поднялись на этаж выше в Зал Дракона. Чтобы одеться и причесаться понадобилось более двух часов. Мистер Джордж был непривычно молчалив, и я сосредоточила все свое внимание на том, чтобы не наступить на подол своего платья. Я вспоминала наш последний визит в восемнадцатый век и думала, что в такой громоздкой одежде было бы очень затруднительно убежать от мужчин со шпагами.

— Мистер Джордж, не могли бы вы мне объяснить насчет флорентийского Альянса? — спросила я, следуя внезапно вспыхнувшей мысли.

Мистер Джордж остановился.

— Флорентийский Альянс? Кто тебе рассказал о нем?

— По сути, никто, — ответила я со вздохом. — Но я постоянно слышу какие-то обрывки разговоров. Я спрашиваю только потому, что... что мне страшно. Те, кто напал на нас в Гайд-Парке, были из Альянса, правда?

Взгляд мистера Джорджа был серьезен.

— Может быть. Даже скорее всего. Но ты не должна бояться. Я не думаю, что сегодня на вас могут напасть. Мы вместе с графом и Ракоци предприняли все мыслимые меры предосторожности.

Я было открыла рот, чтобы что-то произнести, но мистер Джордж не дал мне сказать:

— Ну хорошо. Ты же все равно не дашь покоя. Действительно, мы должны исходить из того, что 1782 году в рядах Хранителей был предатель, возможно, тот же, который уже раньше выдавал информацию, приведшую к покушениям на графа Сен-Жермена в Париже, в Дувре, в Амстердаме и в Германии. — Он потер лысину. — Но в Хрониках имя этого Хранителя не называется. Хотя графу удалось уничтожить флорентийский Альянс, изобличить предателя не удалось. Ваши визиты в 1782 год должны помочь решить эту проблему.

— Гидеон считает, что Люси и Пол имеют к этому отношение.

— Действительно существуют некоторые признаки, которые ведут к такому предположению. — Мистер Джордж показал на двери в Зал Дракона. — Но у нас нет времени на более подробное обсуждение. Что бы ни случилось, ты должна держаться Гидеона. Если случится так, что вы будете разделены, спрячься где-нибудь, где можно будет спокойно дожидаться обратного прыжка.

Я кивнула. Почему-то у меня резко пересохло во рту.

Мистер Джордж открыл дверь и пропустил меня вперед. Я протиснулась мимо него в своей широченной юбке. В комнате было много людей, которые тут же уставились на меня, и от смущения кровь тут же прилила к моему лицу. Рядом с доктором Уайтом, Фальком де Вилльером, мистером Уитменом, мистером Марли, Гидеоном и неопишуемым Джордано под Драконом стояли еще пятеро мужчин в темных костюмах с серьезными лицами. Я бы хотела, чтобы Ксемериус был здесь, чтобы указать, кто из них был министром внутренних дел, а кто — лауреатом Нобелевской премии, но Ксемериус получил другое задание. (Не от меня, от Лесли. Позже расскажу.)

— Господа? Разрешите представить вам Гвендолин Шеферд? — Этот риторический вопрос задал Фальк де Вилльер очень торжественным тоном. — Она — наш Рубин. Последняя путешественница во времени в Кругу Двенадцати.

— Сегодня вечером путешествует под именем Пенелопы Грей, воспитанницы четвертого виконта Баттена, — добавил мистер Джордж.

А Джордано пробормотал под нос: «Которая войдет с сегодняшнего вечера в историю под именем дама-без-веера».

Я бросила быстрый взгляд на Гидеона, чей вышитый сюртук винного цвета и правда замечательно подходил к моему платью. К моему глубочайшему облегчению на нем не было парика, иначе я от стресса не удержалась бы от истерического хохота. Но в его внешности не было ничего смешного. Он выглядел изумительно. Его темные волосы были заплетены в косу, одна прядь, будто бы случайно, падала на лоб, искусно скрывая рану. Как обычно, я не могла истолковать выражение его лица.

Я пожала по очереди каждому незнакомцу руку, каждый при этом назвал свое имя (вошло в одно ухо, вылетело в другое, Шарлотта была права в отношении моего мозга), а я бормотала что-то вроде «Очень рада» или «Добрый вечер, сэр». В общем и целом, все они были очень серьезными господами. Только один из них улыбался, остальные выглядели, как будто им сейчас должны ампутировать ногу. Тот, который улыбался, был наверняка министром внутренних дел, политики всегда

щедрее раздают улыбки, этого требует их профессия.

Джордано испытующе оглядел меня с ног до головы, и я ждала его комментариев, но вместо этого он только преувеличенно громко вздохнул.

Фальк де Вилльер тоже не улыбался, но, по крайней мере, он сказал:

— Ты прекрасно выглядишь в этом платье, Гвендолин. Настоящая Пенелопа Грей была бы счастлива так выглядеть. Мадам Россини потрудилась на славу.

— Это правда! Я видел портрет настоящей Пенелопы Грей. Неудивительно, что она не вышла замуж и прожила всю жизнь в последнем закоулке Дербишира, — выпалил мистер Марли. Он моментально залился краской и от неловкости не мог оторвать взгляд от пола.

Мистер Уитмен процитировал Шекспира, во всяком случае я сильно подозревала, что это был Шекспир, мистер Уитмен был одержим Шекспиром:

И вот — любовь! Чем хороша она,
Когда из рая сделать ад вольна?^[35]

— О, нет причин краснеть, Гвендолин, — добавил он.

Я сердито посмотрела на него. Идиот-Бельчонок! Если я и покраснела, то раньше, а вовсе не от его слов. Кроме того, я толком не поняла цитату — это могло быть как комплиментом, так и оскорблением.

Неожиданно я получила поддержку от Гидеона.

— *Тщеславный переоценивает собственную реальную значимость*, — сказал он дружелюбно мистеру Уитмену. — Аристотель.

Улыбка мистера Уитмена стала чуть меньше.

— Мистер Уитмен хотел подчеркнуть, как замечательно ты выглядишь, — сказал Гидеон мне, и вся кровь тут же вновь хлынула к моим щекам.

Гидеон сделал вид, что ничего не заметил. Но, когда я спустя пару секунд опять глянула на него, на его лице была довольная улыбка. Зато мистер Уитмен выглядел так, как будто с трудом удерживался от следующей цитаты Шекспира.

Доктор Уайт, за брюками которого прятался маленький Роберт, смотревший на меня широко открытыми глазами, посмотрел на часы.

— Нам нужно постепенно двигаться. У пастора в шестнадцать часов назначено крещение.

У пастора?!

— Вы сегодня прыгаете в прошлое не из подвала, а из церкви в Норт-Одли-стрит, — объяснил мистер Джордж. — Так вы не потеряете время на то, чтобы добраться до дома лорда Бромптона.

— Таким способом мы также минимизируем риск нападения по пути туда и обратно, — сказал один из незнакомых мужчин, в связи с чем заслужил злой взгляд Фалька де Вилльера.

— Хронограф уже подготовлен, — сказал он, показав на сундук с серебряными ручками, который стоял на столе. — На улице ждут два лимузина. Господа...

— Удачи! — сказал тот, которого я считала министром внутренних дел.

Джордано в очередной раз громко вздохнул.

Доктор Уайт, держа в руках медицинский саквояж (зачем?), открыл дверь. Мистер Марли и мистер Уитмен взяли за ручки сундука и вынесли его из комнаты, так торжественно, как будто это был Ковчег завета.

Гидеон сделал пару шагов и оказался рядом со мной. Он подал мне руку:

— Ну что ж, дорогая Пенелопа, представим тебя изысканному лондонскому обществу, — сказал он. — Ты готова?

Нет. Я была совершенно не готова. И Пенелопа — ужасное имя. Но у меня не было выбора. Я посмотрела Гидеону в глаза так невозмутимо, как только смогла.

— Готова, если ты готов.

~ ~ ~

... даю обет порядочности и вежливости,
приличий и сочувствия,
сопротивления несправедливости,
помощи слабым,
законопослушности,
сохранении Тайны,
соблюдении Золотых правил
с этого момента до самой смерти.

Из текста присяги адептов

Хроники Хранителей, Том 1, «Хранители Тайны»

Глава десятая

Больше всего я боялась снова увидеть графа Сен-Жермена. Во время нашей последней встречи я слышала его голос в своей голове, а его рука схватила меня за горло и сильно сжала, хотя от него до меня было больше чем четыре метра. *Я не знаю, какова твоя роль, девочка, и вообще, важна ли ты. Но я не потерплю, чтобы кто-то нарушал мои правила.*

Можно было предсказать, что я за это время нарушила не одно из его правил, но нужно подчеркнуть, что я их и не знала. Это обстоятельство давало пищу моему упрямству: поскольку никто не озаботился объяснить мне какие-либо правила или — боже упаси! — обосновать их, то нечего и удивляться, если я их не соблюдаю.

Но я боялась и другого — втайне я была уверена, что Джордано и Шарлотта окажутся правы: и я с треском опозорюсь в роли Пенелопы Грей, и каждый заметит, что со мной что-то не так. В какой-то момент я даже не могла вспомнить название города в Дербишире, откуда она была родом. Что-то с «Б». Или «П». Или «Д». Или...

— Ты выучила список гостей наизусть? — Мистер Уитмен не помогал мне справиться с волнением.

Какого черта я должна была учить этот список наизусть? Мое мотание головой вызвало лишь вздох со стороны мистера Уитмена.

— Я тоже не знаю его наизусть, — сказал Гидеон. Он сидел в лимузине напротив меня. — Знать заранее, кого ты встретишь, — лишь портит удовольствие.

Интересно, он тоже волнуется? Потееют ли у него ладони и участился ли пульс, как у меня? Или он так часто путешествовал в восемнадцатый век, что для него это уже перестало быть чем-то особенным?

— Ты прокусишь себе губу до крови, — сказал он.

— Я немного... нервничаю.

— Заметно. Тебе поможет, если я возьму тебя за руку?

Я решительно потрясла головой.

Нет, это только всё ухудшило бы, идиот! Не говоря уже о том, что я вообще перестала понимать, что должно означать твое отношение ко мне! Не говоря уже об отношениях между нами! А еще и мистер Уитмен смотрит взглядом всезнающего Бельчонка!

Я почти застонала вслух. Может, мне поможет, если я парочку предложений с восклицательными знаками из своих мыслей вывалю ему на

голову? Я коротко подумала об этом, но тут же отбросила эту мысль.

Мы наконец приехали. Когда Гидеон помог мне выйти из машины, остановившейся перед церковью (в таком платье обязательно нужна рука помощи для подобных маневров или даже две руки), я заметила, что на этот раз он был без шпаги. Какое легкомыслие!

Прохожие оглядывались на нас с любопытством. Мистер Уитмен открыл двери главного входа в церковь.

— Чуть поживее, пожалуйста! — сказал он. — Мы не хотим привлекать лишнего внимания.

Ну да, конечно, два черных лимузина, остановившиеся среди бела дня посреди Норт-Одли-стрит, и пара мужчин в костюмах, вытаскивающие Ковчег завета из багажника и несущие его в церковь, не привлекают внимания, ага! Хотя издали сундук можно было принять за маленький гроб... У меня побежали мурашки по коже.

— Я надеюсь, ты хотя бы о пистолете подумал, — прошептала я Гидеону.

— У тебя странное представление о суаре, — ответил он нормальным голосом и накинул мне шаль на плечи. — И вообще, кто-нибудь проверил содержимое твоей сумочки? Не хотелось бы, чтобы посреди какого-нибудь номера зазвонил твой мобильник.

Я представила себе эту сцену и не могла сдержать ухмылку, потому что сейчас мой звонок на мобильнике звучал как кваканье лягушки.

— Кроме тебя, больше никому мне звонить, — сказала я.

— А у меня даже нет твоего номера. Можно мне все-таки заглянуть в твою сумочку?

— Это называется *ридикюль*, — сказала я и, пожав плечами, протянула ему сумку.

— Нюхательная соль, носовой платок, духи, пудра... образцово! — сказал Гидеон. — Так, как и должно быть. Идем.

Он отдал мне ридикюль, взял за руку и повел через главный вход в церковь, который мистер Уитмен тут же закрыл на засов. Внутри Гидеон забыл отпустить мою руку, и сейчас я не возражала, иначе меня в последнюю минуту охватила бы паника и я бы сбежала.

На свободном месте перед алтарем Фальк де Вилльер и мистер Марли, за которыми со скепсисом следил пастор, доставали из Ковчега за... э-э-э... из сундука хронограф. Доктор Уайт измерил шагами помещение и сказал:

— От четвертой колонны одиннадцать шагов влево, тогда можно будет быть уверенными на сто процентов.

— Я не знаю, могу ли гарантировать, что в 18.30 в церкви никого не

будет, — сказал пастор нервно. — Органист любит задерживаться, да и некоторые члены общины часто заводят со мной разговоры в дверях, которые я не могу...

— Не волнуйтесь, — сказал Фальк де Вилльер. Хронограф стоял уже на алтаре. Лучи послеобеденного солнца преломлялись в разноцветных витражах и делали драгоценные камни невероятно большими. — Мы будем здесь и поможем после службы отправить ваших прихожан по домам. — Он глянул на нас. — Готовы?

Гидеон наконец отпустил мою руку.

— Я прыгну первым, — сказал он.

У пастора отвисла челюсть, когда он увидел, как Гидеон исчез в воронке спящего света.

— Гвендолин. — Фальк взял мою руку и потянул к хронографу, подбадривающе улыбаясь мне. — Мы увидимся ровно через четыре часа.

— Надеюсь, — пробормотала я.

Иголка уже впилась мне в палец, помещение наполнилось красным светом и я прикрыла веки.

Открыв глаза, я чуть пошатнулась, но кто-то аккуратно придержал меня за плечи.

— Все в порядке, — прозвучал голос Гидеона в моих ушах.

Толком ничего нельзя было разглядеть. Единственная свеча освещала алтарь, остальная часть церкви лежала в призрачном сумраке.

— Bienvenue, ^[36] — прозвучал хриплый голос из этого сумрака, и хотя я ожидала этого, но все равно вздрогнула.

Мужская фигура отделилась от тени колонны, и в свете свечи я узнала бледное лицо Ракоци, друга графа. Как и при первой встрече, я подумала, что он похож на вампира, его черные глаза не блестели, в тусклом свете они выглядели страшными черными дырами.

— Мсье Ракоци, — сказал Гидеон по-французски и вежливо поклонился. — Рад встрече с вами. С моей спутницей вы уже знакомы.

— Разумеется. Мадмуазель Грей на сегодняшний вечер. Рад встрече. — Ракоци слегка обозначил поклон.

— Э-э-э... tres... — промямлила я. — Я радуюсь встрече с вами, — перешла я на английский.

Никогда не знаешь, что произнесешь ни с того ни с сего на иностранном языке, особенно, если с ним не очень дружишь.

— Мои люди и я проводим вас к дому лорда Бромптона, — сказал Ракоци.

Мне стало еще страшнее оттого, что я не видела его людей, хотя

слышала, как они дышали и двигались в темноте, когда мы пошли за Ракоци через неф к выходу. Даже на улице я никого из них не увидела несмотря на то, что несколько раз оглядывалась.

Было прохладно и моросил мелкий дождь, и если в это время уже существовали уличные фонари, то на этой улице этим вечером ни один из них не работал. Было так темно, что я даже не могла разглядеть лицо Гидеона, шедшего рядом со мной, казалось, тени вокруг ожили, дышат и тихо лязгают. Я крепко вцепилась в Гидеона. Не дай бог, он меня сейчас отпустит!

— Это всё мои люди, — шепнул Ракоци. — Хорошие, испытанные в бою парни из народа куруцци. Мы обеспечим вашу безопасность и на обратном пути.

О, как успокаивающе!

До дома лорда Бромптона оказалось недалеко, и чем ближе мы подходили, тем больше рассеивалась тьма вокруг. Сам дом в Вигмор-стрит был ярко освещен и выглядел по-настоящему уютным. Люди Ракоци остались в тени, он один проводил нас до самого дома, где в огромном холле, откуда помпезная лестница с изогнутыми перилами вела на второй этаж, сам лорд Бромптон собственно персоной ожидал нас. Он был все так же тучен, каким я его запомнила, его лицо блестело от жира в свете многочисленных свечей.

В холле, кроме лорда и четырех лакеев, больше никого не было. Слуги стояли в ряд возле одной из дверей и ждали дальнейших приказаний. Ожидаемого общества не было видно, но до моих ушей донеслись шум голосов и несколько нестройных тактов мелодии.

Пока Ракоци, поклонившись, уходил, мне стало ясно, почему лорд Бромптон лично встречал нас, до того как кто-либо нас увидит. Он заверил нас, что очень рад нам, сказал, что наслаждался нашей первой встречей, но... э-э-эм... э-э-эм... было бы разумно, не упоминать ее, эту встречу, при его жене.

— Только чтобы избежать недоразумений, — сказал он. При этом он постоянно подмигивал, как будто ему попало что-то в глаз, и, как минимум, трижды поцеловал мне руку. — Граф заверил меня, что вы происходите из одной из лучших семей Англии, и я надеюсь, что вы простите мою невоспитанность в нашем занятом разговоре о двадцать первом веке и мою абсурдную идею, что вы могли быть актерами. — Он снова утрировано подмигнул.

— Наверняка в этом есть и наша вина, — сказал ровно Гидеон. — Граф приложил все усилия, чтобы направить вас по ложному пути. Кстати,

между нами говоря: он немного с причудами, не правда ли? Моя сводная сестра и я — мы уже привыкли к его шуткам, но если его не знать так хорошо, общение с ним может быть несколько странным. — Он снял с меня шаль и передал ее одному из лакеев. — Ну... как бы то ни было. Мы слышали, что ваш салон обладает замечательным фортепиано и прекрасной акустикой. Мы очень обрадовались приглашению леди Бромптон.

Лорд Бромптон на мгновение не мог отвести взгляд от моего декольте, потом сказал:

— Она тоже будет в восторге познакомиться с вами. Идемте, все уже в сборе. — Он подал мне руку. — Мисс Грей?

— Милорд. — Я бросила взгляд на Гидеона, и он ободряюще улыбнулся, следуя за нами в салон, в который мы попали через дугообразную двустворчатую дверь прямо из холла.

Салон я представляла как что-то похожее на гостиную, но помещение, в которое мы вошли, могло посоревноваться с бальным залом в нашем доме. В огромном камине сбоку горел огонь, а перед окнами с тяжелыми гардинами стоял спинет.^[37] Я скользила взглядом по изящным столикам, диванам с пестрой обивкой и стульям с позолоченными подлокотниками. Все это освещалось сотнями свечей, которые висели и стояли повсюду, придавая пространству магическое свечение — так что я от восхищения онемела. К сожалению, этот же свет падал и на множество незнакомых лиц, и к моему восторгу (памятуя наставления Джордано, я крепко сжала губы, чтоб по недосмотру не оказаться стоящей с открытым ртом) стал примешиваться страх. Это называется небольшой уютный званый вечер? Как тогда будет выглядеть бал?

Я еще не успела все подробно рассмотреть, как Гидеон непреклонно потащил меня внутрь толпы. Многие пары глаз с любопытством наблюдали за нами и, спустя мгновение, к нам поспешила небольшая полноватая женщина, оказавшаяся леди Бромптон.

На ней было бархатное светло-коричневое платье с отделкой, а волосы были спрятаны под объемным париком, выглядевшим, если учесть количество свечей, весьма пожароопасным. У хозяйки дома была приятная улыбка, и она сердечно приветствовала нас. Автоматически я опустилась в реверансе, а Гидеон использовал возможность оставить меня одну, вернее, он дал лорду Бромптону увести себя в сторону. Не успела я решить, должна ли я сердиться по этому поводу, как леди Бромптон втянула меня в разговор. К счастью, в нужный момент я вспомнила название города, в котором я — или, вернее, Пенелопа Грей — жила. Воодушевленная ее радостными кивками, я заверила леди Бромптон, что, хотя там очень тихо и

мирно, в городе не хватает светских развлечений, обилие которых в Лондоне меня просто потрясло.

— К концу вечера вы наверняка измените свое мнение, если Женестьева Фэрфакс и сегодня решит исполнить свой репертуар на фортепьяно в полном объеме.

Одна из дам в бледно-желтом, цвета примулы, платье приблизилась к нам:

— Наоборот, я практически уверена, что вы захотите вернуться к нехватке развлечений деревенской жизни.

— Тс-с-с, — произнесла леди Бромптон, хихикнув. — Это невоспитанно, Джорджиана!

Ее заговорщицкий взгляд, адресованный мне, придавал ей очень молодой вид. Как она вообще оказалась вместе с этим жирным старым мешком?

— Может, и невоспитанно, зато правда! — Дама в желтом (даже в свете свечей абсолютно непривлекательный цвет!) сообщила мне приглушенным голосом, что ее супруг на прошлом суаре заснул и стал громко храпеть.

— Сегодня этого не случится, — заверила леди Бромптон. — Сегодня с нами необыкновенный, таинственный граф Сен-Жермен, который позже осчастливит нас игрой на скрипке. И Лавиния сгорает от нетерпения в ожидании спеть дуэтом с мистером Мерчантом.

— Для этого ты должна не пожалеть для него вина, — сказала дама в желтом, улыбнулась мне широкой улыбкой, открыто демонстрируя свои зубы.

Я автоматически улыбнулась ей точно так же. Ха! Я знала! Джордано — гадкий воображала! И вообще, все вокруг были намного проще, чем я себе представляла.

— Это очень сложный вопрос меры, — вздохнула леди Бромптон, и ее парик слегка задрожал. — Слишком мало вина — и он не захочет петь, слишком много — и он начнет петь неприличные матросские песни. Вы знакомы с графом Сен-Жерменом, дорогая?

Я тут же посерьезнела и непроизвольно оглянулась.

— Меня представили ему пару дней тому назад, — сказала я и сделала усилие, чтобы не поскрежетать зубами. — Мой сводный брат... знаком с ним.

Я увидела Гидеона, стоявшего возле камина и разговаривавшего с хрупкой молодой женщиной в сногшибательном зеленом платье. Оба выглядели так, будто давным-давно знают друг друга. Она тоже смеялась

так, что можно было видеть ее зубы. У нее были красивые зубы, никаких гнилых пеньков, в чем меня пытался убедить Джордано.

— Разве граф не великолепен? Я могла бы часами слушать его рассказы, — сказала дама в желтом, после того как рассказала мне, что она приходится кузиной леди Бромптон. — Больше всего я люблю истории о Франции!

— Да, пикантные *истории*, — сказала леди Бромптон. — Разумеется, они не предназначены для невинных ушей дебютанток.

Я поискала глазами графа и нашла его сидящим в углу, поглощенного в разговор с двумя мужчинами. Издалека он выглядел элегантно, его возраст невозможно было определить. Как будто почувствовав мой взгляд, он поднял свои темные глаза на меня.

Граф был одет так же, как и другие мужчины в салоне — на нем был парик и камзол, нелепые брюки чуть ниже колен и странные туфли с пряжками. Но в отличие от всех остальных, он не показался мне только что прибывшим из костюмного фильма, и в первый раз я осознала, где я в данный момент нахожусь.

Его губы скривились в улыбке, и я вежливо склонила голову, в то время как по всему телу у меня побежали мурашки. С большим трудом я справилась с рефлекторным желанием схватиться за горло. Я не хотела навести его на ненужные мысли.

— Ваш сводный брат, к слову сказать, очень красив, дорогая, — сказала леди Бромптон. — В противовес слухам, которые до нас доходили.

Я отвела взгляд от графа Сен-Жермена и снова посмотрела на Гидеона.

— Да, это так. Он действительно... очень хорошо выглядит.

Похоже, дама в зеленом тоже так считала. Она как раз с кокетливой улыбкой поправляла его шейный платок. Джордано меня за такой поступок, скорее всего, убил бы.

— А кто эта дама, которая его лапа... э-э-э... с которой он разговаривает?

— Лавиния Рутланд. Самая красивая вдова в Лондоне.

— Но не надо сочувствия, — тут же вмешалась дама в желтом. — Ее давно уже утешает герцог Ланкастерский, к большому неудовольствию герцогини, и одновременно у нее развилось пристрастие к многообещающим политикам. Интересуется ваш брат политикой?

— Мне кажется, в данный момент это совершенно неважно, — сказала леди Бромптон. — Лавиния выглядит, как будто ей преподнесли подарок, который она сейчас развернет. — Она снова оглядела Гидеона с головы до ног. — По слухам, у него должны были быть хилое телосложение и рыхлая

фигура. Какое счастье, что это не так. — Внезапно у нее на улице проявился испуг. — О! У вас же до сих пор нет напитков!

Кузина леди Бромптон оглянулась и толкнула в бок молодого человека, оказавшегося поблизости.

— Мистер Мерчант? Сделайте доброе дело — добудьте для нас пару бокалов специального пунша леди Бромптон. И захватите бокал для себя. Мы хотим сегодня услышать ваше пение.

— А это — очаровательная мисс Пенелопа Грей, воспитанница виконта Баттена, — сказала леди Бромптон. — Я бы вас представила более обстоятельно, но у нее нет капитала, а вы — охотник за приданым. Это значит, что нет никакого смысла отдаваться моей своднической страсти.

Мистер Мерчант, который был на голову ниже меня, как, кстати, многие в этом зале, не выглядел обиженным. Он галантно поклонился и произнес, напряженно глядя в мое декольте:

— Но это не означает, что я могу не заметить прелести такой очаровательной юной дамы.

— Я рада за вас, — сказала я неуверенно, а леди Бромптон и ее кузина расхохотались.

— О нет! Лорд Бромптон и мисс Фэрфакс приближаются к фортепьяно, — сказал мистер Мерчант и закатил глаза. — Я себе уже представляю!

— Поспешите! Наши напитки! — приказала леди Бромптон. — На трезвую голову никто это не выдержит.

Пунш, который я сначала осторожно попробовала, оказался очень вкусным. Он отдавал фруктами, немного корицей и еще чем-то. В моем желудке разлилось приятное тепло. Я даже расслабилась и стала получать удовольствия от этого великолепного зала с множеством замечательно одетых людей, как вдруг мистер Мерчант залез в мое декольте, стоя у меня за спиной, и я чуть не разлила пунш.

— Одна из чудесных розочек сбилась, — заявил он, улыбаясь при этом явно двусмысленно.

Я колебалась. Джордано не подготовил меня к подобным ситуациям, и поэтому я не знала, что говорит этикет по поводу рококо-щупальчиков. В поисках помощи я посмотрела на Гидеона, но он был так углублен в разговор с юной вдовой, что даже не заметил этого. Если бы мы были в моем времени, я бы сказала мистеру Мерчанту, что он свои руки должен держать при себе, иначе у него собьется кое-что другое, а не розочка. Но в данных обстоятельствах такая реакция казалась мне несколько... невежливой. Так что я улыбнулась и сказала:

— Спасибо, очень мило с вашей стороны. Я не заметила.

Мистер Мерчант поклонился:

— К вашим услугам, мадам.

Непостижимая наглость! Но во времена, когда у женщин не было права голоса, не стоило удивляться, что и в других вопросах к ним не проявляли уважения.

Разговоры и смех постепенно затихли, когда к фортепьяно подошла мисс Фэрфакс, дама с тонким носом в платье камышового цвета, села, аккуратно поправив свои юбки и взяла несколько аккордов. Играла она совсем неплохо. Единственное, что немного мешало, было ее пение. У нее был невероятно... высокий голос. Еще капельку выше, и ее можно было принять за собачий свисток.

— Освежающе, не так ли? — Мистер Мерчант позаботился о том, чтобы мой бокал снова был полным. К моему удивлению (и некоторому облегчению) он откровенно схватил леди Бромптон тоже за грудь, уверяя, что там был волос. Похоже, леди Бромптон это не сильно возмутило, она лишь назвала его «сластолюбцем» и ударила веером по пальцам (ага! вот для чего на самом деле нужны веера!). Затем она и ее кузина повели меня к диванчику с обивкой в синий цветочек, стоявшему у окна, и усадили между собой.

— Здесь вы в безопасности от липких рук, — сказала леди Бромптон и похлопала по-матерински меня по коленке. — Только ваши уши еще в опасности.

— Пейте, — посоветовала мне тихо кузина. — Вам это понадобится. Мисс Фэрфакс только начала свое пение.

Диван был непривычно жестким, а спинка была настолько выгнута, что невозможно было на нее опереться, если только я не хотела утонуть во всех своих многочисленных юбках. Совершенно очевидно, что при изготовлении диванов в восемнадцатом веке не предполагалось, что на них будут сидеть развалиясь.

— Я даже не знаю, я непривычна к алкоголю, — сказала я нерешительно.

Моя единственная встреча с алкоголем произошло ровно два года назад. Это случилось на одной из «пижамных» вечеринок у Синтии. Совершенно безобидной. Без мальчиков, зато с чипсами и с «Классным мюзиклом» на DVD. И с миской, полной ванильным мороженым, апельсиновым соком и водкой... Самым большим подвохом стало то, что ванильное мороженое перебивало вкус водки, и эта смесь действовала на всех по-разному. Синтия после трех стаканов распахнула окно и кричала на

весь Челси «Зак Эфрон, я люблю тебя!». Лесли сидела с унитазом в обнимку, Пегги призналась Саре в любви («ты такая к-к-к-ры-ы-ы-ысив-в-вая, женись на мне»), а с Сарой случилась истерика, непонятно по какой причине. Но хуже всех было мне. Я прыгала на кровати Синтии и орала *Breaking free*,^[38] причем в конце песни опять начинала ее сначала. Когда в комнату зашел папа Синтии, я сунула ему под нос щетку для волос как микрофон и прокричала: «Пой с нами, лысый! Двигай попой!» На следующий день я не могла объяснить, как это было всё возможно.

После этой неприятной истории мы с Лесли решили избегать алкоголя (и пару месяцев — отца Синтии), и с тех пор были последовательны в этом вопросе. Пусть даже иногда было довольно странно находиться трезвыми в компании выпивших. Например, как сейчас.

Я снова чувствовала на себе взгляд графа, сидевшего на противоположной стороне зала, и в моем затылке неприятно зудело.

— Говорят, он владеет искусством чтения мыслей, — прошептала леди Бромптон, и тогда я решила временно отменить запрет на алкоголь. Только на сегодняшний вечер. Только для нескольких глотков. Чтобы забыть о страхе перед графом. И перед всем остальным.

Специальный пунш леди Бромптон действовал на удивление быстро, и не только на меня. После второго бокала пение мисс Фэрфакс уже не казалось нам таким ужасным, после третьего — мы стали постукивать ногами в такт, и я подумала, что никогда еще не была на такой милой вечеринке. Нет, правда — люди были намного непринужденнее, чем я себе представляла. Непринужденнее, чем в двадцать первом веке, если уж быть точным. А освещение было просто грандиозным. Как это я раньше не заметила, что от света сотни свечей кожа каждого присутствующего приняла золотистый оттенок? Даже у графа, который улыбался мне с другого конца зала.

Четвертый бокал заставил мой внутренний голос («Осторожно! Не доверяй никому!») окончательно заткнуться. Моей эйфории мешало только то, что Гидеон обращал внимание исключительно на женщину в зеленом платье.

— Ну, теперь наши уши всё выдержат, — решила леди Бромптон в какой-то момент, поднялась и, аплодируя, пошла к спинету. — Моя дорогая, дорогая мисс Фэрфакс. И на этот раз вы были превосходны, — сказала она, целуя мисс Фэрфакс в обе щеки и насильно усаживая на первый попавшийся стул. — А сейчас прошу встретить аплодисментами мистера Мерчанта и леди Лавинию. Нет-нет, никаких отговорок, мы знаем, что вы втайне репетировали вдвоем.

Кузина леди Бромптон завизжала как настоящая малолетняя фанатка юношеской группы, когда любитель-хватать-за-грудь уселся за спинет и сыграл несколько быстрых арпеджио. Прекрасная леди Лавиния одарила Гидеона сияющей улыбкой и поспешила к инструменту. Я увидела, что она была не такая уж и молодая, как я думала. Но пела она великолепно! Как Анна Нетребко, которую я слышала два года назад в Королевской Опере в Ковент-Гардене. Ну, может, не так же великолепно, как Нетребко, но слушать ее доставляло огромное удовольствие. Если любить напыщенные итальянские оперные арии. Которые я, честно говоря, не любила, но сегодня благодаря пуншу... Очевидно, итальянские арии были безусловным рецептом для хорошего настроения в восемнадцатом веке. Люди в зале очень оживились. Только собачий свист... э-э-э... мисс Фэрфакс сидела с кислым лицом.

— Могу я тебя похитить на мгновение? — Гидеон подошел сзади к дивану и улыбался мне сверху вниз. Конечно, когда дама в зеленом была занята, он опять вспомнил обо мне. — Граф был бы рад, если ты ему составишь на некоторое время компанию.

О! Точно! У меня же еще были дела! Я набрала полную грудь воздуха, и одним глотком осушила свой бокал. Встав с дивана, я ощутила приятное головокружение. Гидеон забрал у меня бокал и поставил его на один из столиков с этими симпатичными ножками.

— Там был алкоголь? — шепнул он.

— Нет, это просто пунш, — шепнула я в ответ. У-у-упс, пол тут оказался неровным. — Я вообще не употребляю алкоголя, к твоему сведению. Это один из моих железных принципов. И без алкоголя можно веселиться.

Гидеон поднял бровь и предложил мне свою руку.

— Я очень рад, что ты веселишься.

— Взаимно, — заверила я его. Ух, полы в восемнадцатом веке действительно шатались. Раньше я этого не замечала. — Она, может, и немного стара для тебя, но тебе же это не мешает. Как не мешает, что она до этого была с герцогом Каким-то-там. Нет, правда, классная вечеринка. Люди намного приятнее, чем я думала. Такие *коммуникабельные и подчеркивающие фигуру*. — Я посмотрела на щупальщика и Нетребко-остатки у спинета. — И... они очевидно любят петь. Очень симпатично. Хочется тут же вскочить и присоединиться.

— Не вздумай, — прошептал Гидеон, ведя меня к дивану, на котором сидел граф.

Тот, видя, что мы приближаемся, поднялся с завидной легкостью

молодого человека и сложил губы в ожидающей улыбке.

Ну хорошо, подумала я и задрала подбородок. Сделаем вид, что я не выяснила в Гугле, что ты никакой не граф. Сделаем вид, что у тебя есть графство и ты не аферист неизвестного происхождения. Сделаем вид, что ты не душил меня в прошлый раз. И сделаем вид, что я абсолютно трезвая.

Я отпустила Гидеона, взялась за тяжелый красный шелк, расправила свои юбки и присела в глубоком реверансе, из которого поднялась, только когда граф протянул мне руку, украшенную кольцами и драгоценными камнями.

— Мое дорогое дитя, — сказал он, и что-то веселое мелькнуло в его шоколадным глазах, когда он ласково похлопывал меня по руке. — Я в восхищении от твоей элегантности. После четырех бокалов специального пунша леди Бромптон другие не могут выговорить даже свое имя.

О, он считал! Я виновато опустила глаза. Вообще-то, было пять бокалов. Но я совершенно не скучала по ощущению, когда меня переполняли неотчетливые страхи. И по комплексу неполноценности я тоже не скучала. Нет, мне очень нравилось мое выпившее «я». Даже если пол под ногами шатался.

— *Merci pour le compliment*, ^[39] — пролепетала я.

— Обворожительно, — сказал граф.

— Мне очень жаль, я должен был проследить, — сказал Гидеон.

Граф тихо рассмеялся.

— Мой милый мальчик, ты был занят другим. И в первую очередь, мы должны хорошо повеселиться сегодня вечером, не правда ли? К тому же лорд Аластер, которому я обязательно хочу представить нашу прелестную даму, до сих пор не появился. Но мне сказали, что он уже в пути сюда.

— Один? — спросил Гидеон.

Граф рассмеялся.

— Не имеет значения.

Анна-Нетребко-для-бедных и щупальщик закончили арию яростным аккордом, и граф выпустил мою руку, чтобы пооплодировать.

— Разве они не прекрасны? Большой талант, к тому же такая красота.

— Да, — сказала я тихо и тоже похлопала, стараясь не сделать «ладушки-ладушки». — Нужно постараться, чтобы заставить зазвенеть люстру.

Хлопанье нарушило мое хрупкое равновесие и я слегка пошатнулась. Гидеон подхватил меня.

— Не могу поверить! — зло сказал он, почти прижавшись губами к

моему уху. — Не прошло и двух часов, а ты в стельку пьяная. Что ты себе думала?!

— Ты сказал «в стельку», я наябедничаю Джордано, — хихикнула я. Но в общей суматохе этого никто не мог слышать. — Да и поздно уже ругаться. Ребенок уже свалился в... специальный пунш, я бы сказала.^[40] — Я икнула. — Упс, извиняюсь. — Я огляделась. — Другие пьянее меня, так что давай — без ложных моральных нотаций. У меня все под контролем. Ты можешь меня отпустить, я стою крепко, как скала в прибое.

— Я *предупреждаю* тебя, — прошептал Гидеон, но все-таки меня отпустил.

На всякий случай я пошире расставила ноги. Все равно никто не мог увидеть под широкой юбкой.

Граф с интересом наблюдал за нами, но на его лице не было ничего, кроме родительской гордости. Я украдкой посмотрела на него и получила в ответ улыбку, которая наполнила теплом мое сердце. И чего я так его боялась? С большим трудом я могла вспомнить, что рассказал мне Лукас: что этот мужчина перерезал горло собственному предку...

Леди Бромптон снова была впереди и благодарила мистера Мерчанта и леди Лавинию за выступление. Потом — прежде чем мисс Фэрфакс успела снова подняться — она призвала приветствовать аплодисментами сегодняшнего почетного гостя, объездившего мир, окутанного тайнами, знаменитого графа Сен-Жермена.

— Он обещал мне, сыграть сегодня на своей скрипке, — сказала она, и лорд Бромптон приблизился со скрипичным футляром в руках, так быстро, насколько ему позволял его огромный живот.

Публика под воздействием пунша неистовствовала от восторга. Действительно, это была потрясная вечеринка!

Граф, улыбаясь, достал скрипку из футляра и стал настраивать.

— Я бы никогда не решился разочаровать вас, леди Бромптон, — сказал он мягким голосом. — Но мои старые пальцы уже не такие беглые, как в те времена, когда я при французском дворе играл дуэт с печально известным Джаакомо Казановой... И в последние дни меня слегка замучила подагра.

По залу прокатилось перешептывание и послышались вздохи.

— ... Поэтому я хочу этим вечером передать скрипку в руки моего юного друга, — продолжил граф.

Гидеон выглядел немного испуганно и покачал головой. Но когда граф поднял бровь и сказал «*Пожалуйста!*», он взял инструмент и смычок, слегка поклонившись, и пошел к спинету.

Граф взял меня за руку.

— А мы присядем рядышком на диван и будем наслаждаться концертом, да? О, не надо дрожать. Садись, дитя мое. Ты не знаешь, что со вчерашнего дня мы с тобой — самые близкие друзья, ты и я. У нас был действительно очень, очень искренний разговор, и мы сумели преодолеть все наши разногласия.

Э-э-э?!

— Вчера днем? — повторила я.

— Если говорить о моем времени, — сказал граф. — Для тебя эта встреча — в будущем. — Он засмеялся. — Я люблю усложнять, ты заметила?

Ошеломленная, я уставилась на него. В этот момент Гидеон начал играть и я сразу забыла, о чем хотела спросить. Боже мой! Может быть, в этом был виноват пунш, но — вау! Со скрипкой он был очень сексапильным. Одно то, как он ее брал в руки и клал под подбородок! Ему ничего не надо было больше делать, я была уже покорена. Длинные ресницы бросали тень на его щеки, а когда он поднял смычок и провел им по струнам, волосы упали на лицо. Как только в воздухе возникли первые звуки, у меня почти остановилось дыхание — такими они были нежными, заставляющими таять, и внезапно мне захотелось плакать. До сих пор скрипки были в конце списка моих любимых инструментов, собственно, они мне нравились только в фильмах, для подчеркивания особых моментов. Но сейчас это было невероятно красиво, причем всё: горько-сладкая мелодия и юноша, извлекавший ее из инструмента. Все в зале слушали, затаив дыхание, а Гидеон играл, полностью погрузившись в музыку, как будто вокруг никого не было.

Я заметила, что плачу, только когда граф дотронулся до моей щеки и мягким движением пальцем вытер слезу. Я вздрогнула, испугавшись от неожиданности.

Он улыбнулся мне и в его темно-карих глазах я заметила теплый блеск.

— Ты не должна этого стыдиться, — сказал он тихо. — Если бы этого не было, я бы был очень разочарован.

Я сама удивилась, когда улыбнулась в ответ (правда! как я могла?! это же он меня душил!).

— Что это за мелодия? — спросила я.

Граф пожал плечами.

— Не знаю. Думаю, что ее еще только сочинят.

Зал взорвался потрясающей овацией, когда Гидеон закончил. Он с улыбкой поклонился и успешно сумел избежать просьб исполнить что-то

на «бис», но был менее успешен в отношении объятий прекрасной леди Лавинии. Она повисла на его руке, и у него не было выхода, кроме как притащить ее к нашему дивану.

— Разве он не потрясающий? — вскричала леди Лавиния. — Но когда я увидела эти руки, я знала, что они способны на что-то выдающееся!

— Могу поспорить, — пробормотала я.

Я бы с удовольствием встала с дивана, хотя бы для того, чтобы леди Лавиния не смотрела на меня сверху вниз, но я не могла. Алкоголь вывел из строя мои брюшные мышцы.

— Необыкновенный инструмент, маркиз, — сказал Гидеон графу и протянул ему скрипку.

— Страдивари. Сделанный мастером по моему заказу, — ответил граф мечтательным тоном. — Я бы хотел, чтобы ты ее получил, мой мальчик. Сегодняшний вечер — подходящий момент для праздничной передачи ее в твои руки.

Гидеон порозовел. От радости, как я предполагаю.

— Это... я не могу... — Он посмотрел в темные глаза графа, затем опустил взгляд и добавил: — Для меня это огромная честь, маркиз.

— Для меня это еще **большая** честь, — произнес граф серьезно.

— Надо же! — пробормотала я. Похоже, эти двое действительно питают нежные чувства друг к другу.

— А вы тоже так же музыкальны, как ваш сводный брат, мисс Грей? — спросила леди Лавиния.

Скорее всего нет. Но во всяком случае не менее музыкальна, чем ты, — подумала я.

— Я только люблю петь, — сказал я.

Гидеон бросил на меня предупреждающий взгляд.

— Петь! — воскликнула леди Лавиния. — Как я и наша дорогая мисс Фэрфакс.

— Нет, — сказала я решительно. — Я не могу петь так высоко, как мисс Фэрфакс — (я же не летучая мышь!) — и у меня нет такого объема легких, как у вас. Но я люблю петь.

— Я думаю, мы достаточно музицировали сегодня вечером, — сказал Гидеон.

Леди Лавиния приняла обиженный вид.

— Конечно, все были бы в восторге, если бы вы еще раз удостоили нас чести, — быстро добавил Гидеон и бросил мне мрачный взгляд. Но я была настолько пьяна, что мне это было по барабану.

— Ты... замечательно играл, — сказала я. — Я расплакалась! Правда.

Он ухмыльнулся, как будто я произнесла шутку, и спрятал Страдивари в футляр.

Лорд Бромптон, пытаясь, добрался до нас с двумя бокалами пунша и уверил Гидеона в своем восторге от его виртуозности, а также посетовал, что бедный Аластер будет страшно огорчен, пропустить несомненную кульминацию этого вечера.

— Вы думаете, что Аластер сегодня еще появится? — спросил граф несколько несдержанно.

— Я убежден, — сказал лорд Бромптон и подал мне один из бокалов.

Я тут же сделала жадный глоток. Отличная была выпивка! Достаточно было только понюхать, и тебе было уже хорошо. Ты была готова схватить щетку для волос и начать прыгать на кровати, распевая *Breaking free* — вместе с Заком Эфроном или без него!

— Милорд, вы обязательно должны уговорить мисс Грей спеть сегодня для нас, — сказала леди Лавиния. — Она очень любит петь.

В ее голосе чувствовалась какая-то странная нотка, заставившая меня насторожиться. Что-то напомнило мне Шарлотту. Она хотя и выглядела иначе, но где-то в глубине под этим светло-зеленым платьем пряталась Шарлотта, я была уверена. Человек, готовый на все, чтобы кто-то, осознав свою посредственность, заметил его собственное величие и уникальность. Ага!

— Ну ладно, — сказала я и попробовала еще раз встать с дивана. На этот раз у меня получилось. Я даже осталась стоять. — Тогда я спою.

— Что? — сказал Гидеон и покачал головой. — *Ни в коем случае* она не будет петь... Я боюсь, что пунш...

— Мисс Грей, вы окажете огромную честь, если споете для нас, — сказал лорд Бромптон и так энергично подмигнул, что затряслись все его пятнадцать подбородков. — И если это заслуга пунша, тем лучше. Идем со мной. Я вас объявлю.

Гидеон крепко схватил меня за руку.

— Это плохая идея, — сказал он. — Лорд Бромптон, прошу вас... Моя сводная сестра еще никогда не пела на публике...

— Всегда наступает первый раз, — сказал лорд Бромптон и потащил меня дальше. — Тут же все свои. Не будьте занудой.

— Вот именно. Не будь занудой, — сказала я и сбросила руку Гидеона. — У тебя случайно нет с собой щетки для волос? Я лучше пою, если у меня в руке щетка для волос.

В лице Гидеона проглядывалось отчаяние.

— Ни в коем случае, — сказал он и пошел за нами к спинету.

Я слышала, как позади нас, тихо смеялся граф.

— Гвен... — шипел Гидеон. — Немедленно прекрати.

— Пенелопа, — исправила я его, одним глотком опустошила бокал с пуншем и, пустой, отдала ему. — Как ты думаешь, понравится им *Over the rainbow*? Или, — я хихикнула, — лучше *Hallelujah*?

Гидеон застонал.

— Ты не сделаешь этого! Идем со мной отсюда.

— Нет, это слишком современно, да? Дай подумать... — Я мысленно прошлась по всему своему репертуару, пока лорд Бромптон представлял меня, не жалея красок.

Мистер Мерчант, щупальщик, присоединился к нам.

— Нужно ли даме компетентное сопровождение на спинете? — спросил он.

— Нет, даме нужно кое-что другое, — ответил Гидеон и уселся на банкетку возле спинета. — Пожалуйста, Гвен...

— Пен, я бы попросила, — сказала я. — Я знаю, что буду петь. *Don't cry for me, Argentina*.^[41] Я знаю все слова, а мюзиклы, по сути, безвременны, ты так не считаешь? Но, может, они не знают, что такое Аргентина...

— Ты же не хочешь опозориться перед столькими людьми, не так ли?

Это была неплохая попытка заставить меня испугаться, но в данных обстоятельствах — совершенно напрасная.

— Послушай, — доверительно шепнула я. — Мне все эти люди неважны. Во-первых, они все умерли двести лет назад, а во-вторых, у них отличное настроение и они пьяны. Все, кроме тебя, разумеется.

Гидеон со стоном опустил лоб на руки, извлекая при этом локтями звуки из спинета.

— Знаете ли вы... может быть... *Memory*? Из *Cats*?^[42] — спросила я мистера Мерчанта.

— О... сожалею... нет, — сказал мистер Мерчант.

— Нестрашно, я тогда спою à capella,^[43] — уверенно сказала я и повернулась к публике. — Песня называется *Memory* и рассказывает о... кошке, страдающей от любви. Но, по сути, подходит и людям. В самом широком смысле.

Гидеон поднял голову, не веря своим ушам, и снова сказал:

— Прощу тебя...

— Мы просто никому не расскажем, — сказала я. — Окей? Это будет нашей тайной.

— Наконец-то наступил этот момент. Великолепная, единственная в своем роде и прекрасная мисс Грей сейчас будет петь для нас! — воскликнул лорд Бромптон. — Впервые перед публикой.

Я должна была бы волноваться, поскольку все разговоры стихли и все взгляды были обращены ко мне, но я не волновалась. Эх, какой восхитительный пунш! Я обязательно должна узнать его рецепт.

Что я там собиралась петь?

Гидеон сыграл несколько нот на спинете, и я узнала первые такты. *Memory*. А, точно! Я благодарно улыбнулась Гидеону. Как мило, что он принимает участие. Я набрала в легкие воздух. Первый звук в этой песне был особенно важен. Если его профукать, можно дальше не продолжать. Слово *Mitnight* должно прозвучать точно, но не назойливо. Я обрадовалась, потому что у меня оно прозвучала как у Барбры Стрейзанд.

Not a sound from the pavement,
has the moon lost her memory?
She is smiling alone.

Ты подумай! Гидеон, оказывается, умел играть на рояле. И совсем неплохо. Господи, если бы я не была так страшно в него влюблена, сейчас бы я в него уж точно влюбилась. Ему даже не надо было смотреть на клавиши, он смотрел только на меня. И выглядел при этом удивленным, как будто сделал только что неожиданное открытие. Может, потому что «луна» была «она»? [\[44\]](#)

All alone in the moonlight
I can dream at the old days, —

пела я только для него. В зале была хорошая акустика, как будто я пела в микрофон. Или дело было в том, что никто не издавал ни звука?

Let the memory live again.

Так петь мне нравилось больше, чем с Sing Star. Это было действительно, действительно потрясающе! И даже если всё было сном и в любой момент в комнату мог зайти папа Синтии и устроить гигантский

скандал, я готова была заплатить такую цену за этот момент.
Мне снова никто не поверит.

~~~

Time ain't nothin but time
It's a verse with no rhyme,
And it all comes down to you.

Bon Jovi^{[\[45\]](#)}

Глава одиннадцатая

Единственным недостатком оказалось то, что песня была слишком короткой. У меня мелькнуло искушение досочинить еще один куплет, но так можно было испортить общее впечатление, поэтому я не стала этого делать. Слегка сожалея, я пропела мои любимые строки:

If you touch me, you'll understand what happiness is.
Look, a new day has begun, —

и еще раз подумала, что песня не могла быть написана специально для кошек. Наверно, причиной был пунш — наверняка он! — но казалось, что гости на суаре наслаждались нашим выступлением не меньше, чем итальянскими ариями. Во всяком случае, они восторженно аплодировали, а я, пока леди Бромптон пробиралась сквозь ряды гостей, наклонилась к Гидеону и прочувствованно сказала:

— Спасибо! Это так мило с твоей стороны. И ты замечательно играешь!

Он снова подпер голову рукой, как бы не в силах понять, что это он только что совершил.

Леди Бромптон обняла меня, а мистер Мерчант экзальтированно расцеловал в обе щеки, назвал «золотым горлышком» и потребовал спеть на бис.

У меня было такое чудесное настроение, что я тут же с удовольствием продолжила бы, но Гидеон очнулся из оцепенения, встал и крепко взял меня за запястье.

— Я уверен, Эндрю Ллойд Вебер пришел бы в восторг, если бы узнал, что его музыку здесь так высоко ценят, но моей сестре необходимо отдохнуть. До прошлой недели у нее было сильнейшее воспаление горла, и врачи рекомендовали щадящий режим — иначе она может навсегда потерять голос.

— Боже упаси! — воскликнула леди Бромптон. — Почему вы раньше не сказали? Бедная девочка!

Я же, довольная, мурлыкала себе под нос «I fell pretty» из «Вестсайдской истории».

— Я... У вас действительно особый пунш, — сказал Гидеон. — Мне

кажется, он искушает людей забыть о предосторожностях.

— О да, он искушает, — сказала леди Бромптон с сияющим лицом. Чуть понизив голос, она добавила: — Вы только что разгадали тайну моего успеха как хозяйки дома. Весь Лондон завидует настроению на наших приемах, все стремятся получить приглашение. Но мне понадобились годы, чтобы усовершенствовать рецепт, и я собираюсь раскрыть его только на смертном одре.

— Какая жалость, — сказала я. — Но это правда: ваше суаре прекраснее, чем я себе представляла! Меня уверяли, что речь идет о скучной, закостенелой...

— ... Ее гувернантка несколько консервативна, — перебил меня Гидеон. — И можно сказать, что жизнь общества в Дербишире несколько... отсталая.

Леди Бромптон хихикнула.

— О да, я уверена! О, а вот наконец и лорд Аластер!

Она смотрела на дверь напротив, где лорд Бромптон приветствовал нового гостя. Это был мужчина предположительно среднего возраста (трудно было точно сказать из-за парика, который был на нем), в камзоле, настолько щедро украшенном блестящей вышивкой и камнями, что казалось, он весь искрит. Этот эффект усиливал мужчину в черной одежде, стоящий рядом. На нем была черная накидка, волосы его были черны как сажа, кожа — оливкового цвета и даже издали были заметно, что его глаза, как и глаза Ракоци, были похожи на огромные черные дыры. В ярко одетом и богато украшенном обществе он смотрелся как инородное тело.

— Я уже думала, Аластер не окажет нам сегодня эту честь. Что, с моей точки зрения, не было бы трагедией. Его присутствие не способствует раскрепощенности и веселью. Я попытаюсь заставить его выпить бокал пунша, а потом отправить к карточным столам...

— А мы попытаемся поднять его настроение пением, — сказал мистер Мерчант и уселся к спинету. — Окажите мне честь, леди Лавиния. *Così fan tutte?*^[46]

Гидеон положил мою руку на свою и отвел меня на пару шагов в сторону.

— И сколько же ты, черт побери, выпила?

— Парочку бокалов, — призналась я. — Наверняка один из тайных ингредиентов что-то другое, а не алкоголь. Может, абсент? Как в том грустном фильме с Николь Кидман «Мулен Руж».

Я вздохнула.

— *The greatest thing you'll ever learn is just to love and be loved in return.*
Могу поспорить, ты и это можешь сыграть.

— Запомни раз и навсегда: я ненавижу мюзиклы, — сказал Гидеон. — Как ты думаешь, ты выдержишься еще пару минут? Наконец-то прибыл лорд Аластер, как только мы его поприветствуем, нам можно будет уйти.

— Уже? Как жалко! — сказала я.

Гидеон только покачал головой.

— Похоже, ты полностью потеряла чувство времени. Если бы я мог, я бы засунул твою голову под холодную воду.

К нам подошел граф Сен-Жермен.

— Это было... особенное выступление, — сказал он и посмотрел на Гидеона, задрав бровь.

— Мне очень жаль, — сказал Гидеон со вздохом и посмотрел туда, где стояли оба новоприбывших. — Лорд Аластер выглядит несколько полнее, чем обычно.

Граф засмеялся.

— И не надейся. Мой враг в отличной форме. Ракоци видел его сегодня после обеда фехтующим у Джиллиано — ни один из глупых юнцов не имел и малейшего шанса против него. Следуйте за мной, я уже горю от нетерпения увидеть его лицо.

— Он сегодня так *мил*, — шепнула я Гидеону, когда мы шли за графом. — Знаешь, в прошлый раз он меня сильно напугал, но сегодня у меня такое чувство, будто он мой дедушка или что-то в этом роде. Он мне даже нравится. И как здорово, что он подарил тебе Страдивари. Она же стоит целое состояние, если продавать ее на eBay. У-упс, пол все еще шатается.

Гидеон обнял меня за талию.

— Клянусь, я убью тебя, как только это всё закончится, — пробормотал он.

— Интересно, я шепелявлю?

— Еще нет, — сказал он. — Но я уверен, что скоро будешь.

— Разве я вам не сказал, что он вот-вот появится? — Лорд Бромтон положил одну руку на плечо мужчины в блестящем золоте, а другую — на плечо графа. — Мне сказали, что вы уже знакомы. Лорд Аластер, вы никогда ни слова не проронили, что лично знаете знаменитого графа Сен-Жермена.

— Это не то, чем я обычно хвастаюсь, — сказал лорд Аластер надменно, а мужчина в черной одежде с оливковой кожей, стоявший чуть позади него, добавил хриплым голосом: «Так оно и есть».

Его горящие глаза буквально прожигали дыры в лице графа, так что нельзя было сомневаться в том, как сильно он ненавидит противника. На какую-то долю секунды мне показалось, что у него под накидкой шпага, которую он сейчас вытащит. Я вообще не могла понять, почему он был в накидке. Во-первых, было слишком тепло, а во-вторых, в такой праздничной обстановке она смотрелась неуместно и странно.

Лорд Бромптон весь сиял, как будто не замечал враждебной атмосферы.

Граф сделал шаг вперед.

— Лорд Аластер, какая радость! Пусть мы познакомились много лет тому назад, я вас никогда не забывал, — сказал он.

Так как я стояла за графом, то не могла видеть выражение его лица, но по голосу мне казалось, что он улыбался. Его голос звучал дружелюбно и весело.

— Я помню наши беседы о рабстве и морали и какое удивление я испытал, увидев, с каким совершенством вы умеете отделять одно от другого — точно, как ваш отец.

— Граф никогда ничего не забывает, — сказал лорд Бромптон мечтательно. — У него феноменальный мозг! За последние дни в его обществе я выучил больше, чем за всю свою жизнь. Известно ли вам, например, что граф способен изготавливать искусственные драгоценные камни?

— Да, мне это известно. — Взгляд лорда Аластера стал холоднее, если это было вообще возможно, а его спутник тяжело дышал, как кто-то, готовый вот-вот впасть в неистовство.

Я зачарованно смотрела на его накидку.

— Наука не относится к любимым занятиям лорда Аластера, насколько я помню, — сказал граф. — О, как невежливо с моей стороны. — Он сделал шаг в сторону, открывая взгляду лорда Гидеона и меня. — Я хотел вам представить этих двух очаровательных молодых людей. Честно говоря, это было единственной причиной моего сегодняшнего пребывания здесь. В моем возрасте избегают общества и ложатся рано в постель.

При взгляде на Гидеона глаза лорда расширились.

Лорд Бромптон занял пространство между Гидеоном и мной своим массивным телом.

— Лорд Аластер, разрешите представить вам сына виконта Баттена. И воспитанницу виконта, обворожительную мисс Грей.

Мой реверанс был по двум причинам менее почтительным, чем предписано этикетом: во-первых, я боялась потерять равновесие, во-

вторых, лорд был настолько надменным, что я совершенно забыла, что я играю роль бедной воспитанницы лорда Баттена. Эй, я сама была внучкой лорда из старого и прославленного рода, к тому же происхождение в наше время вообще не имело значения — все люди равны, или нет?

Взгляд лорда Аластера заморозил бы кровь у меня в жилах в любое другое время, но сегодня пунш был отличным антифризом, и поэтому я ответила на его взгляд насколько смогла величественно. Он все равно на меня недолго смотрел, Гидеон — вот от кого он не отрывал глаз, пока лорд Бромптон что-то радостно тараторил.

Никто не потрудился представить одетого в черное спутника лорда Аластера и, казалось, никто не обратил внимания, что он уставился на меня из-за плеча лорда и прорычал:

— Ты! Демон с сапфировыми глазами! Ты скоро отправишься в ад!

Что-что? Это было уже слишком. В ожидании помощи я оглянулась на Гидеона, на лице которого красовалась слегка напряженная улыбка. Но он заговорил только тогда, когда лорд Бромптон собирался пойти за своей женой — и парочкой бокалов пунша:

— Не трудитесь, лорд Бромптон, — сказал он. — Нам все равно пора уже уходить. Моя сестра еще несколько слаба после болезни и не привыкла так долго бодрствовать. — Он снова положил руку мне талию, а другой взял меня под локоть. — Как вы видите, она еще несколько неуверенно держится на ногах.

О как он был прав! Пол подо мной действительно неприятно шатался. Я благодарно оперлась на Гидеона.

— О, я сейчас же вернусь! — крикнул лорд. — Моя жена наверняка сумеет вас уговорить остаться.

Граф Сен-Жермен с улыбкой смотрел ему вслед.

— Он такой радушный человек, его потребность в гармонии пострадала бы, если мы начнем ссориться.

Лорд Аластер смотрел на Гидеона с неприкрытой враждебностью.

— Тогда он был неким маркизом Веллдауном, если я верно помню. А сегодня — сын виконта. Как и вы, ваш протеже имеет склонность к мошенничеству. Какая жалость.

— Это называется дипломатический псевдоним, — сказал граф, все еще улыбаясь. — Но вы в этом ничего не смыслите. Как бы то ни было: я слышал, вы получили удовольствие от фехтования при вашей встрече одиннадцать лет назад.

— Я получаю удовольствие от каждого поединка, — сказал лорд Аластер. Он продолжил, как будто не слышал, как его спутник прохрипел:

«Разгромите врагов Господа мечами Ангелов и Архангелов!». — И за это время я научился некоторым трюкам. Зато ваш протеже за эти одиннадцать лет почти не постарел, и, как я сам имел возможность убедиться, не имел времени поработать над своей техникой.

— *Сам* имел возможность убедиться? — презрительно улыбнулся Гидеон. — Для этого вам надо было прийти *самому*. Но вы лишь послали своих людей, а для них моей техники вполне хватило. Что снова доказывает — лучше делать все *самому*.

— Вы... — Глаза лорда Аластера сузились. — О, вы говорите об инциденте в Гайд-Парке в прошлый понедельник. Правильно. Лучше бы я сам взялся за дело. Это все равно была спонтанная идея. Но без помощи черной магии и... *девчонки* вы вряд ли бы сумели выжить.

— Я очень рад, что вы прямо говорите об этом, — сказал граф. — Ибо с тех пор, как ваши люди захотели лишить жизни моих юных друзей, я стал немного несдержанным... Я думал, что ваша агрессия направлена на меня. Уверен, вы понимаете, что я не потерплю подобного еще раз.

— Делайте то, что считаете нужным, а я буду делать то, что я считаю нужным, — ответил лорд Аластер, а его спутник прохрипел: «Смерть! Смерть демонам!», причем так своеобразно, что я уже не исключала наличие лазерного меча у него под накидкой. Он явно был слегка сумасшедшим. Я считала более невозможным игнорировать его поведение.

— Хотя нас и не представили друг другу, и я вынуждена признать, что сегодняшние правила общения слегка проблематичны для меня, — сказала я, смотря ему прямо в глаза. — Но эти разговоры о смерти и демонах я считаю абсолютно неуместными.

— Не обращай ко мне, демон! — грубо сказал Дарт Вейдер. — Я невидим для твоих сапфировых глаз. А твои уши не могут слышать меня.

— Я бы не возражала, — сказала я и внезапно захотела домой. Или хотя бы назад на диван, какой бы неудобной ни была спинка. Вся комната шаталась подо мной, как корабль в океане.

Гидеон, граф и лорд Аластер выглядели так, как будто потеряли нить разговора. Они прекратили бросаться таинственными фразами и удивленно смотрели на меня.

— Мечи моих потомков пронзят вашу плоть, флорентийский Альянс отомстит за зло, причиненное моему роду, и сметет с лица Земли то, что неугодно Богу! — сказал Дарт Вейдер, ни к кому конкретно не обращаясь.

— С кем ты разговариваешь? — шепнул Гидеон.

— С этим вот, — сказала я, ухватившись за него покрепче, и показала на Дарта Вейдера. — Кто-нибудь должен ему сказать, что его накидка —

фуфл... не соответствует последней моде. И что я — между прочим — никакой не демон и мечи его потомков не пронзят мою плоть и не сметут меня с лица Земли. Ай!

Гидеон стиснул мою руку.

— Что это за комедия, граф? — спросил лорд Аластер и поправил аляпистую брошь на шейном платке.

Граф не обращал на него внимания. Его взгляд из-под тяжелых век остановился на мне.

— Это интересно, — сказал он тихим голосом. — Очевидно, она способна заглянуть прямо в вашу черную заблудшую душу, дорогой Аластер.

— Она выпила такое количество вина, что я боюсь, это всего лишь фантазии, — сказал Гидеон и прошипел мне на ухо: — *Заткнись!*

Мой желудок больно сжался в комок от ужаса, когда я мгновенно поняла, что никто больше не видит Дарта Вейдера, и не видит потому, что он — проклятый призрак! Если бы я не была так пьяна, то очевидность этого бросилась бы мне в глаза раньше. Можно ли быть большей идиоткой? Ни его одежда, ни прическа не подходили для этого столетия, и самое позднее — в тот момент, когда он хрипел свой пафосный бред, я должна была заметить, кто или — вернее — что стоит передо мной.

Лорд Аластер запрокинул голову и сказал:

— Мы оба знаем, чья душа здесь принадлежит дьяволу, граф. С Божьей помощью я помешаю тому, что эти *существа* вообще появятся на свет.

— Пронзенные мечами святого флорентийского Альянса! — добавил Дарт Вейдер высокопарно.

Граф рассмеялся.

— Вы так и не поняли законы времени, Аластер. Сам факт, что эти двое стоят перед вами, доказывает, что ваши планы не сбудутся. Может, вам не стоит так сильно уповать на Божью помощь в этом деле. Как и на мое долготерпение в дальнейшем.

В его голосе и взгляде внезапно появился ледяной холод, и я заметила, что лорд отпрянул. На короткое мгновение с него слетела вся надменность, и только страх был в его лице.

— Изменив правила игры, вы проиграли свою жизнь, — произнес граф тем же голосом, которым в прошлую встречу напугал меня до смерти, и внезапно я снова была уверена, что он кому-то собственноручно перерезал горло.

— Ваши угрозы не действуют на меня, — прошептал лорд Аластер, но

лицо его говорило другое. Бледный, как покойник, он схватился за кадык.

— Неужели вы уже хотите уйти, мои дорогие? — К нам подошла леди Бромптон, шурша юбками и радостно улыбаясь.

Черты лица графа Сен-Жермена разгладились, и в его лице не осталось ничего, кроме любезности.

— А вот и наша очаровательная хозяйка. Я должен сказать, вы полностью соответствуете тому, что о вас говорят, миледи. Я уже давно не получал такого удовольствия.

Лорд Аластер потер шею. На его щеки постепенно возвращалась краска.

— Сатана! Сатана! — рассерженно закричал Дарт Вейдер. — Мы разгромим всех вас, собственноручно вырвем ваши лживые языки...

— Мои юные друзья сожалеют так же сильно, как я, что нам нужно уйти, — продолжил граф с улыбкой. — Но вы скоро снова встретитесь, на балу у лорда и леди Пимплботтом.

— Прием всегда настолько интересен, насколько интересны его гости, — сказала леди Бромптон. — Поэтому я была бы очень рада, иметь возможность снова приветствовать вас в ближайшее время. Как и ваших прелестных юных друзей. Встреча нам всем доставила огромное удовольствие.

— Мы тоже были очень рады, — сказал Гидеон и осторожно отпустил меня, как будто был не уверен, смогу ли я стоять самостоятельно.

Хотя комната еще шаталась, как корабль, и мысли в моей голове явно страдали от морской болезни (чтобы оставаться в теме), мне удалось при прощании собраться и не посрамить Джордано и, в первую очередь, Джеймса. Только лорд Аластер и все еще выкрикивающий страшные угрозы призрак не удостоились моего взгляда. Я сделала книксен перед лордом и леди Бромптон, поблагодарила за чудесный вечер, и у меня не дрогнула даже ресница, когда лорд Бромптон оставил на моей руке слюнявый след от поцелуя.

Перед графом я присела в очень глубоком реверансе, но не решилась еще раз посмотреть ему в лицо. Когда он тихо сказал: «Мы увидимся вчера после обеда», я только кивнула и ждала с опущенными глазами, пока Гидеон снова подошел ко мне и взял под руку. Полная благодарности, я дала ему увести себя из салона.

— Черт возьми, Гвендолин — это же не школьная вечеринка! Как ты могла?! — Гидеон грубо набросил мне шаль на плечи.

Казалось, охотнее всего он сейчас встряхнул бы меня со всей силы.

— Извини, — сказала я в очередной раз.

— Лорда Аластера сопровождают только паж и кучер, — шепнул Ракоци, возникший позади Гидеона, как черт из коробки. — Дорога и церковь проверены. Все входы в церковь охраняются.

— Тогда идем, — сказал Гидеон и взял меня за руку.

— Я могу понести юную даму, — предложил Ракоци. — Кажется, она не слишком уверенно стоит на ногах.

— Замечательная идея, но не надо, спасибо, — сказал Гидеон. — Пару метров ты сумеешь одолеть, не так ли?

Я решительно кивнула.

Дождь усилился. После ярко освещенного салона Бромптонов обратный путь в темноте был еще более жутким, чем в первый раз. Опять виднелись ожившие тени, опять я выглядывала за каждым углом чью-то фигуру, которая готова броситься на нас. «...сметет с лица Земли то, что негодно Богу!» — казалось, шептали тени.

Гидеону тоже было не по себе на обратном пути. Он шел так быстро, что я лишь с трудом поспевала за ним, и не произнес ни слова. К сожалению дождь не помог разобраться с мыслями, да и земля все еще шаталась под ногами. Поэтому я почувствовала бесконечное облегчение, когда мы добрались до церкви и Гидеон усадил меня на скамью перед алтарем. Пока он о чем-то говорил с Ракоци, я закрыла глаза и чертыхалась из-за своего безрассудства. Да, конечно, пунш имел и приятные побочные явления, но в общем и целом мне было бы лучше придерживаться нашего с Лесли пакта о неупотреблении алкоголя. Все мы крепки задним умом.

Как и в момент нашего прибытия, на алтаре горела одна-единственная свеча, и кроме этого крохотного трепещущего островка света вся церковь была погружена во мрак. Когда Ракоци удалился — «Мои люди охраняют все окна и двери до момента вашего обратного прыжка», — меня охватил страх. Я подняла глаза на Гидеона, подошедшего к скамье.

— Внутри так же жутко, как и снаружи. Почему он не остался с нами.

— Из вежливости. — Он скрестил руки. — Он не хочет слышать, как я на тебя буду орать. Но не волнуйся, тут никого нет. Люди Ракоци обыскали каждый уголок.

— Как долго еще до нашего прыжка?

— Не очень долго. Гвендолин, тебе уже ясно, что ты вела себя прямо противоположно тому, чего от тебя ожидали? Как всегда, собственно.

— А ты не должен был оставлять меня одну! Могу поспорить, что это тоже было прямо противоположно тому, что ты должен был делать!

— Не надо делать из меня виноватого! Сначала ты напиваешься, потом поешь песни из мюзикла, а в конце ведешь себя как сумасшедшая — и как

нарочно именно перед лордом Аластером. Что это был за лепет о мечях и демонах?

— Это не я начала. Это тот черный ужасный призр... — Я прикусила язык. Невозможно было ему об этом рассказать, он и так считал меня чокнутой.

Гидеон понял мое внезапное молчание абсолютно неправильно.

— О нет! Только не вздумай рвать! А если не можешь сдержаться, отойди подальше! — В его взгляде была брезгливость. — Черт возьми, Гвендолин, я понимаю, что можно в кайф напиться на вечеринке, но не на *этой* же!

— Меня не тошнит. — Пока, во всяком случае. — И я никогда не напиваюсь на вечеринках — что бы Шарлотта ни рассказывала.

— Она вообще мне ничего не рассказывала, — сказал Гидеон.

Я усмехнулась.

— О не-е-ет, конечно, нет. Она не рассказывала, что я и Лесли перепробовали каждого парня в нашем классе, да и каждого из старших классов. Или?

— С чего бы она должна такое рассказывать?

Дай-ка подумать... может, потому что она подлая рыжая ведьма? Я попробовала почесать голову, но пальцы не проходили через гору волос. Поэтому я вытащила заколку и ею почесалась.

— Мне очень жаль, правда. О Шарлотте можно говорить что угодно, но она в жизни бы не подумала даже *понюхать* этот пунш.

— Это правда, — сказал Гидеон и неожиданно рассмеялся. — Зато все остальные в жизни бы не услышали Эндрю Ллойда Вебера — на двести лет раньше, что было бы очень жаль.

— Правильно... даже если я завтра, скорее всего, от стыда захочу провалиться сквозь землю. — Я спрятала лицо в ладонях. — Если хорошо подумать, я уже хочу.

— Это хорошо, — сказал Гидеон. — Это значит, что действие алкоголя слабеет. Но у меня есть еще один вопрос: зачем тебе была нужна щетка для волос?

— Как замена микрофону, — проямлила я сквозь пальцы. — О боже! Я — ходячий ужас!

— Но у тебя приятный голос, — сказал Гидеон. — Даже мне, записному ненавистнику мюзиклов, понравилось.

— А почему ты так хорошо играл, если ты ненавидишь мюзиклы? — Я сложила руки на коленях и посмотрела на него. — Ты был невероятен! Есть ли что-нибудь, чего ты не умеешь?

Боже, я говорила, как малолетняя фанатка!

— Нету! Ты спокойно можешь считать меня божеством! — Он ухмыльнулся. — Хммм, очень мило с твоей стороны... Поднимайся, время почти настало. Нам нужно перейти на нужное место.

Я встала и постаралась держаться как можно прямее.

— Сюда, — указал Гидеон. — Перестань, не смотри так удрученно. По сути вечер оказался грандиозным успехом. Возможно, немного иначе, чем планировалось, но все шло по плану. Эй, стой! — Он обнял меня за талию двумя руками и притянул к себе, пока моя спина не прижалась к его груди. — Ты можешь опереться на меня. — Он помолчал. — И прости меня за то, что я только что был так груб.

— Уже забыто. — Что несколько не соответствовало правде. Но это был первый раз, когда Гидеон попросил прощения за свое поведение, и может причиной тому был алкоголь или его ослабевающее действие, но я была очень тронута.

Какое-то время мы стояли молча и смотрели на мерцающую свечу, оставшуюся далеко на алтаре. Тени между колоннами шевелились и создавали темный узор на полу и потолке.

— Этот Аластер... почему он так ненавидит графа? Это что-то личное?

Гидеон начал играть с локоном, упавшем мне на плечо.

— Как посмотреть. То, что называется так помпезно — «флорентийский Альянс», на самом деле на протяжении сотни лет — семейный подряд. Путешествуя в шестнадцатый век, граф случайно оказался в конфликте с родом Конте ди Мадроне во Флоренции. Или, можно сказать, его способности были полностью неверно истолкованы. Путешествия во времени противоречат религиозным убеждениям семейства Конте, кроме того, было какое-то недоразумение с дочкой, во всяком случае, он был убежден, что видит перед собой демона, и решил, что Бог его призвал, чтобы он уничтожил это порождение ада. — Его голос оказался вдруг совсем близко от моего уха, и перед тем как продолжить, он коснулся губами моей шеи. — Когда Конте ди Мадроне умер, его сын перенял клятву и так далее. Если хочешь, Лорд Аластер — последний в череде охотников за демонами, много о себе мнящий фанатик.

— Понимаю, — сказала я, что не совсем соответствовало правде. Но оно укладывалось во впечатление от всего ранее услышанного и увиденного. — Скажи-ка, ты что, *целуешь* меня как раз?

— Нет, только почти, — пробормотал Гидеон, ведя губами по моей коже. — Я ни в коем случае не хочу злоупотребить тем, что ты сейчас

пьяна, а меня считаешь божеством. Но мне очень трудно...

Я закрыла глаза и запрокинула голову так, что она оказалась на его плече. Он крепче прижал меня.

— Я же говорил, ты не облегчаешь мне задачу. В церквях у меня постоянно возникают глупые идеи, когда ты рядом...

— Есть кое-что, что ты обо мне еще не знаешь, — сказала я с закрытыми глазами. — Иногда, я вижу... я могу... ну, людей, которые давно умерли... иногда я могу их видеть и слышать. Как сегодня вечером. Я думаю, тот мужчина, которого я видела рядом с лордом Аластером, может быть тем самым итальянцем Конте.

Гидеон молчал. Наверное, он как раз обдумывал, как бы потактичнее посоветовать мне хорошего психиатра.

Я вздохнула. Надо было мне промолчать. Сейчас он еще ко всему прочему считает меня сумасшедшей.

— Начинается, Гвендолин, — сказал он, немного отодвинул меня от себя и повернул, так чтобы я могла его видеть. Было темно, чтобы разглядеть выражение его лица, но я видела, что он не улыбается. — Было бы неплохо, если бы ты удержалась на ногах в те несколько секунд, когда меня не будет. Готова?

Я покачала головой.

— Вообще-то нет.

— Я сейчас отпущу тебя, — сказал он и в то же мгновение исчез.

Я стояла одна в церкви, среди темных теней. Но спустя всего пару секунд я ощутила в животе привычное чувство и тени закружились вокруг меня.

— А вот и она, — произнес голос мистера Джорджа.

Я моргала от яркого света. Церковь была залита светом, а галогеновые лампы по сравнению с золотистым светом от свечей в салоне леди Бромптон неприятно резали глаз.

— Все в порядке, — сказал Гидеон, бросив на меня испытующий взгляд. — Вы можете закрывать свой саквояж, доктор Уайт.

Доктор Уайт прорычал что-то неразборчивое. Действительно, на алтаре лежало много разных шуток, которые обычно лежат на передвижном столике в операционной.

— О господи, доктор Уайт, неужели это зажимы для артерий? — Гидеон засмеялся. — Полезно знать, что вы думаете о суаре в восемнадцатом веке.

— Я хотел быть готовым к любым неожиданностям, — сказал доктор Уайт, складывая инструменты в докторский саквояж.

— Мы с нетерпением ждем вашего отчета, — сказал Фальк де Вилльер.

— Прежде всего, я счастлив снять с себя эту одежду. — Гидеон развязал шейный платок.

— Всё... получилось? — спросил мистер Джордж, искоса бросив на меня нервный взгляд.

— Да, — сказал Гидеон, срывая с себя платок. — Все прошло точно по плану. Лорд Аластер пришел несколько позже, чем ожидалось, но вовремя, чтобы еще застать нас. — Он улыбнулся мне. — И Гвендолин отлично справилась со своим заданием. Настоящая воспитанница виконта Баттена не сумела бы лучше себя вести.

Я не могла сдержать проступивший на моем лице румянец.

— Мне доставит огромную радость сообщить об этом Джордано, — сказал мистер Джордж, явно гордясь, и подал мне руку. — Не то чтобы я ожидал чего-то другого...

— Нет, конечно, нет, — пролепетала я.

Каролина разбудила меня шепотом:

— Гвенни, прекрати петь! Это уже неловко! Тебе нужно в школу!

Я резко села в кровати и уставилась на нее.

— Я пела?

— Что?

— Ты сказала, чтобы я перестала петь.

— Я сказала, что тебе пора вставать!

— Значит, я не пела?

— Ты спала, — сказала Каролина, качая головой. — Поспеш, ты уже опаздываешь. Мама просила передать, что она ни в коем случае не разрешает тебе пользоваться ее гелем для душа!

Под душем я постаралась вытеснить все воспоминания о вчерашнем дне. Но толком мне это не удалось, отчего долгие минуты я провела, упершись лбом в дверь душевой кабинки и бормоча «Мне это только приснилось!». Головная боль не улучшала ситуацию.

Когда я наконец спустилась в столовую, завтрак, к счастью, почти закончился. Ксемериус висел вниз головой на люстре и раскачивался.

— Ну, протрезвела, маленькая пьянчужка?

Леди Ариста окинула меня взглядом с головы до ног.

— Ты специально накрасила только один глаз?

— Э-э-э... нет.

Я хотела повернуться и уйти, но вмешалась мама:

— Сначала завтрак! Ресницы можно накрашивать и позже.

— Завтрак — самая важная трапеза каждого дня, — добавила тетя Гленда.

— Ерунда! — сказала бабушка Мэдди. Она сидела в халате в кресле возле камина, подтянув коленки, как маленькая девочка. — Завтрак можно и пропустить — при этом сэкономишь кучу калорий, которые вечером можно инвестировать в бокал вина. Или в два бокала. Или в три.

— Похоже, любовь к алкогольным напиткам — это семейное, — сказал Ксемериус.

— Да-да, что сразу можно увидеть по ее фигуре, — шепотом сказала тетя Гленда.

— Я, может быть, несколько полновата, но ни в коем случае не глуха, — сказала бабушка Мэдди.

— Тебе лучше было бы остаться в кровати, — сказала леди Ариста. — Завтрак не проходит так напряженно, когда ты долго спишь.

— К сожалению, это зависело не от меня, — сказала бабушка Мэдди.

— У нее сегодня ночью снова было видение, — объяснила мне Каролина.

— Вот именно, — сказала бабушка Мэдди. — Это было ужасно. Так *печально*. Я страшно расстроилась. Там было прекрасное сердце из граненого рубина, оно сверкало на солнце... Оно лежало высоко-высоко на выступе скалы.

Я не была уверена, что хочу слышать, что было дальше.

Мама улыбнулась мне:

— Съешь что-нибудь, дорогая. Хотя бы фрукты. И не слушай, что она говорит.

— И тут пришел Лев... — Бабушка Мэдди вздохнула. — С шикарной золотой гривой...

— Уг-у-у-у, — выдал Ксемериус. — И могу поспорить — с сверкающими зелеными глазами.

— У тебя на лице следы фломастера, — сказала я Нику.

— Тс-с-с, — ответил он. — Становится интересно.

— И когда Лев увидел лежащее сердце, он сильно ударил его лапой, и сердце упало в пропасть, глубоко-глубоко, — сказала бабушка Мэдди и драматически прижала руки к груди. — При ударе оно разбилось на сотни маленьких кусочков, и когда я посмотрела пристальнее, я увидела, что это были капли крови...

Я сглотнула. Внезапно меня затошнило.

— Упс! — сказал Ксемериус.

— А дальше? — спросила Шарлотта.

— Ничего дальше, — ответила бабушка Мэдди. — Это всё. Достаточно для ужаса.

— О, — сказал Ник разочарованно. — Так хорошо начиналось.

Бабушка Мэдди сердито сверкнула на него глазами.

— Я не пишу сценарии, мой мальчик!

— И слава богу, — пробормотала тетя Гленда. Потом она повернулась ко мне, открыла рот, чтобы что-то сказать, но тут же его снова закрыла.

Вместо этого заговорила Шарлотта:

— Гидеон рассказывал, что ты неплохо справилась с суаре. Я должна признать, что почувствовала облегчение по этому поводу. Я думаю, все почувствовали облегчение.

Я игнорировала ее и вместо этого укоризненно смотрела на люстру.

— Я хотел вчера тебе рассказать, что эта выскочка встречалась с Гидеоном за ужином. Но... как бы это получше сказать? Ты была... несколько... не расположена, — сказал Ксемериус.

Я фыркнула.

— А что я могу сделать, если твой драгоценный камушек приглашает ее остаться на ужин? — Ксемериус оттолкнулся от люстры и полетел над столом к пустому месту, где обычно сидит бабушка Мэдди. Там он уселся, аккуратно сложив свой хвост ящерицы вокруг лап. — Я хочу сказать, на его месте я бы тоже так поступил. Во-первых, она целый день была нянькой для его брата, а потом еще навела порядок в его квартире и погладила ему рубашки.

— Что?!

— Я ж говорю — что я могу сделать? Во всяком случае, он был так благодарен, что тут же решил продемонстрировать, как быстро умеет готовить спагетти для трех персон... Нужно сказать, у него было отличное настроение! Можно было подумать, что он что-то принял. А сейчас захлопни рот, а то все смотрят на тебя.

Действительно, все смотрели на меня.

— Я пошла красить второй глаз, — сказала я.

— И можешь наложить немного румян, — сказала Шарлотта. — Просто совет.

— Я ее ненавижу! — сказала я. — Я ее ненавижу. Я ее ненавижу!

— Ой-ой-ой! Только потому, что она погладила его дурацкие рубашки? — Лесли смотрела на меня, качая головой. — Это действительно... глупо.

— Он для нее *готовил ужин*, — убивалась я. — Она целый день была в его квартире.

— Хорошо. Но тебя в церкви он обнимал и целовал, — сказала Лесли и вздохнула.

— Нет!

— Но он хотел.

— Он Шарлотту тоже целовал!

— Но только на прощание, в щечку, — рыкнул Ксемериус прямо мне в ухо. — Если я еще раз должен буду это повторить, я лопну. Я ухожу. Эти девичьи страдания меня когда-нибудь убьют.

Ударив пару раз крыльями, он взлетел на школьную крышу и удобно уселся там.

— Я не хочу больше слышать ни слова на этот счет, — сказала Лесли. — Намного важнее, чтобы ты сейчас вспомнила всё, о чем вчера говорилось. И я имею в виду важные вещи, ты понимаешь — те, в которых речь идет о жизни и смерти!

— Я все, что знаю, рассказала, — заверила я ее и потерла лоб. Благодаря трем таблеткам аспирина голова больше не болела, но виски еще давило.

— Хм-м-м. — Лесли склонилась над своими записями. — Почему ты не спросила у Гидеона, при каких обстоятельствах одиннадцать лет назад он уже встречался с лордом Аластером и о каком фехтовальном бое шла речь?

— Я не спросила его о много-много большем, поверь мне!

Лесли опять вздохнула.

— Я напишу тебе список. Ты можешь каждый раз выяснять по одному вопросу — когда это стратегически будет подходить и твои гормоны тебе позволят. — Она спрятала блокнот и посмотрела на школьные ворота. — Нам нужно идти наверх, а то опоздаем. Я обязательно хочу присутствовать при том, когда Рафаэль Бертелин первый раз зайдет в класс. Бедный парень, наверное, школьная форма ему кажется арестантским костюмом.

Мы еще сделали крюк, чтобы пройти мимо ниши Джеймса. В утренней суете никто не обращал внимания, когда я с ним разговаривала, тем более, что Лесли специально становилась так, чтобы можно было подумать — я разговариваю с ней.

Джеймс прижал надушенный платок к носу и оглянулся, что-то ища.

— Я вижу, на этот раз ты не взяла с собой своего невоспитанного кота.

— Представь себе, Джеймс, я была на суаре у леди Бромптон, — сказала я. — И я делала книксен точно так, как ты меня научил.

— Леди Бромптон, так-так... — сказал Джеймс. — Нельзя сказать, чтобы у нее была репутация хорошего общества. Говорят, ее приемы проходят очень бурно.

— Да, это так. Я надеялась, что это, возможно, норма.

— Слава богу, нет! — Джеймс уязвленно сжал губы.

— Ну, как бы то ни было, в следующую субботу я приглашена на бал к твоим родителям — лорду и леди Пимплботтом.

— Не могу себе представить, — сказал Джеймс. — Моя мать придает очень большое значение безукоризненному обществу.

— Большое спасибо, — сказала я и повернулась, чтобы уйти. — Ты настоящий сноб!

— Я не хотел тебя обидеть, — крикнул Джеймс мне вслед. — А что такое «сноб»?

Рафаэль стоял уже в дверях, когда мы подошли к нашей классной комнате. И он выглядел таким несчастным, что мы остановились.

— Эй, меня зовут Лесли Хей, а это моя подруга — Гвендолин Шеферд, — сказала Лесли. — Мы познакомились в пятницу перед кабинетом директора.

Слабая улыбка осветила лицо Рафаэля.

— Я очень рад, что хотя бы вы меня узнали. У меня были проблемы, когда я стоял перед зеркалом.

— Да, — согласилась Лесли. — Ты выглядишь, как стюард на одном из круизных пароходов. Но к этому привыкаешь.

Улыбка Рафаэля стала шире.

— Ты только должен следить, чтобы галстук не оказался у тебя в супе, — сказала я. — Со мной это происходит постоянно.

Лесли кивнула.

— Еда, кстати, здесь ужасная. Во всем остальном — не так уж плохо. Я уверена, скоро ты почувствуешь себя как дома.

— Ты никогда не была в южной Франции, да? — спросил Рафаэль немного с горечью в голосе.

— Нет, — ответила Лесли.

— Заметно. Я никогда не буду себя чувствовать как дома в стране, в которой круглые сутки идет дождь.

— Мы, англичане, не любим, если кто-то постоянно ругает нашу погоду, — сказала Лесли. — О, вон идет миссис Каунтер. Она — на твою удачу — немного франкофил. Она будет тебя любить, если ты время от времени, как будто случайно, будешь вставлять в свою речь французские

слова.

— *Tu es mignonne*,^[47] — сказал Рафаэль.

— Я знаю, — сказала Лесли, затаскивая меня в класс. — Но я не франкофил.

— Ты ему нравишься, — сказала я и бросила книги на парту.

— Да ради бога, — сказала Лесли. — Но он не в моем вкусе.

Я не сдержала смеха.

— Ну да, конечно!

— Ах, перестань, Гвен, достаточно, что одна из нас не в своем уме. Я знаю таких типов. С ними только проблемы. Кроме того, он интересуется мной только потому, что Шарлотта сказала, что меня легко завоевать.

— И потому, что ты выглядишь, как его собака Берти, — сказала я.

— Точно, и поэтому. — Лесли рассмеялась. — Да он забудет меня тут же, как только на него набросится Синтия. Смотри, она явно специально пошла в парикмахерскую и мелировала волосы.

Но Лесли ошибалась. Рафаэль совершенно очевидно не интересовался разговором с Синтией. Когда мы на перемене сидели на нашей лавочке под каштаном и Лесли в очередной раз изучала записку с кодом из «Зеленого всадника», Рафаэль подошел к нам, сел рядом не спросив и сказал:

— О, класс, геокэшинг!

— Что? — Лесли недовольно посмотрела на него.

Рафаэль показал на записку.

— Вы не знаете, что такое геокэшинг? Это современный вариант игры «зайцы и собаки»^[48] с GPS. Цифры выглядят точно как географические координаты.

— Нет, это только... что, правда?

— Дай-ка посмотреть. — Рафаэль взял у нее записку. — Да. Предположим, что ноль перед буквой — это ноль в верхнем регистре, то есть обозначает «градус». А черточки — *минуты* и *секунды*.

До нас донесся громкий крик. На лестнице Синтия что-то говорила Шарлотте, яростно жестикулируя, отчего Шарлотта зло смотрела в нашу сторону.

— О боже! — Лесли пришла в возбуждение. — Это означает 57 градусов, 30 минут, 41.78 секунд северной широты и 0 градусов, 08 минут, 49.91 секунд восточной долготы?

Рафаэль кивнул.

— То есть, это обозначает какое-то место? — спросила я.

— Ну да, — сказал Рафаэль. — Какое-то очень маленькое место,

приблизительно четыре квадратных метра. И что там находится? Тайник?

— Если бы мы знали, — сказала Лесли. — Мы даже не знаем, где это место.

Рафаэль пожал плечами.

— Ну, это просто.

— Как? Для этого нужен GPS-прибор? И как он работает? Я не имею понятия об этом, — сказала Лесли возбужденно.

— Зато я имею понятие. Я мог бы тебе помочь, — сказал Рафаэль. — *Mignonne*.

Я опять посмотрела на лестницу. К Синтии и Шарлотте присоединилась Сара, и они втроем смотрели в нашу сторону со злостью. Лесли ничего не замечала.

— Хорошо. Но это нужно сделать сегодня после обеда, — сказала она. — Мы не можем терять времени.

— Я тоже, — сказал Рафаэль. — Встречаемся в четыре в парке. До этого времени я как-нибудь избавлюсь от Шарлотты.

— Не думаю, что это будет легко. — Я сочувственно посмотрела на него.

Рафаэль ухмыльнулся.

— Я думаю, ты меня недооцениваешь, маленькая путешественница во времени.

~ ~ ~

Мы можем видеть, как чашка падает со стола и разбивается на осколки, но мы никогда не увидим, как чашка складывается и возвращается на стол. Увеличение беспорядка, или энтропии дает возможность отличить прошлое от будущего и придает таким способом времени определенное направление.

Стивен Хокинг

Глава двенадцатая

— Я могла бы надеть то же платье, что и на прошлой неделе, — сказала я, когда мадам Россини натянула на меня бледно-розовую мечту каждой девочки, богато расшитую кремовыми и бордовыми цветами. — Голубое в цветочек. Оно висит у меня дома в шкафу. Надо было сказать мне...

— Ш-ш-ш, лебедушка, — сказала мадам Россини. — Как ты считаешь, за что мне платят? За то, чтобы ты два раза надевала одно и то же платье? — Она занялась маленькими пуговицами у меня на спине. — Я просто несколько расстроена, что ты разрушила свою прическу! Во времена рококо это произведение искусства нужно было носить днями. Дамы спали сидя.

— Но я же не могла с такой прической пойти в школу, — сказала я. Скорее всего я застряла бы еще в дверях школьного автобуса. — А Гидеона одевает Джордано?

Мадам Россини прищелкнула языком.

— Па! Юноше не нужна помощь, как он утверждает. А это значит, что вся его одежда будет в мрачных тонах, а шейный платок — завязан невозможным способом. Но я отказалась от дальнейших споров. Так, что мы делаем с твоими волосами? Я сейчас схожу за плойкой, и мы просто вплетем ленту, *et bien!*

Во время того как мадам Россини завивала мне волосы, пришла смс от Лесли: «Жду еще ровно две минуты, если *le petit français* не придет, он может забыть *mignonne*».

Я ответила: «Эй, вы должны встретиться только через четверть часа. Дай ему хотя бы еще десять минут».

Что ответила Лесли я уже не узнала, так как мадам Россини взяла у меня мобильник, чтобы сделать ставшие уже обязательными фото. Розовый цвет оказался мне больше к лицу, чем я думала (в настоящей жизни это совсем не мой цвет...), но моя прическа выглядела так, будто я провела ночь, засунув пальцы в розетку. Розовая лента выглядела как напрасная попытка удержать разметанные взрывом волосы. Гидеон, зайдя за мной, откровенно хихикал.

— Прекрати! Если уж смеяться, то мы можем смеяться над тобой! — сердито сказала мадам Россини. — Ха! Посмотри, как ты снова выглядишь!

О боже! Да! Как он опять выглядел! Это и правда должно быть

запрещено — так хорошо выглядеть: в дурацких темных штанах до колена и вышитом сюртуке бутылочного цвета, который заставлял светиться его глаза.

— У тебя нет ни малейшего понятия о моде, юноша! Иначе ты не забыл бы изумрудную брошь, которая необходима для этого костюма. И эта шляпа совершенно не подходит — ты должен представлять собой джентльмена, а не солдата!

— Вы несомненно правы! — сказал Гидеон, продолжая хихикать. — Но хотя бы мои волосы не выглядят так, как мочалки из проволоки, которыми я драю свои кастрюли.

Я изо всех сил старалась принять высокомерное выражение лица.

— Которыми *ты* драишь свои кастрюли? Ты не путаешь себя с Шарлоттой?

— Не понял!

— С недавнего времени она же наводит у тебя порядок!

Гидеон слегка растерялся.

— Это... не совсем... правильно, — пробормотал он.

— Хех, мне тоже на твоём месте было бы неловко, — сказала я. — Подайте мне, пожалуйста, шляпу, мадам Россини.

Шляпа — огромное чудовище с бледно-розовыми перьями — была во всяком случае не так ужасна, как мои волосы. Думала я. Взгляд в зеркало показал, что это была прискорбная ошибка.

Гидеон опять принялся хихикать.

— Мы можем идти? — наехала я на него.

— Присматривай хорошенько за моей лебедушкой, слышишь?

— Как всегда, мадам Россини.

— Можно подумать, — сказала я, когда мы оказались в коридоре. Я показала на чёрный шарф в его руке. — Без повязки?

— Нет, обойдёмся без этого. По известным причинам, — ответил Гидеон. — И из-за шляпы.

— Ты все ещё думаешь, что я в будущем заманю тебя за угол, чтобы ударить палкой по голове? — Я поправила шляпу. — Кстати, я ещё раз подумала об этом. И теперь считаю, что существует очень простое объяснение.

— И как оно звучит? — Гидеон поднял бровь.

— Ты себе позже внушил. Пока ты лежал без чувств, ты мечтал обо мне, поэтому потом ты решил обвинить во всем меня.

— Да, эта версия тоже приходила мне на ум, — сказал он к моему удивлению, схватил меня за руку и потащил вперед. — Но — нет! Я знаю,

что я видел.

— Почему же тогда ты никому об этом не рассказал, что это — якобы — была я, заманившая тебя в ловушку?

— Я не хотел, чтобы они еще хуже о тебе думали, чем уже думают. — Он ухмыльнулся. — Ну что, голова болит?

— Не так уж много я и выпила... — сказала я.

Гидеон засмеялся.

— Не-е-ет, конечно, немного. На самом деле ты была трезва как стеклышко.

Я сбросила его руку.

— Не могли бы мы поговорить о чем-то другом?

— Ай, не надо! Я же могу тебя чуть-чуть подразнить. Ты была так очаровательна вчера вечером. Мистер Джордж подумал, что ты полностью обессилена, когда ты заснула в лимузине.

— Максимум на две минуты, — ответила я. Мне стало неприятно. Может быть, я пускала слюни или сделал еще что-нибудь такое же ужасное.

— Я надеюсь, ты сразу отправилась спать.

Я хмыкнула. Мне смутно помнилось, как мама вытаскивала из прически все четыреста тысяч шпилек и что я заснула, прежде чем моя голова оказалась на подушке. Но ему я не собиралась об этом рассказывать, он-то еще развлекался с Шарлоттой, Рафаэлем и спагетти.

Гидеон так резко остановился, что я налетела на него и тут же забыла, как надо дышать. Он повернулся ко мне.

— Послушай... — пробормотал он. — Я не хотел вчера вечером говорить, поскольку думал, что ты слишком много выпила, но сейчас, когда ты снова трезвая и ершистая, как обычно...

Его пальцы осторожно погладили мой лоб, и я была на грани того, чтобы задохнуться. Вместо продолжения, он поцеловал меня. Я закрыла глаза еще до того, как его губы коснулись моего рта. Поцелуй опьянил меня намного сильнее, чем вчерашний пунш, мои колени подгибались, а в животе порхали бабочки.

После того, как он меня отпустил, казалось, он совсем забыл, что именно хотел сказать. Он оперся рукой о стену возле моей головы и серьезно посмотрел мне в глаза.

— Так дальше нельзя.

Я попыталась контролировать свое дыхание.

— Гвен...

Позади нас в коридоре слышались шаги. Гидеон молниеносно убрал

руку и повернулся. Через мгновение возле нас был мистер Джордж.

— А вот вы где! Мы уже вас ждем. А почему у Гвендолин не завязаны глаза?

— Ой, я забыл. Пожалуйста, завяжите сами, — сказал Гидеон и передал черный шарф мистеру Джорджу. — Я... э-э-э... пойду вперед.

Мистер Джордж, вздохнув, посмотрел ему вслед. Потом посмотрел на меня и вздохнул еще раз.

— Я думал, я тебя предупредил, Гвендолин, — сказал он, завязывая мне глаза. — Ты должна быть осторожна в отношении своих чувств.

— М-да... — сказала я и схватилась за выдававшие меня с головой пылающие щеки. — Тогда вам не нужно было давать мне проводить с ним так много времени.

Это был типичный пример логики Хранителей. Если они хотели избежать того, что я влюблюсь в Гидеона, они должны были сделать из него непривлекательного идиота. С дурацкой челкой, грязными ногтями и дефектом речи. И без скрипки тоже лучше было бы обойтись.

Мистер Джордж вел меня через темноту.

— Наверное, мне слишком давно было шестнадцать лет. Я только помню, как было легко на меня в этом возрасте произвести впечатление.

— Мистер Джордж, вы кому-нибудь рассказывали, что я могу видеть призраков?

— Нет, — сказал мистер Джордж. — То есть, я пытался, но никто меня не захотел слушать. Знаешь, Хранители большей частью ученые и мистики, а с парапсихологией они не очень дружат. Осторожно, ступеньки.

— Лесли... это моя подруга, но вы, наверное, уже давно это знаете... так вот, Лесли думает, что эта способность и есть магия Ворона.

Мистер Джордж помолчал.

— Да, я тоже так думаю, — сказал он наконец.

— И в чем точно магия Ворона должна мне помочь?

— Мое дорогое дитя, если бы у меня был для тебя ответ. Я бы мечтал, чтобы ты больше опиралась на свой здравый рассудок, но...

— ... но он безнадежно утерян — это вы хотели сказать? — Я не сдержала смех. — Наверное, вы правы.

Гидеон ждал нас в комнате с хронографом вместе с Фальком де Вильером, который рассеянно сказал мне какой-то комплимент по поводу платья, пока запускал колесики хронографа.

— Итак, Гвендолин, сегодня состоится твой разговор с графом Сен-Жерменом. Вторая половина дня, за день до суаре.

— Я знаю, — сказала я, косясь на Гидеона.

— Это совсем простое задание, — сказал Фальк. — Гидеон отведет тебя наверх в его покои, а потом заберет оттуда.

Получается, я должна буду остаться с графом наедине. Тут же меня одолело тягостное чувство.

— Не бойся. Вы так хорошо общались вчера. Разве ты не помнишь? — Гидеон вложил палец в хронограф и улыбнулся мне. — Готова?

— Готова, если ты готов, — сказала я тихо, пока комната заполнялась белым светом и Гидеон исчез у нас на глазах.

Я сделала шаг вперед и протянула Фальку руку.

— Пароль дня — *Qui nescit dissimulare nescit regnare*, — сказал Фальк, прижимая мой палец к игле. Засветился рубин и все вокруг превратилось в красный водоворот.

Когда я прибыла, пароль я уже благополучно забыла.

— Все в порядке, — прозвучал голос Гидеона прямо рядом со мной.

— Почему здесь так темно? Граф же ждет нас. Было бы вежливо, оставить хотя бы одну зажженную свечу.

— Да, но он же не знает точно, где мы приземлимся, — сказал Гидеон.

— Почему?

Я не могла видеть, но мне показалось, что он пожал плечами.

— Он никогда не спрашивал, и у меня есть какое-то неопределенное чувство, что ему было бы неприятно знать, что мы злоупотребляем его любимой алхимической лабораторией, используя ее как взлетно-посадочную полосу. Будь осторожна, тут полно хрупких предметов...

Мы наощупь добрались до двери. Снаружи Гидеон зажег факел и взял его из крепления. Огонь бросал на стены дрожащие тени, и я непроизвольно придвинулась ближе к Гидеону.

— Как звучал это чертов пароль? Только на тот случай, если тебя двинут чем-то по голове...

— *Qui nescit dissimulare nescit regnare*.

— После еды нужно отдыхать или пройти тысячу шагов?

Он засмеялся и засунул факел обратно в крепление.

— Что ты делаешь?

— Я только хотел... Мистер Джордж нас прервал, когда я хотел сказать тебе что-то очень важное.

— Это по поводу того, что я рассказала тебе вчера в церкви? Ну, я могу понять, что ты меня поэтому считаешь сумасшедшей, но психиатр в этом случае тоже не может помочь.

Гидеон нахмурил лоб.

— Ты можешь минутку помолчать? Я должен собрать все свое мужество, чтобы признаться тебе в любви. У меня в этом совсем нет опыта.

— Как ты сказал?

— Я влюбился в тебя, — сказал он серьезно. — Гвендолин.

Непроизвольно мой желудок стянулся в тугой узел, как от страха. Но на самом деле это была радость.

— Правда?

— Да, *правда!* — В свете факела я видела, как Гидеон улыбается. — Я знаю, мы знакомы меньше недели, и в начале я считал тебя... еще ребенком и, наверное, вел себя по отношению к тебе как последний мерзавец. Но с тобой очень сложно, никогда не знаешь, что ты сделаешь в следующий момент, и в некоторых вопросах ты ужасно... э-э-э... наивна. Иногда мне просто хочется тебя встряхнуть.

— Окей, заметно, что у тебя совсем нет опыта в объяснениях в любви, — сказала я.

— А в следующий момент ты остроумна, и умна, и неопиcуема очаровательна, — продолжил Гидеон, как будто я ничего не произносила. — И самое плохое: тебе достаточно просто быть в той же комнате, и мне уже хочется дотронуться до тебя, поцеловать...

— Да, это действительно плохо, — прошептала я, и мое сердце пропустило удар, когда Гидеон вытащил шпильку, держащую шляпу, отшвырнул это чудовище подальше, притянул меня к себе и поцеловал. Приблизительно через три минуты я облокотилась на стену, едва дыша, и постаралась удержаться на ногах.

— Гвендолин, эй, просто нормально вдыхай и выдыхай, — сказал Гидеон весело.

Я толкнула его в грудь.

— Перестань! Это непереносимо, как ты много о себе воображаешь!

— Извини. Это... это дурманящее чувство — знать, что ты из-за меня забываешь, как дышать. — Он снова достал факел из крепления. — Идем. Граф наверняка уже нас ждет.

Только когда мы повернули в следующий коридор, я вспомнила о шляпе, но у меня не было никакого желания возвращаться за ней.

— Смешно, но я сейчас думаю о том, что снова буду от всей души рад скучным вечерам элапсаций в 1953 году, — сказал Гидеон. — Только ты, я и кузина Софа...

Эхо наших шагов сопровождало нас в длинных коридорах, а я постепенно выныривала из ощущения, будто я укутана розовой ватой, вспоминая, где мы находимся. Или точнее, в каком времени мы находимся.

— Давай я возьму факел, тогда ты можешь держать в руке шпагу, на всякий случай, — предложила я. — Мало ли что. В каком году тебя ударили по голове? (Это был один из многих вопросов из списка Лесли, которые я должны была задавать, как только мое гормональное состояние это позволяло.)

— Я только что сообразил, что я тебе признался в любви, а ты мне — нет, — сказал Гидеон.

— Я — нет?

— Во всяком случае, словами — нет. И я не уверен, что так считается. Тс-с-с-с!

Я пискнула, увидев, как прямо перед нами толстая темно-коричневая крыса пересекала коридор, не спеша, как будто она нисколько нас не боялась. В свете пламени ее глаза светились красным.

— А у нас есть прививка от чумы? — спросила я и покрепче вцепилась Гидеону в руку.

Комната на втором этаже, которую граф Сен-Жермен сделал своим кабинетом в Темпле, была маленькой и выглядела — как для Великого мастера ложи Хранителей, пусть даже он редко бывал в Лондоне — очень скромно. У одной стены от пола до потолка стояли полки, полностью забитые книгами в кожаных переплетах, перед ними были стол и два кресла, обитые той же тканью, из которой были сделаны шторы. Другой мебели не было. Снаружи сияло сентябрьское солнце, камин не горел, потому что и так было тепло. Из окна виднелся маленький внутренний дворик с фонтаном, который просуществовал до нашего времени. И подоконник, и стол были завалены бумагами, писчими перьями, сургучными свечами и книгами, которые местами были собраны в едва удерживающиеся стопки; если бы они сдвинулись, то перевернули бы чернильницы, доверчиво стоящие среди всего этого хаоса. Это была уютная маленькая комната, в ней никого не было, но, когда мы вошли, я почувствовала, как тоненькие волоски у меня на затылке встали дыбом.

Неприветливый секретарь в белом моцартовском парике провел меня в комнату и закрыл за мной дверь со словами «Граф наверняка не заставит вас долго ждать». Я очень неохотно расставалась с Гидеоном, но он, передав меня угрюмому секретарю, в хорошем настроении и явно ориентируясь в помещении, исчез в ближайшей двери.

Я подошла к окну и выглянула в тихий дворик. Все выглядело очень мирно, но неприятное чувство, будто я не одна, не уходило. Может быть, кто-то наблюдает за мной сквозь стену за книжными полками, думала я. А

может, зеркало, висевшее над каминной полкой, с другой стороны было прозрачным, как в комнатах для допроса в полиции.

Какое-то время я простояла просто так и чувствовала себя при этом неуютно, но потом я решила, что тайный наблюдатель заметит, что я заметила, что за мной наблюдают, если я продолжу стоять, неестественно замерев. Поэтому я сняла верхнюю книгу с одной из стопок на подоконнике и раскрыла ее. *Marcellus, De medicamentis*. Ага. Маркеллус — кем бы он ни был — очевидно, разработал несколько необычных медицинских методов, описания которых собрал в этой книге. Я нашла симпатичное место, где речь шла о лечении заболеваний печени. Нужно поймать зеленую ящерицу, взять у нее печень, замотать ее в красный платок или в тряпку, черную от природы (черную от природы? Хм-м?), и повесить платок или тряпку на правом боку больного. Если после этого отпустить ящерицу и сказать «*Ecce dimitto te vivam...*» и еще много-много слов, таких же латинских, печеночная проблема была бы решена. Спрашивается только, могла ли бы ящерица еще убежать, если у нее изъяли печень? Я закрыла книгу. Этот Маркеллус явно был не в своем уме. Книга, лежащая сверху в соседней стопке, имела темно-коричневый кожаный переплет и была толстой и тяжелой, поэтому я ее пролистала, не снимая. «О демонѣхъ како указуютъ помощь чародѣямъ и простецемъ» стояло золотыми буквами на обложке, и хотя я не была ни чародеем, ни «простецем», я с интересом раскрыла книгу где-то посередине. Какая-то уродливая собака смотрела на меня с рисунка, внизу было написано, что это Джестан — демон из Гиндукуша, приносящий болезнь, смерть и войны. Мне Джестан сразу показался несимпатичным, и я стала листать книгу дальше. Странная рожа с роговыми наростами на черепе (похоже на клингонов в «Звездном пути») смотрела на меня со следующей страницы, и пока я с отвращением ее рассматривала, клингон поднял веки и поднялся с листа как дым из трубы, уплотнился в полноценную, одетую во всё красное фигуру, встал рядом со мной, глядя сверху вниз горящими глазами, и проревел: «Кто смеет вызывать великого и могущественного Берита?!»

Естественно, мне стало не по себе, но из собственного опыта я знала, что призраки хоть и выглядят опасно и выдают страшные угрозы, но, как правило, не могут произвести даже малейшего дуновения воздуха. А я очень надеялась, что этот Берит был призраком, изгнанным на страницы книги слепком настоящего демона, который, хочется верить, давно распростился с этим миром.

— Никто тебя не вызывал, — сказала я поэтому вежливо, но довольно небрежно.

— Берит, демон лжи, Великий герцог Ада! — представился Берит полным голосом. — Можно еще называть Болфри.

— Ага, тут написано, — сказала я и заглянула обратно в книгу. — Кроме того, ты улучшаешь голоса певцам.

Замечательная способность. Правда, для этого после вызова Берита (что само по себе выглядело непросто, поскольку было написано, очевидно, на вавилонском наречии) нужно было принести ему различные жертвы, желательно жертв аборта, еще живых. Но это еще было не так страшно, если сравнить с тем, что нужно было сделать, чтобы он превращал металлы в золото. Он это тоже умел. Сихемиты — кто бы это ни был — обожествляли его за это умение. До тех пор, пока не пришел Якоб с сыновьями, и они всех мужчин в Сихеме «убили своими мечами, жестоко мучая». Ну ладно.

— Берит командует двадцатью шестью легионами, — прогреготал Берит.

Поскольку до сих пор он мне ничего плохого не сделал, я стала смелее.

— Странно, когда люди говорят о себе в третьем лице, — сказала я и перевернула страницу.

Как я и надеялась, Берит снова исчез в книге, как дым, развеянный ветром. Я облегченно вздохнула.

— Интересная литература, — сказал тихий голос позади меня.

Я быстро обернулась. Граф Сен-Жермен незаметно появился в комнате. Он опирался на трость с искусно вырезанным набалдашником, его высокая, изящная фигура впечатляла, как всегда, а темные глаза были очень внимательны.

— Да, очень интересная, — пробормотала я несколько неубедительно.

Но потом я пришла в себя, закрыла книгу и присела в глубоком реверансе. Когда я снова вынырнула из всех юбок, граф улыбнулся.

— Я очень рад, что ты пришла, — сказал он, взял мою руку и поднял ее к своим губам. — Я думаю, необходимо углубить наше знакомство, потому что первая встреча прошла немного... неудачно, не так ли?

Я ничего не сказала. В нашу первую встречу я большую часть времени старалась мысленно петь национальный гимн, граф отпустил несколько обидных замечаний в адрес отсутствующего ума — у женщин вообще и у меня в частности, а в конце он душил меня и угрожал, и всё это весьма нетрадиционным образом. Он был прав: первая встреча прошла немного неудачно.

— Как холодна твоя рука, — сказал он. — Давай присядем. Я старый человек и не могу так долго стоять.

Улыбаясь, он отпустил мою руку и уселся в кресло за письменным столом. На фоне всех этих книг он смотрелся как собственный портрет: мужчина без возраста, с аристократическими чертами лица, живыми глазами и в белом парике, окутанный аурой таинственности и опасности, от которой не было спасения. Я волей-неволей села в другое кресло.

— Ты интересуешься магией? — спросил он и показал на стопку книг. Я покачала головой.

— До последнего понедельника не интересовалась, если честно.

— Это чуть-чуть ненормально, не так ли? Твоя мать все эти годы заставляла тебя считать себя самой обыкновенной девочкой. И в одно мгновение все меняется, ты выясняешь, что являешься важной частью великой Тайны всего человечества. Ты можешь понять, почему она это сделала?

— Потому что любит меня. — Я хотела произнести эту фразу вопросительно, но получилось очень определенно.

Граф засмеялся.

— Да, женщины так думают! *Любовь!* Это слово стало благодаря вашему полу избитым. *Любовь является ответом* — я всегда нахожу это трогательным, когда слышу. Или веселюсь по этому поводу — когда как! Женщины никогда не сумеют понять, что мужчины понимают любовь абсолютно по-другому.

Я молчала.

Граф наклонил голову набок.

— Если бы женщины не воспринимали любовь как беззаветную преданность, им было бы намного сложнее подчиняться мужчинам, во всех смыслах.

Я старалась сохранить нейтральное выражение лица.

— В наше время ситуация... (слава богу!) изменилась. Мужчины и женщины имеют равные права. Никто не должен подчиняться другому.

Граф опять засмеялся, на этот раз он смеялся дольше, как будто я рассказала отличную шутку.

— Да, — сказал он наконец. — Мне рассказывали. Но поверь мне, неважно, какие права дали женщинам, — это ничего не меняет в природе человека.

Ну и что можно было на это ответить? Лучше всего — ничего. Как только что сказал граф — природу человека не изменить, в том числе и его собственную.

Какое-то время граф рассматривал меня, весело, с приподнятыми уголками губ, а потом внезапно сказал:

— Во всяком случае, магия... согласно предсказаниям ты должна ею владеть. *Рубин, одаренный Ворона магией, замкнет в соль-мажоре Круг двенадцати...*

— Да, я уже несколько раз это слышала, — сказала я. — Но никто не сумел мне объяснить, что такое, собственно, магия Ворона.

Рассечется безмолвие взмахом таинственных крыл,
ворон слышит, как песня умерших поется,
но окрепнет могущество все еще дремлющих сил,
и рубиновой магией старое время взорвется.
Древнею тайной веков осенён,
Венчает он круг и начало времен.

Я пожала плечами. Из этих стихов никто бы ничего не понял.

— Это всего лишь предсказание сомнительного происхождения, — сказал граф. — Оно необязательно должно сбыться. — Он откинулся в кресле и опять стал меня рассматривать. — Расскажи мне что-нибудь о родителях и твоём доме.

— О моих родителях? — Я была немного удивлена. — Нечего особо рассказывать. Мой отец умер, когда мне было семь лет, у него была лейкемия. До своей болезни он был доцентом Даремского университета. Мы там жили до его смерти. А потом мама со мной и моими братиком и сестричкой перебралась в Лондон, в дом моих бабушки и дедушки. Мы там живём вместе с тетей, кузиной и бабушкой Мэдди. Моя мама работает в администрации больницы.

— И у нее рыжие волосы, как у всех девушек Монтроуз, не так ли? Как и у твоих брата и сестры?

— Да, кроме меня, все рыжие. — Почему его это интересовало? — У моего папы были темные волосы.

— Все остальные женщины в Кругу двенадцати — рыжие, ты знала об этом? Еще до совсем недавнего времени во многих странах этого цвета волос было достаточно, чтобы сжечь женщину как ведьму. Во все времена и во всех культурах люди одновременно восхищались магией и боялись ее. Это и стало причиной, почему я стал заниматься ею так подробно. Того, что знаешь, не надо бояться. — Он наклонился вперед и скрестил пальцы. — Меня особо интересовало обращение с этой темой в странах восточной культуры. В моих путешествиях по Индии и Китаю мне повезло встретить множество учителей, готовых передать свои знания дальше.

Меня посвятили в тайны Акаша-Хроник, и я узнал многое, что просто бы взорвало духовное восприятие большинства западных культур. И что могло бы сподвигнуть инквизиторов и сегодня совершить необдуманные действия. Нет ничего, чего бы церковь боялась бы больше, чем если бы люди осознали, что Бог не находится вне нас в далеком небе и там решает нашу судьбу, а что он в нас самих. — Он испытующе посмотрел на меня. — Каждый раз меня бодрит, когда я объясняю детям двадцать первого века какие-нибудь богохульные темы. Вы, не моргнув глазом, выслушиваете ересь.

Не-е-е-е. Мы не моргнули бы глазом, даже если бы знали, что такое «ересь».

— Азиатские мудрецы находятся на пути спиритуального развития намного дальше нас, — сказал граф. — Некоторые небольшие... способности, как та, например, демонстрация которой состоялась в нашу последнюю встречу, я тоже приобрел там. Моим учителем был монах одного тайного ордена высоко в Гималаях. Он и его братья общаются друг с другом, не используя голосовых связок, и они могут победить врагов, не пошевелив пальцем — так велики их силы духа и воображения.

— Да, это умение наверняка полезно, — сказала я осторожно. Лишь бы он не решил, продемонстрировать мне все это еще раз. — Мне кажется, вчера вечером на суаре вы испробовали эту способность на лорде Аластере.

— О, суаре! — Он снова улыбнулся. — С моей точки зрения оно произойдет завтра вечером. Как хорошо, что мы завтра там встретимся с лордом Аластером. Ну и как, он оценит мои таланты?

— Во всяком случае, это на него произведет впечатление, — ответила я. — Но нельзя сказать, что напугает. Он говорит, что позаботится о том, чтобы никто из нас не был рожден. И что-то там об исчадиях ада.

— Да, у него есть прискорбная склонность к невежливым формулировкам, — сказал граф. — И все же никакого сравнения с его предком, Конте ди Мадроне. Мне надо было его убить, когда у меня была такая возможность. Но я был молод и имел, к сожалению, наивные взгляды... Сейчас я не совершу эту ошибку во второй раз. Даже если я не могу сам убрать его — дни лорда сочтены, неважно, сколько слуг он соберет вокруг себя для защиты и как виртуозно он владеет шпагой. Если бы я был молод, я бы сам вызвал его на дуэль. Теперь эту задачу должен взять на себя мой потомок. Умение Гидеона фехтовать заслуживает уважения.

При упоминании имени Гидеона мне, как обычно, стало жарко. Я вспомнила о том, что он недавно сказал, и мне стало еще жарче.

Непроизвольно я посмотрела на дверь.

— А куда он, собственно, пошел?

— Небольшая прогулка, — сказал граф небрежно. — Времени как раз хватит на то, чтобы нанести послеполуденный визит одной моей юной знакомой. Она живет совсем близко, и если он возьмет карету, то через пару минут будет у нее.

Что-что?!

— И часто он это делает?

Снова теплая, дружеская улыбка на его лице, но за ней пряталось что-то, что я не могла расшифровать.

— Они слишком мало для этого знакомы. Я познакомил их совсем недавно. Она умная, молодая и очень привлекательная вдова, и я считаю, что молодому человеку не помешает... э-э-э... провести некоторое время в обществе опытной женщины.

Я была не в силах что-либо ответить, но, очевидно, граф и не ждал этого от меня.

— Лавиния Рутланд относится к благословенным женщинам, которые получают удовольствие, делаясь опытом, — сказал граф.

Это точно. Так же оценила ее и я. Я уставилась сердито на свои руки, которые непроизвольно сжались в кулаки. Лавиния Рутланд, дама в зеленом платье. Вот откуда интимность вчера вечером...

— Мне кажется, мысли об этом тебе неприятны, — сказал граф мягким голосом.

Тут он был прав. Мне совершенно не нравились эти мысли. Только с большим трудом преодолев себя, я сумела снова посмотреть графу в глаза. Он еще улыбался своей теплой, дружеской улыбкой.

— Деточка, очень важно, как можно раньше уяснить, что никакая женщина не может заявлять какие-либо права на мужчину. Женщины, которые так поступают, заканчивают жизнь нелюбимыми и в одиночестве. Чем умнее женщина, тем раньше она приспособится к мужской натуре.

Что за идиотский вздор!

— О, конечно, ты еще *очень* молода, не правда ли? Мне кажется, намного младше, чем девушки в твоём возрасте. Скорее всего, ты сейчас влюблена впервые.

— Нет, — пробормотала я.

Да. Да! Во всяком случае, впервые это так ощущалось. Так дурманяще. Так наполняя жизнью. Так неповторимо. Так болезненно. Так сладко.

Граф тихонько засмеялся.

— Не надо стыдиться. Я был бы разочарован, если бы всё было иначе.

То же самое он сказал во время суаре, когда я расплакалась из-за игры Гидеона на скрипке.

— По сути все очень просто: любящая женщина умрет ради любимого мужчины не колеблясь, — сказал граф. — Ты бы отдала за Гидеона свою жизнь?

Вообще-то не хотелось бы.

— Я еще об этом не думала, — сказала я озадаченно.

Граф вздохнул.

— К сожалению — и благодаря сомнительной защите твоей матери — вы не так много времени провели вместе, ты и Гидеон, но я уже сейчас впечатлен, как хорошо он выполняет задание. Любовь буквально светится в твоих глазах. Любовь — и ревность!

Какое задание?

— Ничего нет, что было бы более предсказуемо, чем реакция влюбленной женщины. Никого нет, кого можно было бы легче контролировать, чем женщину, руководствующуюся своими чувствами к мужчине, — продолжал граф. — Я объяснил это Гидеону в нашу самую первую встречу. Конечно, мне немного жаль, что он так много усилий потратил на твою кузину... как ее зовут?.. Шарлотта?..

Теперь я уставилась на него. По какой-то причине я вспомнила видение бабушки Мэдди и сердце из рубина, которое лежало на выступе скалы. Больше всего мне хотелось заткнуть себе уши, чтобы не слышать этот мягкий голос.

— Он в этом вопросе намного изощреннее, чем я был в его возрасте, — сказал граф. — И нужно признать, что от природы получил много преимуществ. Тело Адониса! Красивое лицо, обаяние, таланты! Наверное, ему вообще ничего не надо делать — девичьи сердца и так слетятся к нему. *Лев рычит в фа-диез-мажоре, бриллиантовая грива, multiplicatio, солнце исчезнет...*

Правда ударила меня под дых. Всё, что Гидеон делал, все его прикосновения, жесты, поцелуи, слова, — все это нужно было только для того, чтобы манипулировать мной. Для того чтобы я в него влюбилась, как до меня Шарлотта. Чтобы нас легче было контролировать.

И граф был прав: особенно много Гидеону для этого не понадобилось. Мое глупое девичье сердце само полетело к нему и упало к его ногам.

Перед моим внутренним взором возник лев, который шел к рубиновому сердцу и одним-единственным движением лапы сметал его в пропасть. Как в замедленной съемке оно падало вниз, ударилось о дно ущелья и разбилось на тысячи крохотных капелек крови.

— Ты уже слышала, как он играет на скрипке? Если нет, я устрою — нет ничего более подходящего для завоевания женского сердца, чем музыка. — Граф мечтательно уставился в потолок. — Этим пользовался и Казанова. Музыкой и поэзией.

Я умирала. Я чувствовала это. Там, где раньше было мое сердце, разливался холод. Он проникал в желудок, ноги, стопы, руки, ладони и в конечном итоге — в мою голову. Все события прошедших дней проходили передо мной, как в кино-трейлере, под звучание *The winner takes it all*: от первого поцелуя в исповедальне до его объяснения в любви только что в подвале. Все было одной громадной манипуляцией — за исключением небольших пауз, когда он, наверное, просто был самим собой — прекрасно сделанной манипуляцией. И эта проклятая скрипка добила меня окончательно.

Хотя я позже и пыталась вспомнить, но точно так и не знала, о чем граф и я дальше разговаривали, потому что с момента, когда мной овладел холод, мне стало все безразлично. Хорошо, что граф большую часть разговора перенял на себя. Мягким приятным голосом он рассказывал мне о своем детстве в Тоскане, о недостатках своего внебрачного рождения, о сложностях в поиске настоящего отца и о том, как он еще будучи юношей заинтересовался тайнами хронографа и предсказаний. Я действительно пыталась слушать, хотя бы потому, что знала, что всё придется дословно пересказывать Лесли, но ничего не помогало, мои мысли кружились только вокруг собственной глупости. Я мечтала остаться одной, чтобы наконец расплакаться.

— Маркиз? — Угрюмый секретарь постучался и открыл дверь. — Прибыла делегация архиепископа.

— О, очень хорошо, — сказал граф, поднялся и подмигнул мне. — Политика! В эти времена ее все еще определяет церковь.

Я тоже поднялась и сделала реверанс.

— Меня очень порадовал наш разговор, — сказал граф. — И я уже с нетерпением ожидаю нашей следующей встречи.

Я пролепетала что-то утвердительное.

— Передай, пожалуйста, Гидеону поклон от меня и скажи, что я сожалею, что я его сегодня не сумел принять. — Граф взял трость и направился к двери. — И если хочешь послушать моего совета: умная женщина умеет скрывать ревность. Иначе мы, мужчины, чувствуем себя чересчур уверенными...

Я в последний раз услышала тихий смешок и осталась одна. Однако недолго, так как через пару минут вернулся неприветливый секретарь и

сказал: «Прошу вас следовать за мной».

Я снова сидела на диване, закрыв глаза и ожидая, когда появятся слезы, но они не хотели появляться. Что, наверное, было к лучшему. Молча последовала я за секретарем вниз по лестнице, где мы какое-то время просто стояли (я все время думала, что сейчас упаду и умру), пока секретарь не бросил озабоченный взгляд на настенные часы и сказал: «Он опаздывает».

В этот момент открылась дверь и в коридоре появился Гидеон. Сердце мое забыло на мгновение, что оно лежит разбитым на дне глубокой пропасти, и пару раз сильно ударило меня в грудь. Тревога вытеснила холод из моего тела. Находящаяся в беспорядке одежда Гидеона, его растрепанные влажные волосы, покрасневшие щеки и почти лихорадочно блестящие глаза можно было еще списать на леди Лавинию, но на рукаве был глубокий разрез, а кружева на груди и манжетах были в крови.

— Вы ранены, сэр, — вскрикнул угрюмый секретарь испуганно, выхватив слова у меня изо рта (Окей, без «сэр», и без «вы»). — Я вызову врача.

— Нет, — сказал Гидеон, и звучал при этом настолько самоуверенно, что мне захотелось вlepить ему пощечину. — Это не моя кровь. Во всяком случае, не только моя. Идем, Гвен, нам нужно спешить. Меня немного задержали.

Он схватил меня за руку и потащил вперед, секретарь спешил за нами до конца лестницы, при этом он пару раз бормотал: «Но сэр! Что случилось? Не должны ли мы маркизу?..» Но Гидеон сказал, что сейчас для этого нет времени, что он как можно скорее вернется к графу, чтобы рассказать ему о произошедшем.

— Отсюда мы пойдем одни, — сказал он, когда мы оказались в самом низу лестницы, где стояли охранники с оголенными шпагами. — Кланяйтесь от меня маркизу! Qui nescit dissimulare nescit regnare.

Охранники дали нам пройти, а секретарь поклонился на прощание. Гидеон взял факел из крепления и потянул меня дальше.

— Идем, у нас максимум две минуты! — Он все еще выглядел весьма оживленным. — Ты уже выяснила, что означает пароль?

— Нет, — сказала я и сама удивилась, что мое в мгновение ока восстановившееся сердце отказывается возвращаться в пропасть. Оно вело себя, как будто все было в порядке, и надежда, что все может еще хорошо кончиться, почти убила меня. — Но я выяснила кое-что другое. Чья кровь на твоей одежде?

— *Кто не умеет лицемерить, тот не умеет властвовать.* — Гидеон

посветил факелом за последний угол. — Людовик Одиннадцатый.

— Как подходяще, — сказала я.

— Честно говоря, я понятия не имею, как звали того, чья кровь испачкала мою одежду. Мадам Россини будет наверняка ругаться.

Гидеон открыл дверь в лабораторию и вставил факел в крепление на стене. Мерцающий свет осветил большой стол, уставленный странными аппаратами, стеклянными бутылками, бутылочками и кубками, наполненными жидкостями и порошками разных цветов. Стены были в тени, но я разглядела, что они почти полностью были покрыты рисунками и надписями, а сразу над факелом ухмылялся грубо нарисованный череп, у которого на месте пустых глазниц были нарисованы пентаграммы.

— Иди сюда, — сказал Гидеон и потянул меня к другой стороне стола. Наконец он отпустил мою руку. Но только для того, чтобы двумя руками обнять меня за талию и притянуть к себе. — Как прошел твой разговор с графом?

— Он был очень... содержательным, — сказала я. Призрачное сердце трепетало в груди, как маленькая птичка, и я проглотила комок, застрявший в горле. — Граф мне объяснил, что ты... что ты и он придерживаетесь странной точки зрения, что влюбленную женщину легче контролировать, чем любую другую. Наверное, очень досадно, проделать всю сложную подготовительную работу с Шарлоттой, а потом оказаться перед необходимостью начать со мной все сначала. Или?

— Что ты только что сказала? — Гидеон смотрел на меня, наморщив лоб.

— Но ты отлично справился, — продолжала я. — Граф, между прочим, тоже так считает. Конечно, я не была таким уж сложным заданием... Боже, мне становится так стыдно, когда я думаю о том, насколько я легко тебе поддалась.

Я больше не могла смотреть на него.

— Гвендолин... — Он замолчал. — Сейчас начнется. Давай перенесем этот разговор. Мы продолжим позже. Спокойно. Я хоть и понятия не имею, что ты хочешь сказать...

— Я только хочу знать, правда ли это. — сказала я. Конечно, это была правда, но надежда, как известно, умирает последней. В моем животе появились предвестники предстоящего прыжка во времени. — Действительно ли ты запланировал, влюбить меня в себя, точно так же, как раньше ты это проделал с Шарлоттой?

Гидеон отпустил меня.

— Это дурацкий момент, — сказал он. — Гвендолин. Мы сейчас

продолжим. Я обещаю тебе.

— Нет! Сейчас! — Комок в моем горле разорвался и сразу потекли слезы. — Достаточно, если ты скажешь «да» или «нет». Ты всё запланировал?

Гидеон потер лоб.

— Гвен...

— Да или нет? — всхлипнула я.

— Да, — сказал Гидеон. — Но ради бога — не плачь.

И во второй раз за этот день рухнуло мое сердце — на этот раз второе издание, призрачное сердце, выросшее от невозможной надежды — в бездну и разбилось на мелкие осколки.

— Окей, собственно это было всё, что я хотела узнать, — прошептала я. — Спасибо за твою откровенность.

— Гвен, я бы хотел тебе объяснить...

Гидеон растворился в воздухе у меня на глазах. Несколько мгновений, пока холод заползал в меня обратно, я смотрела в трепещущий огонь факела и на череп над ним и пыталась задавить слезы, а потом все вокруг меня исчезло.

Мне нужно было пару секунд, чтобы снова начать видеть, привыкнув к свету в комнате с хронографом в мое время, но я услышала возбужденный голос доктора Уайта и звук разрываемой ткани.

— Пустяки, — сказал Гидеон. — Микроскопический разрез, крови почти не было. Мне даже пластырь не нужен. Доктор Уайт, вы можете спрятать свой зажим для артерий. Ничего не случилось!

— Привет, девочка с сеновала, — приветствовал меня Ксемериус. — Ни за что не угадаешь, что я выяснил. О нет! Неужели ты опять плакала?

Мистер Джордж схватил меня двумя руками и повернул, разглядывая со всех сторон.

— Она невредима! — сказал он с облегчением в голосе.

Да. Если не считать сердца.

— Давай удерем отсюда, — сказал Ксемериус. — Брат твоего дуралея и твоя подруга Лесли собираются тебе сообщить нечто весьма интересное! Представь себе, они нашли, на какое место указывают координаты из «Зеленого всадника». Ты не поверишь!

— Гвендолин? — Гидеон смотрел на меня, будто боялся, что я из-за него брошусь под ближайший автобус.

— Все в порядке, — сказала я, не глядя ему в глаза. — Мистер Джордж, не могли бы вы отвести меня наверх? Мне срочно нужно домой.

— Конечно, — кивнул мистер Джордж.

Гидеон сделал какое-то движение, но доктор Уайт крепко держал его.

— А ну стой спокойно!

Он полностью оторвал рукава камзола и рубашки. Рука была в засохшей крови, а сверху, почти на плече, была заметна небольшая рана. Маленький мальчик-призрак Роберт в ужасе смотрел на такое количество крови.

— Кто это был? Рану нужно продезинфицировать и зашить, — мрачно сказал доктор Уайт.

— Ни в коем случае, — сказал Гидеон. Он побледнел и от его оживленности не осталось и следа. — Мы можем сделать это позже. Сначала я должен поговорить с Гвендолин.

— Не нужно, правда, — сказала я. — Я знаю всё, что мне надо знать. А сейчас мне надо домой.

— Вот именно! — сказал Ксемериус.

— Завтра будет новый день, — сказал мистер Джордж Гидеону, беря в руки черный шарф. — А Гвендолин выглядит уставшей. Ей завтра утром в школу.

— Точно! А сегодня ночью она пойдет искать сокровище, — сказал Ксемериус. — Или что там можно будет найти по этим координатам...

Мистер Джордж завязал мне глаза. Последнее, что я увидела, были глаза Гидеона, святащиеся неестественным зеленым светом на бледном лице.

— Спокойной ночи всем! — сказала я, и мистер Джордж вывел меня из комнаты. Все равно никто, кроме маленького Роберта мне не ответил.

— Окей, не буду тебя интриговать, — сказал Ксемериус. — Лесли и Рафаэль хорошо провели время сегодня после обеда — в отличие от тебя, как я вижу. Ну да ладно, этим двоим удалось абсолютно точно установить координаты. У тебя есть три попытки, чтобы угадать, где они находятся.

— Здесь, в Лондоне? — спросила я.

— Бинго! — вскричал Ксемериус.

— Что? — спросил мистер Джордж.

— Ничего, — сказала я. — Извините, пожалуйста, мистер Джордж.

Мистер Джордж вздохнул.

— Я надеюсь, твой разговор с графом Сен-Жерменом прошел хорошо.

— О да, — сказала я горько. — Он во всех смыслах оказался очень полезным.

— Ку-ку! Я тоже здесь, — закричал Ксемериус, и я почувствовала его влажную ауру, когда он, как обезьянка, обернулся вокруг моей шеи. — И у меня по-настоящему, по самому настоящему интересные новости. Итак:

тайник, который мы ищем, находится в Лондоне. И даже еще лучше: он находится в Мейфэре. А точнее — на Бурдон-плейс. И еще точнее: Бурдон-плейс, 81! Ну, что ты скажешь?!

У меня дома? Координаты указывали на какое-то место в нашем доме? Что, черт побери, мог спрятать там мой дедушка? Может, еще одну книгу? С заметками, которые, наконец-то смогут нам помочь?

— До теперешнего момента девочка-ретривер и француз отлично поработали, — сказал Ксемериус. — Признаюсь, во всяких там координатах я совершенно не ориентируюсь. Но сейчас — сейчас! — я вступаю в игру. Потому что только единственный, замечательный и очень-очень умный Ксемериус может просунуть голову в любую стену и увидеть, что там спрятано. Сегодня ночью мы с тобой пойдем искать клад!

— Ты бы хотела об этом поговорить? — спросил мистер Джордж.

Я покачала головой.

— Нет, это можно сделать и завтра, — сказала я, причем как мистеру Джорджу, так и Ксемериусу.

Сегодня ночью я буду просто лежать и оплакивать свое разбитое сердце. Я собиралась купаться в жалости к самой себе и витиеватых метафорах. И может быть, я включу Bon Jovi и *Hallelujah*. Каждому нужна собственная музыка для таких случаев.

Эпилог

Лондон, 29 сентября 1782 года

Он приземлился спиной о стену, положил руку на эфес шпаги и оглянулся. Хозяйственный двор был пуст, как лорд Аластер и обещал. Между стенами были натянуты веревки для белья, висевшие на них простыни мягко колыхались на ветру.

Пол посмотрел вверх — в окна отражалось послеполуденное солнце. На одном подоконнике лежала кошка и иронически наблюдала за ним, вяло помахивая свесившейся через край лапой. Она напомнила ему Люси.

Он убрал руку со шпаги и расправил кружева на манжетах. Вся эта рококо-одежда выглядела для него одинаково: дурацкие штаны до колен, потешные куртки с длинными, непрактичными фалдами, везде вышивка и кружева — кошмарно! Он хотел надеть костюм и парик, которые они специально заказали для визитов в 1745 год, но Люси и леди Тилни настояли на том, что надо пошить новый комплект. Они утверждали, что все будут глазеть на него, если он в 1782 году появится в одежде из 1745 года, а его аргументы, что все это ерунда, он пробудет очень недолго в уединенном месте, чтобы встретиться с лордом Аластером, где они обменяются документами, они просто отмени. Он засунул руку между камзолом и рубашкой, где в коричневом конверте лежали сложенные копии.

— Очень хорошо, вы пунктуальны.

Холодный голос заставил его резко обернуться. Из тени арки вышел лорд Аластер, как всегда элегантно одетый, даже если одежда была слишком пестрой, к тому же чрезмерно обвешана и утыкана украшениями, которые сверкали на солнце. Он производил впечатление чужеродного тела, стоя между обычными простынями. Казалось, даже эфес шпаги был сделан из чистого золота, он так густо был украшен драгоценными камнями, что оружие выглядело безобидно и почти смешно.

Пол бросил быстрый взгляд в арочный проход, где газон простирался от улицы до самой Темзы. Он услышалфырканье лошадей и поэтому предположил, что лорд Аластер прибыл на своей карете.

— Вы один? — спросил лорд Аластер. Его тон был неописуемо надменен, кроме того, он звучал так, будто лорд страдал хроническим насморком. Он подошел поближе. — Как жаль! Я с удовольствием бы

встретился с вашей симпатичной рыжеволосой спутницей. У нее такой... э-э-э... непривычный способ выражать свое мнение.

— Она была просто раздосадована, что вы не использовали преимущества, которые мы для вас создали, передав информацию в последний раз. И она не доверяет вам в части того, что вы собираетесь делать с сегодняшней информацией.

— Ваша информация была неполной!

— Она была достаточно полной! Планы флорентийского Альянса были недостаточно проработаны! За сорок лет было совершено пять неудачных нападений на графа, и в двух случаях виноваты лично вы. Последний раз — одиннадцать лет тому назад — вы были так уверены в успехе!

— Не беспокойтесь! Следующее нападение будет успешным! — сказал лорд Аластер. — Мои предки и я до сих пор совершали ошибку, борясь с графом как с человеком. Мы пытались его разоблачить, оклеветать, разрушить его доброе имя. Мы пытались вернуть заблудшие души — вас, например — на путь истинный, не понимая, что вы давно потеряны из-за крови дьявола в ваших жилах.

Пол недоуменно наморщил лоб. Высокопарные речи лорда и других членов флорентийского Альянса он никогда толком не понимал.

— Мы пытались убить его как обычного человека ядом, шпагой и пистолетными пулями, — продолжал лорд Аластер. — Смешно! — У него вырвался хриплый смешок. — Что бы мы ни делали, он всегда опережал нас на шаг. Куда бы мы ни явились — он уже был там. Он казался непобедимым. У него везде есть влиятельные друзья и покровители, которые, как и он сам, разбираются в черной магии. Члены его логи являются влиятельнейшими людьми нашего времени. Мне понадобились десятки лет, чтобы понять, что демона нельзя убить человеческими методами. Но теперь я поумнел.

— Рад слышать, — сказал Пол и бросил быстрый взгляд в сторону. В арке появились двое мужчин, одетые в черное, держащие в руках шпаги. Проклятье! Люси была права. Аластер и не думал выполнять свое обещание. — Вы принесли письма?

— Конечно, — сказал лорд Аластер и вытащил толстую пачку бумаг из камзола, перевязанную красным шнурком.

— К настоящему времени — и не в последнюю очередь благодаря вам и вашей точной информации — мне удалось заслать к Хранителям одного моего хорошего друга. Он ежедневно сообщает мне важные новости. Вы знаете, что граф в настоящее время снова находится в городе? А-а-а,

конечно, вы знаете!

Он взвесил пачку в руке и бросил ее Полу, который ловко поймал ее одной рукой.

— Спасибо. Вы наверняка изготовили копии.

— Это было не нужно, — сказал лорд высокомерно. — А вы? Вы принесли мне требуемые бумаги?

Пол засунул пачку писем за камзол и поднял коричневый конверт над головой.

— Пять страниц генеалогических списков рода де Вилльеров, начиная с шестнадцатого века — Ланселота де Вилльера, первого путешественника во времени, до Гидеона де Вилльера, рожденного в двадцатом веке.

— А женская линия? — спросил лорд Аластер, и сейчас в его голосе появилось некоторое возбуждение.

— Тоже здесь. Начиная с Илэйн Бэргли до Гвендолин Шеферд. — Имя кольнуло Пола в сердце.

Он бросил взгляд на двух мужчин. Они остались стоять в арке, руки на рукоятках шпаг, как будто они чего-то ждали. Скрипя зубами он вынужден был признаться самому себе, что знал, чего именно они ждут.

— Очень хорошо. Давайте сюда.

Пол медлил.

— Вы не выполнили наш уговор, — сказал он, чтобы выиграть время. Он указал на двух мужчин. — Вы собирались прийти один.

Лорд Аластер проследил его жест безразличным взглядом.

— Джентльмен моего общественного положения никогда не бывает один. Мои слуги везде меня сопровождают. — Он сделал еще шаг вперед. — А сейчас отдайте мне документы! Обо всем остальном я позабочусь.

— А если я передумал?

— Мне лично совершенно безразлично, получу ли я эти бумаги от вас живого или возьму из вашей мертвой руки, — сказал лорд, и его рука легла на украшенный эфес. — Или говоря иначе: убью ли я вас до или после передачи документов, не имеет значения.

Пол схватился за свою шпагу.

— Вы дали клятву!

— Фух! — произнес лорд Аластер и вытащил шпагу. — С дьяволом нельзя соблюдать мораль! Документы сюда!

Пол сделал два шага назад и тоже вытащил шпагу.

— Разве вы не говорили, что нас невозможно убить обычным оружием? — спросил он и поднял издевательски бровь.

— Мы увидим, — сказал лорд. — *En garde*,^[49] демон!

Пол с удовольствием поговорил бы еще, но оказалось, что лорд Аластер только и ждал представившейся возможности. Одним шагом он оказался рядом с Полом, твердо решив убить его.

Это желание вместе с отличным умением фехтовать составляло ужасную комбинацию. Пол это понял, когда меньше чем через две минуты оказался прижатым спиной к стене. Он парировал удары, нырял между простынями и пробовал, в свою очередь, загнать лорда в угол. Напрасно.

Кошка спрыгнула с шипением с подоконника и удрала через арку. Проклятье! Почему он не послушался Люси? Она настойчиво просила сделать временное окно короче. Тогда он, возможно, сумел бы продержаться до того момента, когда растворился бы в воздухе перед глазами лорда.

Оружие Аластера блеснуло на солнце. Его следующий удар был таким сильным, что Пол едва не выронил свою шпагу.

— Подождите! — крикнул он, задыхаясь больше, чем на самом деле. — Вы выиграли! Я отдам вам бумаги!

Лорд Аластер опустил шпагу.

— Весьма разумно.

Подчеркнуто тяжело дыша, Пол оперся на стену и бросил лорду Аластеру коричневый конверт. В то же мгновение он бросился вслед, но лорд Аластер оказался к этому готов. Он дал конверту упасть на землю и легко парировал нападение Пола.

— Я вижу любую дьявольскую хитрость насквозь! — вскричал он, смеясь. — А сейчас посмотрим, какого цвета ваша кровь!

Он сделал хитрый выпад, и Пол почувствовал, как клинок прорезал сначала рукав, а потом и кожу. Было не особенно больно, поэтому он предположил, что это просто царапина, но злорадная улыбка его противника и тот факт, что у Аластера почти не сбилось дыхание, тогда как он, задыхаясь, хватал воздух ртом, настроили его менее оптимистично.

— Чего вы ждете? — крикнул лорд Аластер своим лакеям через плечо. — Мы не должны оставить ему времени! Или вы хотите, чтобы он растворился в воздухе, как ваши предыдущие враги?

Одетые в черное мужчины среагировали без задержки. Когда они, отбрасывая простыни, добрались до него, Пол знал, что с ним покончено. Хотя бы Люси была в безопасности, мелькнуло у него в голове. Если бы она пошла с ним, ей тоже пришлось бы умереть.

— Ваши последние слова! — сказал лорд Аластер, и Пол на мгновение подумал, не бросить ли шпагу, упасть на колени и начать молиться. Может,

благочестивый лорд из пиетета подождет немного с убийством? А может, он умер бы еще до того, как опустился на колени.

В этот момент за простынями произошло какое-то движение, и один из слуг лорда Аластера упал замертво, еще до того как успел обернуться. После секунды шока второй бросился с обнаженной шпагой на нового противника, молодого человека в зеленом камзоле, который вышел из-за простыни и небрежно отбил атаку.

— Гидеон де Вилльер, — вырвалось у Пола, в то время как он с новыми силами пытался парировать удары лорда Аластера. — Никогда не думал, что когда-нибудь так обрадуюсь твоему появлению, малыш!

— Собственно, мне только стало любопытно, — сказал Гидеон. — Я увидел карету с гербом лорда Аластера на улице и захотел посмотреть, что он делает на этом заброшенном дворе...

— Милорд, это тот самый демон, который убил Дженкинса в Гайд-парке, — пропыхтел слуга лорда.

— Делай то, за что тебе платят, — накинулся на него лорд Аластер, силы которого, казалось, удвоились.

Пол почувствовал, что ранен во второй раз, в ту же руку, немного выше. На этот раз боль пронзила все тело.

— Милорд... — Слуга явно попал в стесненное положение.

— Займись этим! — Лорд был разозлен. — Я позабочусь о другом!

Пол облегченно схватил глоток воздуха, когда лорд отвернулся от него. Посмотрев на руку, он увидел, что кровь еще идет, но держать шпагу он еще мог.

— Да мы знакомы! — Лорд Аластер стоял напротив Гидеона, его клинок темнел от крови Пола.

— Правильно, — ответил Гидеон и Пол восхитился — слегка неохотно — спокойствию, которое тот излучал. Неужели малыш совершенно не боялся? — Одиннадцать лет тому назад, сразу после вашего неудавшегося покушения на графа Сен-Жермена, мы встречались на тренировке по фехтованию у Джиллиано.

— Маркиз Веллдан, — сказал лорд с пренебрежением. — Я помню. Вы передали мне весть лично от дьявола.

— Я передал вам предупреждение, к которому вы, к сожалению, не прислушались. — Зеленые глаза опасно сверкнули.

— Дьявольское отродье! Я сразу это понял, когда увидел вас. И пусть ваши приемы были не так уж плохи, но вы, возможно, помните, что я выиграл в нашем небольшом поединке?

— Я хорошо помню это, — ответил Гидеон и встряхнул кружева на

манжетах, как будто они ему мешали. — Так хорошо, будто прошла всего неделя. Что для меня так и было, если быть точным. *En garde*.

Металл заскрежетал по металлу, но Пол не смог увидеть, кто получил преимущество, потому что оставшийся лакей собрался с силами и кинулся на него со шпагой. Слуга фехтовал не так элегантно, как его хозяин, но зато очень энергично, и Пол чувствовал, как силы в его раненой руке несмотря на небольшую передышку быстро кончались.

Когда же он прыгнет назад? Осталось уже недолго. Он стиснул зубы и сделал следующий выпад. Несколько минут никто не проронил ни слова, слышались только лязг и тяжелое дыхание, и тут Пол увидел боковым взглядом, как драгоценная шпага лорда Аластера пролетела в воздухе и упала на брусчатку с глухим ударом. Слава богу!

Слуга отскочил на пару шагов.

— Милорд?

— Это был подлый прием, демон! — зло сказал лорд. — Против правил! Я сделал туше!

— Как я вижу, вы не умеете проигрывать, — ответил Гидеон. У него текла кровь из раны на руке.

Глаза лорда Аластера горели от ярости.

— Убейте меня, если отважитесь!

— Не сегодня, — сказал Гидеон и засунул свою шпагу за пояс.

Пол увидел движение, которое сделал головой лорд, и как напряг мускулы слуга. Молниеносно бросился он вперед и отбил удар, не дав шпаге слуги вонзиться между ребрами Гидеона. В это же мгновение Гидеон снова достал оружие и ударил слугу в грудь. Кровь потекла густым потоком из раны, и Пол должен был отвернуться.

Лорд Аластер использовал момент, чтобы поднять свою шпагу и наколоть ею коричневый конверт, лежащий на земле. Не произнеся более ни слова, он развернулся и выбежал через арку на улицу.

— Трус! — крикнул рассвирепевший Пол. Затем он повернулся к Гидеону. — Ты ранен, малыш?

— Пустяки, царапина, не больше, — сказал Гидеон. — А вот у тебя похуже. Твоя рука! Столько крови... — Он сжал губы и поднял свою шпагу. — А что это были за документы, которые ты отдал лорду Аластеру?

— Генеалогические древа, — сказал Пол, явно несчастный. — Линии предков по мужской и женской линии путешественников во времени.

Гидеон кивнул.

— Я знал, что вы оба предатели. Но я не думал, что такие глупые. Он попытается убить всех потомков графа! А сейчас он знает имена и женской

линии. Если он победит, мы никогда не родимся.

— Ты должен был его убить, когда у тебя была такая возможность, — горько сказал Пол. — Он нас обманул. Послушай, у меня немного времени, я в любой момент могу прыгнуть назад. Но очень важно, чтобы ты меня внимательно выслушал.

— Я не стану этого делать! — Зеленые глаза сверкнули гневом. — Если бы я знал, что встречу тебя сегодня, я бы захватил пробирку...

— Связаться с Альянсом было ошибкой, — сказал Пол горячо. — Люси с самого начала была против. Но я думал, если мы сумеем им помочь обезвредить графа... — Он схватился за живот. Его пальцы при этом наткнулись на пачку связанных писем, которые он спрятал. — Проклятье! Вот! Держи, малыш!

Колеблясь, Гидеон взял пакет.

— Перестань называть меня малышом. Я на полголовы выше тебя.

— Здесь идет речь о части предсказания, которую граф не показывал Хранителям. Очень важно, чтобы ты ее прочитал, прежде чем решишь тут же побежать к своему любимому графу и наябедничать. Черт, Люси меня убьет, когда это услышит.

— Кто может гарантировать, что это не фальшивка?

— Просто прочти! Тогда ты узнаешь, почему мы украли хронограф. И почему мы хотим помешать графу замкнуть Круг крови. — Он жадно глотнул воздух. — Гидеон, ты должен позаботиться о Гвендолин, — сказал он торопливо. — И ты должен защитить ее от графа!

— Я буду защищать Гвендолин от всех! — В глазах Гидеона блеснула надменность. — Но я не думаю, что это твое дело!

— Это очень даже мое дело, парень. — Пол должен был себя сдерживать, чтобы не пустить в ход кулаки. Господи, если бы мальчик хотя бы чуточку знал!

Гидеон скрестил руки.

— Из-за вашего предательства нас чуть не убили слуги Аластера в Гайд-Парке — Гвендолин и меня! Так что вряд ли ты сумеешь меня убедить, что ты заинтересован в нашем благополучии.

— Ты вообще ничего не знаешь... — Пол прервался. У него просто не было времени. — Неважно. Послушай! — Он думал только о том, что скажет Люси, и пытался вложить в свой голос максимум настойчивости. — Простой вопрос — простой ответ: ты любишь Гвендолин?

Гидеон не отрывал от него взгляда. Но что-то мелькнуло в глубине его глаз, Пол точно это увидел. Что это было? Неуверенность? Ну вот, со шпагой парень мог управляться, а вот в вопросах чувств он был явно

новичком.

— Гидеон! Я должен знать ответ! — Его голос звучал резко.

Лицо юноши потеряло жесткость.

— Да, — ответил он в конце концов.

Пол почувствовал, как вся его злость улетучилась. Люси знала! Как он мог сомневаться в ней.

— Тогда прочти бумаги, — сказал он быстро. — Только там ты сумеешь понять, какую роль в действительности играет Гвендолин и что стоит на кону.

Гидеон уставился на него.

— Что ты имеешь в виду?

Пол наклонился вперед.

— Гвендолин умрет, если ты этому не помешаешь. Ты — единственный, кто это может сделать. И кому она доверяет, насколько можно судить.

Он сильнее сжал руку Гидеона, почувствовав, что вот-вот начнется головокружение. Как много он бы отдал за одну, две минуты отсрочки!

— Обещай мне, Гидеон! — сказал он в отчаянии.

Но ответа он уже не услышал. Все исчезло вокруг него, его сбило с ног и кинуло сквозь пространство и время.

---

notes

Примечания

1

Из монолога Гамлета, перевод Б. Пастернака.

Начало латинской поговорки *Gutta cavat lapidem non vi sed saepe cadendo*.

Капля долбит камень не силой, но частым паденьем.

Овидий, «Послания с Понта».

Старинный городок в Шотландии.

Любовь не удержать, ей не знакомы ни двери, ни запоры;
Она просочится повсюду.
У нее нет начала и конца, ее крылья вечно трепетали
И вечно будут трепетать.

Маттиас Клаудиус (1740–1915) (нем.)

Игра-караоке для игровой приставки.

Действующее лицо из книги Джоанны Спайри «Хайди: годы странствий и учёбы»: пастушок, пасший коз на альпийский лугах.

Еще одно действующее лицо из Джоанны Спайри «Хайди: годы странствий и учёбы»: противная эконожка, преследующая собственные цели.

Идем и встретим рок, что б ни сулил он.

Уильям Шекспир «Цимбелин»

Пер. А. И. Курошевой.

Партия вигов — предшественница либеральной партии в Англии.

Одна из практик целительства при помощи наложения рук, первоначально появившаяся в Японии.

Званный вечер (*устар.*).

Кира Найтли — британская актриса.

Режиссёр фильма «Пиджак» Джон Мейбери, посмотрев «Пиратов Карибского моря», был уверен, что она не умеет играть. Однако Кира сумела его переубедить, и кинопробы прошли успешно.

Один из вариантов менуэта, при котором партнеры протягивают друг другу попеременно руки.

Шаловливость, проказливость (*фр.*).

Мой глаз и сердце, втянутые в спор,
Из-за тебя готовы враждовать.

Шекспир. Сонет 46

(пер. Владимира Микушевича)

Тебя добыл мой ненасытный взор,
И впору каждому свое урвать.

Там же.

Здесь и далее стихи С. Андерсон.

Классическая песня-баллада на музыку Гарольда Арлена и слова Эдгара Харбурга. Написанная специально для мюзикла 1939 года «Волшебник страны Оз», песня была исполнена Джуди Гарленд и стала её визитной композицией. Песня была удостоена премии «Оскар» в номинации «Лучшая песня к фильму».

Вспышка света в каждом слове (*англ.*). — слова из песни Леонарда Коэна «Аллилуйя».

Игра слов: *Violet Purpleplum* можно перевести с английского как *фиолетовая пурпурная изюминка* («изюминка» — в прямом и переносном смысле).

Классический десерт из Haute cuisine («высокой кухни»).

Серьезное заболевание, связанной с отсутствием аппетита.

Начальные строки стихотворения, которое разучивала Элиза Дулитл в мюзикле «Моя прекрасная леди», работая над своим произношением.

Крылатая фраза, переделанная из стихотворения Генриха Гейне «Die Gestalt der wahren Sphynx...» («Образ сфинкса наделен...»)

Любое время — это Сфинкс, низвергающийся в пропасть,
как только решена его загадка.

Актерская труппа лорда Чемберлена была самой знаменитой во времена королевы Елизаветы I. В ней в качестве актера, драматурга и совладельца работал Шекспир.

Песня группы ABBA.

Потрясающе (*фр.*).

Не так ли? (фр.)

Просто катастрофа! (*фр.*)

Абсолютно (фр.).

Подумать только! (фр.)

Норвежская певица.

Исландская певица.

На русском языке этот пассаж из сказки звучит как «и была она бела, как снег, как кровь, румяна, и такая черноволосая, как черное дерево».

Уильям Шекспир «Сон в летнюю ночь». Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Добро пожаловать (*фр.*).

Спинет — небольшой домашний клавишный струнный музыкальный инструмент, разновидность клавесина.

Песня из мюзикла «Классный мюзикл».

Спасибо за комплимент (фр.).

Игра слов.

Аналог русской пословицы «После драки кулаками не машут» звучит в переводе с немецкого «После того, как ребенок упал в колодец, колодец накроют».

Песня из мюзикла «Эвита».

Мюзикл Эндрю Ллойда Вебера.

Без сопровождения (муз.).

В английском языке все неодушевленные предметы обозначаются средним родом.

Время, ничего, кроме времени.
Это как стих без рифмы.
А в конце — все зависит только от тебя.

Bon Jovi «Love Ain't Nothing But A Four Letter Word»

Опера В. А. Моцарта.

Ты очаровательна (*фр.*).

В классическом варианте игры участвуют две команды, одна из которых прячется, а другая ее ищет. Основой поиска являются специально оставленные первой командой следы, в том числе и ложные.

Зд.: «К бою!» (фр.)

Очень распространены в Германии. Выглядят так:

